

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

**Natalia M. Smirnova, Irina A. Beskova,
Anatoly S. Maidanov**

LANGUAGE, MEANING, CREATIVITY

Москва
2015

Российская Академия Наук
Институт философии

**Н.М. Смирнова, И.А. Бескова,
А.С. Майданов**

ЯЗЫК, СМЫСЛ, ТВОРЧЕСТВО

Москва
2015

УДК 100.7+165+155.4
ББК 15. 31+15.56+88.4
С 50

В авторской редакции

Авторы:

Н.М. Смирнова – Предисловие, Глава 1, Заключение, Summary

И.А. Бескова – Глава 2

А.С. Майданов – Глава 3

Рецензенты

доктор филос. наук *В.М. Розин*
доктор филос. наук *В.П. Филатов*

С 50

Смирнова, Н.М. Язык, смысл, творчество [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Н.М. Смирнова, И.А. Бескова, А.С. Майданов. – М. : ИФ РАН, 2015. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 51–52, 92–95, 134–135. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0289-8.

В предлагаемой коллективной монографии авторы знакомят читателя с современными дискуссиями о природе и когнитивных функциях смысла. Сопоставлены эвристические потенциалы двух подходов к его изучению: лингво-коммуникативный и генетический. В книге осуществлен критический анализ направлений философско-методологического анализа проблем бытия и порождающих структур смысла в языке и коммуникациях. Его дополняет анализ проблематики истоков и генезиса смыслообразующей деятельности человека от смутного «ощущения смысла» до обретения им интерсубъективной знаковой формы. Книга адресована как профессиональному сообществу, так и студентам и аспирантам, изучающим философию.

ISBN 978-5-9540-0289-8

© Смирнова Н.М., 2015

© Бескова И.А., 2015

© Майданов А.С., 2015

© Институт философии РАН, 2015

Содержание

Предисловие	9
Глава 1. Смысл как идеальная предметность эпистемологии	13
1.1. Понятие и когнитивная структура смысловых образований	13
1.1.1. Понятие смысла против радикального натурализма в современной теории познания	13
1.1.2. Смысл как нефизическое событие в сознании: менталистский подход	18
1.1.3. Прямой, конвенциональный и первичный смыслы: реконструкция изначальных (примордиальных) интенций	21
1.2. Лингво-коммуникативный проект анализа смысловых образований	30
1.2.1. Эмерджентные коннотации и схема выражения: социально- феноменологический проект	30
1.2.2. Антиципация схем выражения как условие восприятия смысла	34
1.3. Неартикулированный смысл: природа и когнитивные функции	37
1.3.1. «Ощущение смысла»: артикуляция и формулировка	37
1.3.2. Неартикулированный смысл как нерепрезентативное ментальное состояние: «гнездовая» структура репрезентаций	43
1.3.3. Специфические понятия, образы и ментальные модели	48
Список литературы	51
Глава 2. Рождение новых смыслов как творческий процесс	53
2.1. Истоки формирования выражающих смыслы когнитивных структур	54
2.1.1. Язык – смысл – звук	54
2.1.2. Аспекты эволюционно раннего отношения звука и содержания	56
2.1.3. Звук как элементарная единица выражения смысла	58
2.2. Логика трансформации звукокомплексов в ходе когнитивной эволюции	60
2.2.1. Смысл как объемный паттерн организации внутреннего опыта	60
2.2.2. Двойственность и недальность: позиция наблюдателя	63
2.2.3. Когнитивная эволюция как побочный эффект	65
2.2.4. Внешне-внутреннее и механизм постижения	67
2.3. Трансформация смыслов: путь от прото-образов до символов	72
2.3.1. Влияние коммуникативного ресурса на трансформацию когнитивной структуры	72
2.3.2. Воздействие видоизмененной структуры на изначальный опыт	75
2.3.3. Появление новых операций преобразования информации	77
2.3.4. Слово и рождение новых типов осмысливаемой реальности	79
2.3.5. Творческая способность как побочный продукт эволюции	81
2.3.6. Языки, используемые на разных стадиях творческого процесса	85
Заключение	87
Список литературы	92

Глава 3. Метафора как средство мифологического творчества	96
3.1. Сущность метафоры и ее структура	96
3.1.1. Метафора как «скрещение смыслов»	96
3.1.2. Структура метафоры	99
3.1.3. Внешний и глубинный планы метафоры и мифа	104
3.2. Процесс порождения метафор.....	105
3.2.1. Этап конструирования метафор и мифов.....	105
3.2.2. Методы и приемы метафоризации.....	106
3.2.3. Использование антропосоциоморфных образов в качестве метафор	107
3.2.4. Использование зооморфных образов в качестве метафор.....	111
3.2.5. Взаимоотношения компонентов метафоры	114
3.3. Постижение смысла метафор и мифов.....	117
3.3.1. Истолкование метафор и мифов	117
3.3.2. Реалистическое содержание как решающий фактор истолкования мифов	122
3.3.3. Миф как полисмысловой текст и методы его дешифровки.....	128
3.3.4. Истолкование мифа как его демонтаж	133
Список литературы	134
Заключение	136
Именной указатель.....	137
Summary	140

Table of contents

Editor's Preface (Natalia Smirnova).....	9
Chapter 1. Meaning as an ideal subject matter of epistemology (Natalia M. Smirnova).....	13
1.1. The Concept and Cognitive Structure of Meaningful Complexes.....	13
1.1.1. The Concept of Meaning against Radical Naturalism in Contemporary Theory of Knowledge	13
1.1.2. Meaning as Non-Physical Event in the Human Mind: Mentalistic Approach	18
1.1.3. Direct, Conventional and First Meanings: Reconstruction of Initial (Primordial) Intentions	21
1.2. Lingua-Communicative Project of Meaningful Complexes' Analysis.....	30
1.2.1. Emergent Connotations and the Scheme of Expression: Social Phenomenology's Project	30
1.2.2. Anticipation of the Expression's Scheme as Precondition of Grasping the Meanings	34
1.3. Unarticulated Meaning: the Essence and Cognitive Functions.....	37
1.3.1. "The Sense of Meaning": Articulation and Formalization.....	37
1.3.2. Unarticulated Meaning as Non-Representative Mental State: "Nesting" Structure of Representations	43
1.3.3. Specific Concepts, Images and Mental Models.....	48
Chapter 2. The new senses emergence as a creative process (Irina A. Beskova).....	53
2.1. Sources of the meaning expressing cognitive structures formation	54
2.1.1. Language – sense – sound	54
2.1.2. Aspects of evolutionary initial relationship between sense and sound.....	56
2.1.3. Sound as an elementary unit of the meaning expression.....	58
2.2. Logic of sound complexes transformation in a course of a cognitive evolution.....	60
2.2.1. Sense as a volumetric pattern of the internal experience organization.....	60
2.2.2. Duality and non duality: the observer's position.....	63
2.2.3. Cognitive evolution as a by-effect.....	65
2.2.4. External-internal and the mechanism of comprehension	67
2.3. Transformation of meanings: from proto-images to symbols	72
2.3.1. The communicative resource influence on the transformation of a cognitive structure.....	72
2.3.2. An influence of a transformed structure to the initial experience.....	75
2.3.3. New operations of the information transforming emergence.....	77
2.3.4. A word and the new types of the comprehended reality coming into being.....	79

2.3.5. The creative capacity as a one more by-product of the evolution.....	81
2.3.6. Languages which are using at the different stages of a creative process	85

Chapter 3. Metaphor as a means of mythological creativity

(Anatoly S. Maidanov)	96
3.1. Metaphor's Essence and Structure.....	96
3.1.1. Metaphor as "the Crossing of Meanings"	96
3.1.2. The Structure of Metaphor	99
3.1.3. External and Profound Levels of the Metaphor and Myth.....	104
3.2. The Rise of Metaphors.....	105
3.2.1. The Stage of Construction of Metaphors and Myths	105
3.2.2. Methods and Techniques of Making a Metaphor	106
3.2.3. The Use of Human and Social Images as Metaphors.....	107
3.2.4. The Use of Animals' Images as Metaphors	111
3.2.5. Interrelations Between the Different Components of the Metaphor	114
3.3. Comprehension of Metaphor's and Myth's Meanings	117
3.3.1. Metaphor's and Myth's Interpretation.....	117
3.3.2. Realistic Content as a Decisive Factor of Myth's Interpretation.....	122
3.3.3. Myth as Multi-Meaningful Text and Its Decoding Methods.....	128
3.3.4. Myth's Interpretation as Its Dismantling.....	133

Предисловие

Эта книга – результат напряженных раздумий трех авторов, сотрудников сектора философских проблем творчества, – Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой и А.С. Майданова – о когнитивной природе самого загадочного явления человеческого духа – смысла. Его интерпретация как *атрибута* человеческого мышления, деятельности и социальной организации обусловила специфическую трудность его изучения как идеальной предметности эпистемологии. Ибо смысл задает «человеческое измерение» *всех* артефактов человеческой деятельности: мир культуры и социальности буквально «светится смыслами». Но если философия есть самосознание культуры, рефлексия над ее предельными основаниями¹, то для определения смысла как «всепроникающего излучения» культуры, казалось бы, нужно выйти за ее пределы и занять позицию «абсолютного наблюдателя» по отношению к ней. Сделать это, очевидно, невозможно, т. к. любые философские рассуждения о культуре всенепременно нагружены ее же, культуры, имплицитными смысловыми презумпциями. Погруженность социального теоретика в различные ансамбли языковых и социокультурных практик порождает его несвободу от социально-групповых и общекультурных предпосылок человеческого мышления, деятельности и социальной организации.

Не ставя перед собой очевидно невыполнимой задачи всестороннего исследования смысла, авторы знакомят читателя с современными дискуссиями о природе и когнитивных функциях смысла и различными подходами к его изучению. Методологически не вполне оправдано оценивать их по шкале большей или меньшей предметной адекватности, соответствия идеалам и нормам современного философского познания. Рассмотренные в книге философские направления исследования смысла более корректно полагать взаимодополнительными. Использование эвристического потенциала каждого из них – вопрос не столько истинности, сколько когнитивной целесообразности. Основанные на различных когнитивных презумпциях, они совместно работают на обогащение центрального философского понятия – человеческого смысла бытия и познания.

¹ Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 208; он же. Философская антропология и философия культуры. М., 2015. С. 190.

В рамках (пост)неклассической рациональности не полегит сомнению, что доступ к реальности опосредован знаково-символическими средствами языка, культуры и предметно-практической деятельности. Поэтому в первом и втором разделах первой главы книги (Н.М. Смирнова) рассмотрены направления философско-методологического анализа проблем бытия и порождающих структур смысла в языке и коммуникациях. Показано, что развитие лингво-коммуникативного подхода осуществляется в контексте дискуссий о когнитивных вариациях «расщепления» смысла (первичный смысл, прямой смысл, конвенциональный смысл и т. п.), его семантической и семиотической дифференциации в ответ на новые вызовы современной коммуникативной практики. Рассмотрение этих проблем требует обращения к таким инструментам концептуального анализа, как «расщепление смысла», «раскол референции», метафоризация, интерпретация, демифологизация и т. п.

Но философская констатация невозможности внелингвистического доступа к реальности в рамках (пост)неклассической рациональности не снимает проблемы связи языка и мышления, и по сей день остающейся одной из наиболее дискуссионных в современном философском сообществе. Поэтому серьезное внимание в книге уделено не только анализу когнитивных функций смысла в языке и социальности, но и проблеме истоков и генезиса смыслообразующей деятельности человека. В осуществлении этого анализа в третьем, заключительном, разделе первой главы (Н.М. Смирнова) и во второй главе (И.А. Бескова) фокус исследования сдвинут с проблем социально-конструирующих функций языка в культуре и коммуникациях на процесс *становления* языковых форм смысла. Новый фокус высвечивает не философско-аналитические проблемы расщепления «готового» смысла (на прямой, первичный и конвенциональный), но когнитивные процедуры его конституирования, генезиса его интересубъективной культурной формы. Ибо смыслы, выраженные в языке символов, – лишь верхушка, поверхностный пласт действительного объема содержаний, рождающихся в акте созидания подлинно нового. И если мы ограничимся исследованием лишь готового результата смыслопорождения, то от нашего мысленного взора ускользнет исток и сущность, выражающие масштабность и подлинную природу процесса генезиса

человеческих смыслов. В интегральной целостности человеческой экзистенции смысл представлен как биографически детерминированный запас внутреннего опыта.

Рождение смысла подернуто завесой тайны. Процесс смыслообразования «не вычерчен» на когнитивной карте человеческого разума: когда новый смысл обретает языковую плотность, в самих знаках нет следов этой работы. Поэтому изучение истоков и этапов смыслоконституирующей деятельности разума осознано в книге как отдельная, и притом важнейшая проблема эпистемологии, исследование которой требует специальных когнитивных усилий. Авторы уделяют серьезное внимание современным дискуссиям, в центре которых – выявление когнитивной природы и функций изначально неартикулированного смысла (*initially unarticulated meaning*): от зарождения смутного «ощущения смысла» до обретения им собственной языковой плотности. Исследуя проблему зарождения смыслов из первичных несимволических ментальных репрезентаций, авторы подвергают специальному рассмотрению сумеречную зону скользящего перехода: от изначально неясного «ощущения смысла» до его адекватного выражения в языке, взаимосвязь таких «переходных» когнитивных образований, как первичные неязыковые обобщения, составляющие основу познания и на до-человеческом уровне, прото-образы, образы-символы, звуко-буквы и т. п. Так, во второй главе рассмотрены как онто-, так и филогенетические составляющие генезиса смысла. И.А. Бескова обосновывает тезис о неслучайном характере взаимосвязи звуко-комплексов, лежавших в основе базисной лексики современных естественных языков, и выражаемых ими содержаний. Задаваясь поистине кантовским вопросом, как возможно, что в основе естественного языка лежит не произвольное увязывание имен с фрагментами человеческого опыта, но налицо глубинные основания, неслучайная и сложная по природе связь, авторы пролагают тропинки в «святая святых» творческой лаборатории человеческого мышления.

Предпринятое в заключительной главе (А.С. Майданов) исследование в области эпистемологии метафоры позволяет пролить дополнительный свет на «работу» смысла в языке. Рассматривая метафору как важнейший инструмент смыслового творчества в культуре, автор изучает процессы «расширения» и «скрещения»

смыслов в архаическом (мифологическом) мышлении. Он обосновывает собственный взгляд на генезис человеческой культуры как существенно метафорический в своей основе.

Не ставя перед собой априори неосуществимой задачи всеобъемлющего исследования когнитивных измерений смысла, авторы сосредоточились на обсуждении наиболее дискуссионных аспектов формирования и функционирования смысла в языке и культуре. То, в какой мере нам это удалось, судить читателю. Мы же приглашаем всех наших читателей к вдумчивому диалогу по важнейшим вопросам, поднятым в этой книге.

В заключение напомним, что настоящее Предисловие, а также первая глава «Смысл как идеальная предметность эпистемологии» написана Н.М. Смирновой, вторая глава «Рождение новых смыслов как творческий процесс» принадлежит перу И.А. Бесковой, третья – «Метафора как средство мифологического творчества» – А.С. Майданову. Авторы выражают благодарность нашим рецензентам: доктору философских наук, проф. В.М. Розину, доктору философских наук, проф. В.П. Филатову, а также всему сектору философских проблем творчества, в коллективе которого и родился замысел этой книги.

*Н.М. Смирнова,
апрель 2015.*

ГЛАВА 1. СМЫСЛ КАК ИДЕАЛЬНАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

1.1. Понятие и когнитивная структура смысловых образований

1.1.1. Понятие смысла против радикального натурализма в современной теории познания

Понятие смысла по праву числят в ряду наиболее трудно определяемых («ускользающих») философских понятий. Быть может, поэтому философская сущность смысла зачастую подвергалось наиболее беспощадному виду критики – отрицанию. И речь не только об адекватных естествознанию своего времени метафизических концепциях вульгарного материализма, сводящего идеальное к особой форме материального («мозг выделяет мысль, подобно тому, как печень выделяет желчь» или: «человек есть то, что он ест»). В данном случае я не имею в виду и предельно формализованные версии логического позитивизма («треугольник» Фреге, «сплюснутый» Расселом)², достаточно полно проанализированные в отечественной историко-философской и историко-научной литературе. Речь о новомодных тенденциях неинтенционального переопределения эпистемологии: попытках замены понятия «знание» на безличную «информацию», осуществляемых в рамках радикальной версии «натуралистического поворота» в современной теории познания.

² Отмечу, что явной натяжкой представляется мне представление о том, что изучение языка в рамках аналитической философии – лишь средство прояснить способы проекции знаковых систем на онтологические представления. Напротив, сами онтологические представления объявляются всецело зависимыми от форм естественного языка, т. е. от нашего расчленения мира в соответствии с его грамматикой и прагматикой. Наиболее формализованные версии аналитической философии придают самостоятельную ценность описанию языковых форм, избегая рискованных утверждений о самой реальности.

Радикальный (элиминативистский) натурализм³ в эпистемологии ориентирован на исключение из корпуса философского знания всего того содержания, которое «не вписывается» в натурализованную картину человеческого познания, понятого как исключительно процесс адаптации человека к природной и социокультурной среде. Известной популярности в философском сообществе он обязан апелляцией к достижениям современных когнитивных (нано-, био-, когно- т. п.) наук. С выходом в междисциплинарный контекст словарь современной теории познания пополнился целым рядом терминов не только общенаучных, но и общекультурных по содержанию (отчет, тест, контекст, речевой акт, компьютерная метафора, искусственный интеллект и т. п.). Философские метаморфозы смысла в процессах междисциплинарного синтеза состояли в требовании замены «человекоразмерного» понятия смысла на такие, содержание которых допускает неинтенциональное определение и количественную фиксацию (информация, база данных и т. п.). Понятие же интенциональности как культурно-, когнитивно- и личностно-избирательной обращенности человека к миру изначально «светится смыслом» и очевидным образом «выпадает» из радикально натурализованной картины человеческого познания. Поэтому А. Розенберг, к примеру, полагает, что натуралистическая эпистемология должна воздержаться от использования «интенционально относительного» термина «смысл» и переопределить как понятие «знание» (knowledge), так и систему категорий, с ним связанных, неинтенциональным образом. И если уж столь «человечески-ориентированные» биологические и психологические науки не апеллируют к смыслам, то и эпистемология должна освободиться от подобных «семантически неопределенных» понятий⁴. Натуралистический элиминативизм редуцирует эпистемологию к чисто служебной роли «когнитивного подспорья» научного знания, полагая, что ее нормативность вполне исчерпывается силой инструментальной рациональности.

³ Подробнее см.: *Смирнова Н.М.* Эволюционная эпистемология в контексте современных дискуссий // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции / Отв. ред. Е.Н. Князева. М., 2012. С. 57–77.

⁴ *Rosenberg A.* Naturalistic Epistemology for Eliminative Materialists // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. LIX. No. 2. P. 334–336.

Однако критический анализ эвристических возможностей радикального натурализма свидетельствует, что его последовательное проведение ведет к самоотрицанию эпистемологии, редукции ее содержания к общим проблемам когнитивных социальных наук. Показательно в этом отношении предложение У. Куайна отказаться от всей верификационно-ориентированной эпистемологии и заменить ее номологической дескрипцией процесса познания. На опасность когнитивных вызовов со стороны сильных версий натурализованной эпистемологии, в том числе и в варианте У. Куайна, справедливо указывает крупнейший отечественный теоретик познания В.А. Лекторский: «Идея натурализованной эпистемологии, высказанная еще в начале 70-х гг., нашла немало сторонников, – полагает он, – хотя по существу она означает *элиминацию центральной эпистемологической проблематики* (курсив мой. – Н.С.)»⁵.

Сказанное выше приводит к следующему выводу. В ситуации мощнейших когнитивных вызовов со стороны радикального натурализма в эпистемологии *акцентуация философской значимости исследования смысловой составляющей человеческого познания является манифестацией важности исследования философских форм идеальной предметности*, сохранения нормативного статуса эпистемологии в системе современных когнитивных наук. Обращенность к философскому анализу смысла имплицитно содержит имманентную критику крайних форм элиминативистского натурализма в эпистемологии.

Специфическая трудность изучения смысла как идеальной предметности эпистемологии и генезиса смысловой составляющей человеческого познания состоит в том, что процесс смыслообразования как таковой «не высвечен» на когнитивной карте человеческого Разума. «Если мы попытаемся определить в общем виде столь привычное нам понятие “смысл” (“Meaning”), – сокрушается Леонард Блумфилд, – это приведет лишь к бесплодным дискуссиям и псевдо-проблемам»⁶.

Смысл свято хранит тайну своего рождения, и нужны огромные когнитивные усилия, дабы приоткрыть ее покров. Завеса тайны смысла объемлет и области философского исследования, ори-

⁵ Лекторский В.А. Новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2012. С. 33.

⁶ Bloomfield L. Meaning [Electronic resource] URL: <http://www.jstor.org/stable/30169963> (дата обращения: 11.12.2014).

ентированные на иные социокультурные миры. Так, известный отечественный исследователь «логики смысла» арабской культуры А.В. Смирнов справедливо замечает: «этот процесс (смыслообразования. – Н.С.), совершающийся за пределами, высвеченными нашим сознанием, не выступает для нас на поверхности, и требуются особые усилия, чтобы осознать его. Само собой разумеется, что этот процесс не является результатом “отпечатывания” внешнего мира в нашем сознании; напротив, скорее он ответственен за то, каким предстает мир-для-нас, поскольку именно он определяет его осмысленность»⁷. Последнее означает, что «смысловое строение социального мира» (А. Шюц) *анперципирует восприятие* природной и социокультурной реальности человеком.

Рождение новых смыслов манифестировано заметными сдвигами интенциональной конфигурации сознания, или (феноменологически) «модификацией базовых структур релевантности» (А. Шюц). И хотя невозможность внелингвистического доступа к реальности в рамках (пост)неклассической рациональности не подлежит сомнению, вопрос о том, сколь необходимым образом процесс смыслообразования связан с языком, и по сей день остается одним из самых дискуссионных в профессиональном философском сообществе⁸. Однако когда вновь образованный смысл обретает свою языковую «телесность», в самих знаках следы смыслообразующей работы сознания «стерты». Языковые знаки сами по себе не содержат сведений о процессе становления содержания знаковой формы. Поэтому реконструкция этого процесса – дело философии в союзе с когнитивными науками. И если же философия будет игнорировать эти общие проблемы, прозорливо предостерегает Л. Блумфилд, то они станут проблемами психологии и социологии, а не одной лишь лингвистики⁹.

Принципиальную трудность в изучении формальных структур естественных языков привносит тот факт, что сам язык выступает конститутивным фактором жизненного мира человека. Проще го-

⁷ Смирнов А.В. Логика смысла. М., 2001. С. 32.

⁸ Так, Лоуренс Бонжур заключил, что тот факт, что «содержание» наших репрезентаций прямо доступно путем рефлексии, не требует, чтобы ментальные репрезентации были бы лингвистическими знаками или символами – т. е. нам не нужно «мыслить в словах» (*Bonjour L. Is Thought a Symbolic Process? // Synthese. No. 89. P. 333.*

⁹ Bloomfield L. Meaning.

воря, различные языки моделируют различные образы мира, укорененные в культурной истории языкового сообщества. Культурное многообразие современного мира побуждает нас принять тезис мультикультурализма, согласно которому «иная культура является иной в самом своем основании, каковое представлено способом образовывать смысл. Удивительное свойство слова предполагать другие слова и в зародыше содержать в себе способ рассуждения, способ связи с другими словами, способ выстраивания текста проистекает именно отсюда – из того, что оно является выражением сложного процесса выплавления смысла»¹⁰. «Внутренняя форма слова» (Г.Г. Шпет) удивительно чувствительна к социокультурному контексту, и потому естественные языки изоморфно не переводимы друг в друга.

В заключение вводного раздела подчеркну, что смысловые характеристики человеческого познания обретают особое значение в рамках (пост)неклассической рациональности. Классическая наука исходила из неявной когнитивной презумпции абсолютной смысловой прозрачности языка как посредника социальных взаимодействий. Предполагалось, что «идолы языка», способные вводить в заблуждение, легко растопить в лучах критики и просвещения. Классическая же общенаучная картина мира, во имя (классически понятой) «объективности» абстрагированная от культурно-антропологических и инструментальных характеристик деятельности субъекта познания, оставляла смысл в «слепом пятне» философско-методологического анализа. *Понятие смысла обретает особый философский статус в процессе трансформации классической картины мира как «чистой» (неинтенциональной) онтологии в инструментально-деятельностную и ценностно-ориентированную парадигму (пост)неклассической рациональности.*

Но будучи одним из центральных понятий (пост)неклассической рациональности, понятие смысла сохраняет высокий уровень контекстуальной полисемии, ситуативной определенности, «концепцио-зависимости». Интуитивистская герменевтика, например, отождествляет смысл с содержанием личностного переживания. «Поздняя» же конститутивная феноменология, «заточенная» на изучение процессов конструирования смысловых форм идеальных предметностей, практически абстрагировалась

¹⁰ Смирнов А.В. Логика смысла. С. 32.

от анализа проблем языковой выраженности смысла. Напротив, лингвистическому позитивизму, в свою очередь, свойственно «растворение» смысла в знаково-символических формах его «явленности» в языке. Поэтому, избегая практически не выполнимой задачи исчерпать философское понимание смысла, я ограничусь сопоставлением двух содержательно и логически наиболее значимых когнитивных подходов к определению смысла в современной эпистемологии.

Первый подход – назовем его *лингво-коммуникативный* – изучает смысл как атрибут наличных языковых форм и сфокусирован на исследовании жизни смысла в языке. Такой анализ отвлекается от изучения процессов *генезиса* смысла из неязыковых форм когнитивной деятельности. Однако философски не менее важно исследовать не только работу смысла в языке, но и до-языковой этап его генезиса из несимволических ментальных репрезентаций, составляющих основу познания и на до-человеческом уровне (*генетический* подход). Методологически некорректно квалифицировать тот или иной подход как в большей или меньшей мере адекватный идеалам и нормам современного философского познания. Они взаимодополнительны, и использование эвристического потенциала каждого из них – вопрос не столько истинности, сколько когнитивной целесообразности. Основанные на различных когнитивных допущениях, оба подхода совместно работают на обогащение центрального философского понятия – человеческого смысла бытия и познания.

1.1.2. Смысл как нефизическое событие в сознании: менталистский подход

Современный теоретик познания Л. Блумфилд полагает, что начинать изучение смысла с попытки определить расхожий (*popular*) или технический термины, обычно используемые для обозначения этого понятия, непродуктивно. Гораздо эвристичнее, полагает названный автор, подойти к определению смысла с точки зрения его выраженности в языке, т. е. его лингво-коммуникативных функций. Такое направление исследования работы смысла в языке следует отнести к первому из означенных выше подходов.

Для того чтобы понять характер взаимосвязи языка и смысла, Л. Блумфилд предлагает прибегнуть к мысленному эксперименту. Предположим, разумный наблюдатель явился к нам с другой планеты, где голосовой язык неизвестен¹¹. Этот наблюдатель увидит, что человек отличается от животного хорошо отлаженной кооперацией совместной деятельности, а также кумулятивной системой адаптации, что позволяет использовать результаты предшествующих успешных действий сообщества. Он также обратит внимание, что в ходе человеческой деятельности мы произносим звуки, очевидным образом связанные с определенными типами действий, вещей и событий. Например, он увидит, что человек на улице говорит: «идет дождь», а другой, находящийся дома, закрывает окно или берет зонт, собираясь выйти наружу. Или на призыв: «Закрой дверь!» другой направляется к двери и осуществляет предложенное действие¹². Со временем испытуемый начинает понимать выражения типа: «Вчера был дождь», «Завтра будет дождь», «Похоже, будет дождь, и надо закрыть окно» с их темпоральными и модальными вариациями. В конце концов он научится распознавать и отдельные части высказываний и поймет, что такие слова, как «закрывать», «окно», и т. п. появляются в речи в связи с определенными действиями, предметами и событиями. Когда, наконец, наш воображаемый наблюдатель вернется на свою планету и вознамерится рассказать своим братьям по разуму о нашем языке, ему понадобится общее слово, обозначающее объекты и события, типичным образом связанные с теми или иными формами речи.

Предложенный эксперимент не столь уж и фантастичен. И в нашей собственной культурной практике изучающий иностранный язык сталкивается с подобной необходимостью. И если для

¹¹ Подобный пример, к слову, я недавно обнаружила в научно-фантастическом романе К. Саймака «Город». В нем жители Земли переселяются на Юпитер, находя его более комфортным для жизни, в частности, потому, что мысль собеседника непосредственно транслируется в мозг, минуя знаково-символические формы его представленности в языке, что в принципе исключает неправильное понимание (*Клиффорд Д.С. Город: Научно-фантаст. роман. М., 1952*).

¹² Я обязана голландской исследовательнице Элз ван дер Зи, работающей со глухонемыми от рождения детьми, следующим наблюдением: картина мира таких детей гораздо менее упорядочена, чем наша, ввиду невозможности схватить причинно-следственную связь между словом (напр., командой, просьбой, приказанием) и действием. Это мир «слабой детерминации».

обозначения релевантных речевых типизаций он не захочет ввести в оборот новый термин, то он, естественно, выберет уже знакомый – смысл (meaning). Испытуемый скажет, что любая форма речи связана с определенными чертами ситуаций говорящего и определенными типичными действиями слушающего. Он, полагает Л. Блумфилд, придет к определению вроде такого: «характеристики ситуации и действия, которые являются общими для всех высказываний определенной речевой формы, являются смыслом (meaning) этой речевой формы»¹³.

Подобное определение, укореняющее смысл в языке, устраняет множество проблем метафизического толка. Но всегда ли смысл связан с высказыванием? Каково значение служебных слов, таких как «но», «если», «потому что»? Каков смысл ситуаций, описанных в мифологическом мышлении?¹⁴ Можно, полагает он, избежать этих и множества других проблем, если принять *менталистский* (mentalist) взгляд и предположить, что речевые формы отражают ненаблюдаемое, *нефизическое событие в сознании* говорящего и слушающего. Таким образом, любая произнесенная речевая форма с необходимостью выражает произошедшее *ментальное событие*.

Менталистский подход к анализу смысла предполагает, что в исследовании последнего следует начинать с классификации и кодификации языковых форм, а не смыслов. Понятно, почему: описать, классифицировать и организовать формы языка сложно, но можно, тогда как связанное с ними великое многообразие смыслов практически не поддается кодификации. Фонемы относительно просты по структуре, тогда как смыслы сложны, т. к. охватывают все ситуации, события и явления человеческого жизненного мира.

Но изучение языковых форм самих по себе – лишь первый шаг: они не могут быть отделены от их смысловых контекстов. Даже в изучении фонетической стороны языка мы можем выявить релевантные черты звука, только если известно его значение¹⁵. Сказанное выше приобретает особую актуальность в отношении редких и экзотических языков. Так, индейцы штата Висконсин и Мичиган, замечает Л. Блумфилд, произносят одно и то же слово «небо», варьируя отдельные гласные звуки, т. е. четырьмя различ-

¹³ Bloomfield L. Meaning. P. 102.

¹⁴ Подробнее об этом см. гл. 3 настоящей книги.

¹⁵ О связи звуков и букв со смыслами см. главу 2 настоящей книги.

ными способами. Но если мы идентифицируем все четыре с одним словом – «небо», – различия в нюансах произношения не будут столь уж существенны, т. к. станут восприниматься как фонетические вариации одного и того же значения. И лишь различия в значении определяют релевантность и/или иррелевантность фонетических вариаций в коммуникативной практике¹⁶.

1.1.3. Прямой, конвенциональный и первичный смыслы: реконструкция изначальных (примордиальных) интенций

Дальнейшее развитие первого из упомянутых, т. е. лингво-коммуникативного подхода, осуществляется по линии все более тонких семантических различий понятия смысла. Смысл претерпевает семантическое «расщепление» в ответ на вызовы все более изощренной лингво-коммуникативной практики. Проиллюстрируем подобное «расщепление смысла» на примере недавней дискуссии специалиста в области философии языка С. Дж. Тэлмеджа с известным Гарвардским профессором Д. Дэвидсоном. Предметом дискуссии является целесообразность различения понятий прямого, т. е. буквального (*literal*) смысла, конвенционального (*conventional*) и первичного (*first*) смысла¹⁷.

Придерживаясь коммуникативной теории языка, т. е. представления о том, что язык является исключительно инструментом коммуникации, Д. Дэвидсон оппонирует распространенной точке зрения, согласно которой прямой смысл совпадает с конвенциональным. Он полагает, что само понятие прямого смысла следует существенным образом связать с языковой коммуникацией. Согласно лингво-коммуникативному подходу, прямой смысл – тот, который говорящий намерен донести до слушателя. Иными словами, это такой смысл, который говорящий хочет, чтобы слушатель приписал его высказыванию.

Коммуникативное определение прямого смысла как такого, который говорящий намерен донести до слушателя, таит в себе непроговоренные (скрытые) импликации. Прежде всего, коммуни-

¹⁶ Bloomfield L. *Meaning*. P. 103.

¹⁷ Talmage C.J. *Literal Meaning, Conventional Meaning and First Meaning* // *Erkenntnis*. 1994. Vol. 40. No. 2 (Mar.). P. 213–225.

кативное определение понятия прямого смысла уже предполагает его зависимость от коммуникативного контекста. Чтобы избежать порочного круга, Д. Дэвидсон привлекает описание семантических оттенков понятия смысла из своих более ранних работ. Он утверждает, что мы могли бы знать, что означают слова говорящего, если мы знаем, как построить теорию, описывающую истинностные условия всех – потенциальных и актуальных – высказываний говорящего. Иными словами, прямой смысл манифестирован особой интенцией, согласно которой это именно тот смысл, который говорящий хочет, чтобы слушатель использовал для интерпретации его слов (т. е. приписал его словам тот смысл, что имел в виду говорящий). В таком понимании участвовать в языковой коммуникации – значит схватывать прямые смыслы.

В свою очередь, С. Дж. Тэлмедж полагает, что прямым значением следует считать то, что схватывается коммуникативным партнером в *понимании языкового выражения*. Но такое понимание может как состояться, так и потерпеть неудачу: если мне, говорящему, удастся донести до собеседника прямое значение моих слов, это еще не гарантирует понимания, и напротив, если слушатель понимает меня отнюдь не буквально, коммуникация вполне может оказаться успешной. В таком понимании языковая коммуникация не сводится к схватыванию прямого смысла высказывания.

Традиционная точка зрения состоит в том, что прямой смысл языковых выражений отражает сложившиеся в естественном языке и культурно оформленные языковые конвенции, в феноменологических терминах – «седиментацию интересубъективных значений». В таком понимании прямой смысл совпадает с конвенциональным. Д. Дэвидсон показывает ошибочность такого мнения и предлагает ему собственную альтернативу. Он настаивает на необходимости различать прямой и конвенциональный смысл. Чтобы показать, что в общем случае прямой смысл не может быть идентифицирован с конвенциональным, он приводит пример того, как лингвистическая коммуникация может «провалиться» (fail), когда слушатель схватывает конвенциональный смысл, а также и обратный пример того, как коммуникация может быть успешной в том случае, когда слушатель не схватывает конвенционального значения говорящего. Так, мы обычно не испытываем трудности понимания смысла текста даже и в том случае, если не знаем словарных значений от-

дельных слов, – это известно каждому, кто читает на иностранном языке. Но возможна и обратная ситуация: мы знаем конвенциональные значения всех слов, но не можем понять смысла составленного из них высказывания. Русскоязычная языковая игра («казнить нельзя помиловать») как нельзя лучше иллюстрирует этот тезис. Следовательно, наше понимание высказывания в целом не сводится к знанию конвенциональных значений отдельных слов.

Для понимания смысла высказывания нам требуется нечто большее, не содержащееся в знании конвенциональных смыслов слов, его составляющих, – а именно, нам необходимо знание намерений (*intention*), или исходных допущений (*initial assumption*) говорящего. И лишь приняв во внимание эти исходные намерения говорящего, мы сможем его понять, т. е. приписать такой смысл его высказыванию, какой хотел донести до нас он сам. Так, понять смысл приведенного выше выражения «казнить нельзя помиловать» можно лишь в том случае, если мы знаем, что говорящий хочет проявить милосердие. Тогда мы припишем высказыванию запретительный смысл и поставим запятую после второго слова. Однако при том же самом конвенциональном значении слов возможна и иная – побудительная – интерпретация всего высказывания. Если мы знаем, что говорящий не склонен к великодушию, запятую следует поставить после первого слова. Следовательно, заключает Д. Дэвидсон, у нас нет иного выбора, как предположить, что в подобных случаях важно не только конвенциональное значение произнесенных слов, но и знание «изначальных (примордиальных) интенций». Именно они конституируют *первичный смысл* высказывания. Успешность языковой коммуникации гарантирована схватыванием именно первичных смыслов, – утверждает Д. Дэвидсон. Когда слова используют правильно, т. е. в соответствии с их словарными значениями, конвенциональный смысл совпадает с первичным. Именно это совпадение и порождает иллюзию их тождества. В общем же случае схватывание именно первичного смысла обеспечивает успешность языковой коммуникации.

Придя к такому заключению, Д. Дэвидсон вовсе не утверждает, что языковая коммуникация невозможна, когда слушатель схватывает не первичный, но прямой или конвенциональный смыслы сказанного. Но это относительно простые случаи. В общем же случае прямое значение, полагает он, не может быть отождествлено

с конвенциональным значением, ибо, в отличие от понятия прямого значения, понятие конвенции не является существенным для общего описания языковой коммуникации. Так что *в общем случае, заключает Д. Дэвидсон, прямое значение следует отождествлять не с конвенциональным, но с первичным значением.* И у нас нет иного выбора, как предположить, полагает он, что для понимания высказывания важно не только прямое значение произнесенных слов, но и умение схватить изначальные интенции, которыми обладает говорящий в момент речевого действия.

Однако прямой смысл (тот, который говорящий намерен донести до слушателя) не может всецело зависеть от намерений говорящего, т. к. смысловое ядро слова аккумулирует интерсубъективный опыт его употребления всем языковым сообществом. Относительную независимость прямого значения от установок говорящего Д. Дэвидсон называет «автономией значения». Она проявляется в том, что одно и то же высказывание с одним и тем же значением может быть использовано с различными целями. Для иллюстрации этого положения уместно вспомнить известный пример Л. Витгенштейна: восклицание «Кирпич!» в различных языковых играх имеет неодинаковый, а подчас и прямо противоположный смысл, и означает призыв к разнонаправленным действиям. Так, на строительной площадке этот клич означает требование подачи строительного материала, тогда как при разборке строительных объектов восклицание «Кирпич!» призывает к соблюдению техники безопасности («поберегись!»).

Понятие первичного смысла, как видно из рассуждений Д. Дэвидсона, предполагает референцию к определенным изначальным (примордиальным) интенциям в момент говорения. Но они могут быть различны, и мы в точности не знаем, какой именно руководствуется говорящий. Д. Дэвидсон придает решающее значение главной, мотивирующей интенции. Дабы прояснить понятие мотивирующей интенции, Д. Дэвидсон приводит пример легендарных слов Диогена, обращенных к Александру: «Не заслоняй мне солнце!». Теоретически Александр мог бы интерпретировать эти слова по-разному, например, приписав им буквальный смысл: Диоген действительно хочет погреться на солнце, и потому просит Александра не заслонять его своим телом. А, может быть, он преисполнен желания преподать великому современнику урок по-

чтения пред ликом вечного источника жизни? Очевидно, это не единственно возможные интерпретации. Но как реконструировать главную изначальную интенцию Диогена? Из чего мы заключаем, что его примордиальное намерение – прослыть философом в глазах Александра? Ответ Александра («если бы я не был Александром, то стал бы Диогеном») не оставляет сомнения в том, что Александр ухватил главную, мотивирующую интенцию Диогена, благодаря чему их языковая коммуникация состоялась. Собеседники поняли друг друга, а это означает, по Д. Дэвидсону, что Александр схватил именно первичный смысл сказанного Диогеном. Но он, этот первичный смысл, и есть порождение его главной, мотивирующей «изначальной интенции», в данном случае – прослыть мудрецом в глазах великого современника. Нет сомнений в том, что Диоген вовсе не хотел, чтобы Александр приписал его высказыванию буквальный смысл.

Мы вправе говорить, что языковая коммуникация состоялась, утверждает Д. Дэвидсон, если коммуникативный партнер схватил *первичный* смысл говорящего. Именно в нем выражены его коммуникативные намерения. В относительно тривиальных случаях, когда мы апеллируем к «словарным» значениям слова, конвенциональное значение совпадает с прямым, и это создает иллюзию их идентичности. В более же изощренных лингво-коммуникативных ситуациях прямое значение следует идентифицировать не с конвенциональным, но с первичным значением, убежден Гарвардский профессор.

Д. Дэвидсон использует литературные примеры для иллюстрации того, что языковая коммуникация может «провалиться» (fail), когда слушатель схватывает конвенциональное значение сказанного, а также и примеры противоположной ситуации – того, что коммуникация достигает успеха, когда слушатель схватывает отнюдь не конвенциональный смысл содержания говорящего, но то, что говорящий лишь камуфлирует словами. Но схватывание именно первичного смысла обеспечивает успешность языковой коммуникации, как в приведенном выше примере с Диогеном.

Однако в данном примере, констатирует С. Дж. Тэлмедж, как нередко случается, первичный смысл совпадает с конвенциональным. Если иметь в виду, что «место под солнцем» – символ жизненного пространства, то выражение приобретает идиоматический

оттенок, а вместе с ним – и конвенциональный смысл. Совпадение первичного смысла с конвенциональным, полагает С. Дж. Тэлмедж, и ввело Д. Дэвидсона в заблуждение относительно их тождества. Такое совпадение случается часто, но, как мы увидим далее, отнюдь не всегда.

Вывод Д. Дэвидсона относительно того, что схватывание первичного смысла является непременным условием успешности коммуникации, полагает С. Дж. Тэлмедж, можно считать корректным, если и только если говорящий действительно хочет донести до слушателя прямое значение своих слов. Однако говорящий может и не иметь такого намерения – случай редкий, но все же возможный: обстоятельства подчас вынуждают к рискованным «языковым играм». Предостережение о том, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли, свидетельствует, что говорящий отнюдь не всегда мотивирован донести до слушателя свои главные примордиальные интенции.

Почерпнутую из популярной американской литературы и описанную С. Дж. Тэлмеджем ситуацию непонимания, когда слушающий схватывает прямой (но не первичный) смысл говорящего, я проиллюстрирую известным примером из отечественной литературной классики: великолепно написанным диалогом Понтия Пилата с Афранием из знаменитого романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Разговор двух героев, как известно, начинается с того, что П. Пилат вызывает к себе начальника тайной стражи вверенной ему римской провинции – Иудеи и предупреждает его о том, что на Иуду готовится покушение. Попытка Афрания приписать словам Пилата прямой смысл (призыв предотвратить покушение, как того требуют должностные обязанности «первого стражника») терпит неудачу. Пилат усиливает эмоциональный напор. Он сопровождает свои слова восхвалением высочайшего профессионализма «рыцаря плаща и кинжала», которому ведомы все тайные помыслы возмутителей спокойствия мятежной провинции. Постепенно автор вводит нас в обстоятельства разговора: начальник тайной стражи V прокуратора Иудеи Афраний и в самом деле виртуозно владеет своим ремеслом, и ни один заговор не смог бы ускользнуть от его уха и взора. Оттого-то доблестный «рыцарь плаща и кинжала» внимает Пилату с явным недоумением: кому, как не ему, знать все потаенные помыслы беспокойной

Иудеи! Но нет у него сведений о якобы грядущем покушении. Так, полагаясь на прямой смысл Пилатовых слов, Афраний «выпадает» из языковой коммуникации.

Но разговор «не клеится» лишь до тех пор, пока Афраний приписывает словам Пилата прямое, т. е. буквальное значение. Однако языковое общение – разворачивающийся во времени процесс, и его результат трудно предсказуем, когда в игру вступают не жестко предписанные образцы коммуникации по типу «приказ-исполнение», но упомянутые выше «изначальные (примордиальные) интенции». Чего хочет Пилат? Что сокрыто за его словами, произнесенными по долгу службы? Разговор «на разных языках» идет до тех пор, пока ценою невыносимых посулов и поощрений Пилату не удастся донести до Афрания свою главную мотивирующую интенцию: отомстить Иуде за его предательство. Эта главная изначальная интенция Пилата конституирует *первичный смысл* его разговора. Постигание именно первичного смысла, тщательно завуалированного словами, и обеспечило искомое взаимопонимание. Прозревший, наконец, Афраний, схвативший потаенный смысл пилатова замысла (т. е. его главную изначальную интенцию, конституировавшую его первичный смысл), риторически вопрошает (уточняет): «Так убьют, игемон?» – «Непременно убьют!», – отвечает Пилат – языковая коммуникация состоялась! Собеседники достигли взаимопонимания лишь тогда, когда Афранию удалось, наконец, «развести» прямой и первичный смыслы сказанного Пилатом и схватить примордиальную интенцию, конституирующую его первичный смысл.

В отчете о выполнении тайного поручения Афраний, продолжая ранее начатую словесную игру, сразу апеллирует к главной изначальной интенции Пилата, конституировавшей первичный смысл его приказа: он с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как о дерзости убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника. Продолжение коммуникации не сулит прежних трудностей: Пилат сразу схватывает не прямой, но первичный смысл отчета тайного стражника. Собеседники прекрасно понимают друг друга, хотя прямой смысл их слов прямо противоположен первичному («интенциональному») смыслу. Остается обрести лишь конвенциональный смысл разговора: какую версию задуманного Пилатом и содеянного Афранием преподнести общественности.

В общем случае, полагает С.Дж. Тэлмедж, прямой смысл не только не следует отождествлять с конвенциональным (как справедливо полагает Д. Дэвидсон), но и – в отличие от Д. Дэвидсона – идентифицировать с первичным (интенциональным). И хотя Д. Дэвидсон преуспел в демонстрации различия между прямым и конвенциональным смыслом, признает С.Дж. Тэлмедж, он не заметил существенных различий между прямыми и первичными смыслами. В общем случае прямой смысл не только не следует отождествлять с конвенциональным (в этом названный автор солидарен с Д. Дэвидсоном), – но его (прямой смысл) не следует идентифицировать и с первичным (интенциональным).

Последнее утверждение опирается на представление о том, что в философии языка «работают» (а нередко и отождествляются) две концепции прямого значения. Первая связана с ответом на вопрос, как субъект заставляет коммуникативного партнера интерпретировать сказанное им нужным ему способом, вторая – при каких обстоятельствах субъект придерживается точки зрения, что сказанное – истинно. Нетрудно видеть, что эти два вопроса различны: первый связан с интенцией (*intention*), второй – с верованием (*belief*). Тем не менее, Д. Дэвидсон полагает, что ответы на эти вопросы совместимы друг с другом. А если говорящий и вовсе не имеет намерения быть правильно понятым? Д. Дэвидсон находит такие случаи исключительными. Но исключительное – не значит невозможное. Ироничное предостережение: «Не пойми меня правильно!» – вполне осмысленное предписание собеседнику придать словам говорящего не первичный, но конвенциональный смысл.

Но даже если предположение о невозможности иметь намерение быть неправильно понятым заложить в основание теории коммуникации, тем не менее, возможность рассогласования в ответе на оба вопроса сохраняется. Наиболее очевидный пример – разговор с самим собою. Предположим, что мы говорим: «Идет снег». Ответ на второй вопрос, при каких обстоятельствах высказывание будет истинным, очевиден: тогда и только тогда, когда снег идет на самом деле. Вопрос же о том, как заставить моего слушателя правильно интерпретировать мои слова (первый вопрос), просто отпадает, т. к. у говорящего с самим собою такого намерения нет вообще: он сам и есть свой собственный интерпретатор. Но если принять утверждение о том, что желаемая (говорящим) интерпре-

тация его слов собеседником конституирует прямое значение, то придется признать, что сказанное мною себе самой – бессмысленно. А если предположить, что мышление и есть внутренняя речь, то этот пример не столь уж и исключителен.

Можно, конечно, наложить соответствующее ограничение на идеализирующие допущения теории, исключив из нее случаи разговора с самим собою. Но подобное ограничение, очевидно, не является решением проблемы, т. к. внутренняя речь опосредует процесс мышления человека. «Поскольку внутренняя речь (“речь про себя”) – это речь, лишенная внешнего звукового оформления и протекающая с использованием языковых значений, но вне коммуникативной функции, и она не выполняет функции общения, а лишь обслуживает процесс мышления конкретного человека, при этом отличаясь по своей структуре свернутостью, отсутствием второстепенных членов предложения, предикативностью, то, акцентируя внимание на ее причастности к психофизическим смыслам, мы подчеркиваем еще раз “приватность” последних, их природе, имманентную состоянию отдельного человека»¹⁸. Поэтому гораздо логичнее предположить, соглашаясь С. Дж. Тэлмеджем, что не все случаи использования языка следует считать «языковой коммуникацией». *Именно в этом пункте первый из нами упомянутых, а именно, лингво-коммуникативный подход к проблеме смысла, обнаруживает пределы своей адекватности.* Когда я говорю себе: «Идет дождь», я не вступаю в языковую коммуникацию, хотя и произношу слова, имеющие прямой смысл. На чем же тогда основан тезис, что сказанное имеет прямое значение, хотя говорящий и не имеет коммуникативного намерения? Если принять точку зрения С. Дж. Тэлмеджа о необходимости различать прямой и первичный смыслы, то предположение Д. Дэвидсона, что языковая компетенция состоит в способности передавать и схватывать предполагаемую интерпретацию (*intended interpretation*), т. е. первичный смысл, следует подвергнуть существенной корректировке. С этой (скорректированной) точки зрения языковая компетенция говорящего состоит в способности передавать *лингвистические стандарты* (феноменологически – «схему выражения») языкового

¹⁸ Теоретическую модель генезиса внутренней речи предложил Л.С. Выготский. См.: *Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 47.*

сообщества, а для слушателя – схватывать их. Приняв такое определение языковой компетенции, мы приходим к тому, что языковая компетенция – не способность заставить других интерпретировать наши слова ожидаемым нами образом, но способность понимать и быть понятым. Но прояснение этого вопроса требует рассмотрения самих лингвистических стандартов, или «схем выражения». Этому и посвящен второй раздел настоящей главы.

1.2. Лингво-коммуникативный проект анализа смысловых образований

1.2.1. Эмерджентные коннотации и схема выражения: социально-феноменологический проект

Что же представляют собой упомянутые выше *лингвистические стандарты*, знание которых – в рамках лингво-аналитического проекта – гарантирует intersубъективность взаимного понимания? Можно ли усвоить чужой язык, ограничившись знанием его словаря и грамматики? Для ответа на этот вопрос обратимся к альтернативному, философски более глубокому проекту исследования речевых коммуникаций – социально-феноменологическому.

Социально-феноменологическая концепция языка опирается на классическую (корреспондентскую) концепцию значений языковых знаков (конструкцию соответствия), но значительно усложняет ее за счет введения дополнительных идеализирующих допущений. Понятие соответствия в социально-феноменологической интерпретации опирается на Гуссерлеву концепцию *аналогизирующей апперцепции*. Аналогизирующая апперцепция конституирует два различных явления как смысловые единства благодаря спонтанной способности сознания к интуитивному схватыванию смыслового сходства. Но этим заимствования из Э. Гуссерля не исчерпываются.

Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуативно-интеракционистский подход к значению языковых знаков. С этой точки зрения устойчивое ядро референтных значений, зафиксированное в сло-

варях (в терминологии Дэвидсона – конвенциональное значение), воплощает лишь *типизированный*, intersубъективный опыт использования слова и не исчерпывает собою всей полноты его значения. Неисчерпаемость смысла связана со сложностью, неоднородностью самой текстуры значения. Устойчивое ядро значения, зафиксированное в словарях, окружено размытой периферией ситуативных коннотаций, подобно хвосту кометы сопровождающих «твердую породу» словарного значения. Не существует формальных правил приписывания значений, т. е. правил выбора той или иной вариации основного значения, адекватных наличной коммуникативной ситуации. Для правильного понимания слова необходимо принять во внимание его ситуативные коннотации, выражающие личный опыт использующего его человека применительно к конкретной ситуации речевого общения¹⁹. И лишь говорящий (и только он), лично вовлеченный в конкретную коммуникативную ситуацию, в состоянии осуществить выбор соответствующей коннотации, т. е. ситуативной вариации основного (словарного) значения. Это означает, что ситуативно-коммуникативная схема языка усваивается лишь в процессе коммуникации, когда говорящий на практике постигает сопряжение определенных ситуаций с выбором той или иной речевой формы – именно так и поступал гипотетический инопланетный наблюдатель в приведенном выше примере Л. Блумфилда.

И здесь, наконец, настало время развести понятия «значение» и «смысл». В отечественной литературе подобное различие мы находим в работах А.Р. Лурия, с которым и солидаризируемся. «“Значение” есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор вводит и другое понятие, обозначаемое термином «*смысл*». В отличие от значения, смысл – «*индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если “значение” слова intersубъ-

¹⁹ Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1934).

ективно, т. е. является объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации»²⁰. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего языкового сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека, к его как «биографически-определенной ситуации» (А. Шюц), так и конкретной ситуации речевого взаимодействия.

Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ситуативно обусловленными ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Эти «добавочные», маргинальные смыслы являются чем-то вроде ауры, окружающей ядро устоявшегося, «словарного» значения. Подобные эмерджентные смыслы содержат следы прошлого опыта использующего слово человека и нагружены лексически не выразимыми иррациональными импликациями. Эмерджентные смыслы «намекают», ретенциально реанимируют следы прошлого опыта, но прямо не выражают их. Их можно выразить с помощью невербальных коммуникаций (взгляда, жеста, танца), положить на музыку. На ауре маргинальных смыслов зиждется вся мировая поэзия. Но их нельзя деконтекстуализировать. Не существует общезначимых правил их выбора для всех ситуаций речевого взаимодействия, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»²¹, – справедливо полагает Г. Гарфинкель. Употребление любого слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его собственным определением наличной ситуации общения.

А. Шюц убежден, что язык каждый раз рождается заново в процессе его использования. Это значит, что устоявшееся словарное значение слова всегда испытывает определенные модификации в практике его употребления применительно к определенной ситуации речевого взаимодействия, а почерпнутые из коммуника-

²⁰ Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53.

²¹ Garfinkel H. *Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology*. L., 1986. P. 114.

тивного опыта эмерджентные смыслы обретает дополнительную «ситуативную» окраску применительно к каждому отдельному случаю их употребления.

Коннотации смыслов, сведенных воедино, образуют специфическую *схему выражения*. Она может носить персональный характер, если «непроговоренные смыслы» имеют характер личностного знания, определять культурное лицо членов социальной группы («языковые умолчания»), наконец, принадлежать лингвистическому сообществу в целом (идиомы, тропы). Но даже и в последнем случае схема выражения не может быть усвоена лишь из словаря и грамматики – приписывание «прямого» смысла словам идиоматического выражения ведет к бессмыслице. «Для того чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А. Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выругаться»²². Экспрессивная и интерпретативная схемы языковых знаков постигаются лишь в живом опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

На уровне макроструктуры ситуативная детерминация смыслов означает необходимость специального исследования интерпретативных процедур как способов приписывания intersubъективных значений. Нормативные правила сами по себе не содержат инструкций по приписыванию значений окружающим объектам или событиям. Поэтому, «чтобы решить проблему формулировки всеобщих правил в определенном социальном контексте, – рассуждает А. Сикурел, – я использую понятие интерпретативных процедур как инвариантных свойств или принципов, которые позволяют приписать intersubъективное значение правилам, называемым социальными нормами»²³. Когнитивной психологии, убежден он, недостаточно для понимания генезиса смысловой структуры социального мира. Она не раскрывает, как формулируются отдельные социально структурированные мысли, воспринимаются образы событий и объектов на основе более общих социальных правил и норм, т. е. не исследует *ситуативный базис значений*. Усвоение же языковых правил сходно с усвоением норм: и то, и другое предпо-

²² Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. The Univ. Of Chicago Press. 1979. P. 98.

²³ Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973. P. 85.

лагают умение интерпретировать. Ребенок должен учиться интерпретировать общее правило или норму вкупе с конкретными случаями их употребления – невозможно научить ребенка быть вежливым, не представляя образцов (когнитивных паттернов) вежливого поведения. «Члены общества, – убежден А. Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение их окружению, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»²⁴. В философско-методологическом плане это означает, что любые интерпретации суть временные конвенции, и могут быть приняты лишь до тех пор, пока не опровергнуты последующими интерпретациями. Социальная феноменология, таким образом, вносит свой вклад в разработку проблемы значения естественных языков, однако перспективы создания общей теории значения естественных языков и по сей день остаются весьма неопределенными.

1.2.2. Антиципация схем выражения как условие восприятия смысла

Социально-феноменологический анализ коммуникативной функции языка состоит в исследовании его способности транслировать социальные значения. Как вариант неклассического обществознания, социальная феноменология отвергает свойственную классической науке метафору языка как неискажающего переносчика социальных значений – подобия светоносного эфира классического естествознания. Она вводит сильное идеализирующее допущение: *непрерывным условием адекватного восприятия речи является совпадение, по меньшей мере, частичное, упомянутых выше схем выражения*. Совпадение схем выражения в просторечье означает, что оба «говорят на одном языке». В ситуации лицом к лицу, где симптомы чужой субъективности максимально открыты, в этом, как правило, можно убедиться, наблюдая за выражением лица коммуникативного партнера. Говорящий интерпретирует реакцию партнера как гнев, отчаяние, безразличие *аппрезентативно*, т. е. на основании «эмпирически сходной манеры собственной

²⁴ Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. P. 51.

телесной экспрессии». Но феноменологическая теория аппрезентации содержит сильное ограничение: для того, чтобы подобная интерпретация чужой телесной экспрессии стала возможной, использующий коммуникативные знаки должен предварительно пережить сходные эмоции в собственном опыте. Ибо наличие гуссерлевского «первого творения» (в данном случае – опыта собственного переживания) – неперемное условие феноменологически понятой аппрезентации.

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации непрямых социальных взаимодействий. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру, использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением лица и телесной экспрессией коммуникативного партнера. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных контекстов значений в самом процессе языкового взаимодействия. Поэтому, чтобы быть правильно понятым, говорящий должен осуществить воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. осуществить *антиципацию аппрезентативной и референциальной схем* восприятия своего адресата – предвосхитить, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом (социальной ролью), то использующий языковые знаки должен по возможности строго придерживаться их социально апробированного, «словарного ядра» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, тем более «интерсубъективно» следует использовать языковые знаки, по возможности прибегая к использованию их конвенциональных значений.

Исследования А. Шюца о практике речевого взаимодействия в повседневной жизни развивает представитель «поздней» социальной феноменологии А. Сикурел. Он еще более углубляет ситуативно-интеракционистский подход к пониманию смысла. А. Сикурел подвергает критике нормативную установку, ориентирующую исследователя на то, чтобы ограничиться формулировкой всеобщих правил и оставить без внимания способы их реализации в мыслях и действиях конкретных людей. Ведь правило зафиксировано в словесных предписаниях. В отличие от него, действие, в том числе речевое, носит спонтанный характер и детерминировано множе-

ством жизненных обстоятельств, отсутствующих в формулировке правила. Действие может лишь отчасти следовать правилу. Между ними – неустранимый зазор, преодолеваемый личным усилием говорящего-действующего. А. Сикурел²⁵ обращает внимание на тот факт, что сами по себе всеобщие правила, функционирующие в виде ценностей и норм, не содержат сведений о том, как их использовать на практике, т. е. применять в каждом отдельном случае. Подобное знание всегда контекстуально. Оно возникает в процессе социальных коммуникаций и содержит невербализируемые моменты, определяемые жестами, мимикой, телесной экспрессией говорящего. Словарные же значения, несмотря на их контекстуально-сенситивное происхождение, должны быть ситуативно релевантны, т. е. специально отобраны для решения определенной задачи речевого взаимодействия. В каждом конкретном случае они имеют эмерджентные значения *ad hoc*. Поэтому значения, содержащиеся в словарях, пригодны для решения конкретных практических задач лишь постольку, поскольку тот, кто их использует, руководствуется не логическими критериями выбора значений, но сам решает, какие именно черты коммуникативной ситуации оправдывают его лексический выбор.

Развивая ситуативно-интеракционистский подход к значению языковых знаков на основе феноменологических принципов, социальная феноменология опосредует «эпистемологический разрыв» (М. Полани) между первым и вторым из вышеупомянутых подходов к философскому анализу смысла. Но переход на более глубокий уровень исследования требует анализа процесса генезиса смысла как такового. Этому и посвящен раздел 3 настоящей главы.

²⁵ *Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973.*

1.3. Неартикулированный смысл: природа и когнитивные функции

1.3.1. «Ощущение смысла»: артикуляция и формулировка

В предыдущих разделах мы проанализировали дискуссии вокруг понятия смысла как идеальной предметности эпистемологии, представленной в содержании готовых знаково-символических форм. Однако целый ряд современных авторов, взгляды которых мы рассмотрим далее, полагают, что истоки исследования смысла восходят не к функционированию смысла в языке и коммуникациях, но к процессу генезиса «сгустков смысла», еще не артикулированных в знаково-символической форме, из более простых когнитивных образований, нередко общих нам с высшими животными. Ибо смысл, как я его здесь понимаю, – специфически человеческое, культурное образование. Поэтому философски не менее важно, полагают, к примеру, Дж. Блэховиц, Е. Рош, Ф. Джонсон-Лэрд²⁶ и др., исследовать не только работу смысла в языке, но и доязыковой этап его генезиса из несимволических ментальных репрезентаций, составляющих основу познания и на до-человеческом уровне. Для осуществления такого анализа необходимо сдвинуть фокус исследования с языковой коммуникации, т. е. *использования* готовых знаковых систем, к процессу *становления* языковых форм значения. Новый фокус высвечивает не проблемы «расщепления смысла» (прямой, первичный и конвенциональный), но когнитивные процедуры его конституирования, генезиса его intersubъективной культурной формы. Поэтому настало время философски углубить наш анализ смысла и обратиться к исследованию процессов его генезиса – обретения и наращивания языковой плоти смысла, т. е. ко второму из обозначенных во вводной части нашей главы подходов.

Смысл, который «схвачен», «ощущаем», но еще не (вполне) выражен в языке: какого рода репрезентацией или ментальным состоянием он является? Каковы его связи с другими ментальными состояниями и этапы последующего движения к ясному и отчетливому выражению в intersubъективной знаковой форме? Таковы

²⁶ J. Blachowicz, E. Rosch, Ph. Johnson-Laird.

основные темы настоящего раздела. Заметим, что обе они конкретизируют более общую проблему, сформулированную известным отечественным исследователем А.В. Смирновым: «Поддается ли его (смысла) возникновение логически упорядоченному и связному описанию? Вариативны ли стратегии формирования смысла, и если да, то что означает эта вариативность для представления об универсальности разума?»²⁷. Изучение истоков смыслообразования, таким образом, – важнейшая составная часть и предпосылка исследования единства человеческого Разума.

Сказанное выше означает, что подобный *генетический* подход к анализу смысла представляет особый интерес для изучения процессов культурно-антропологической «сборки» сознания. В обычном опыте умственной деятельности мы не сразу схватываем новый смысл в ясной и отчетливой форме. Изначально это, скорее, неформальное «облако смысла». Поначалу он дает о себе знать не столько ощущением нового, т. е. изменением смысловой конфигурации сознания, где каждый отдельный элемент трансформирует структуру целого, сколько решением определенной жизнепрактической задачи. Так, А. Шюц характеризует процесс смыслообразования как заполнение «пустот» в сложившейся смысловой ткани сознания. Генезис новых смыслов – это, по его словам, «заполнение пробелов (*vacansu*) путем скольжения луча внимания по смысловому контуру сознания для восполнения недостающих звеньев»²⁸.

«Ощущение знания» (М.М. Шульман), еще неотчетливое и не выраженное в словах, необходимых для его интересубъективной трансляции, по-видимому, знакомо каждому. Ибо любая новая «задумка», «проект», «план» не «вспыхивают» в сознании творца как ясные и отчетливые, на манер картезианских идеальных математических сущностей. Творческий замысел, «установочный план – это не обязательно нечто логически ясное и выраженное, – справедливо полагают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов. – Напротив, – это, скорее, некий неосознаваемый, невербализируемый, некоммуницируемый, нерасчлененный “сгусток смысла”, который выливается рано или поздно в выражение мыслей в вербализиро-

²⁷ Смирнов А.В. Логика смысла. С. 4 (аннотация).

²⁸ Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Пер. с англ. и нем., общ. и науч. ред. Н.М. Смирновой. С. 369.

ванной форме»²⁹. Теоретики синергетической парадигмы в теории познания, названные авторы анализируют процесс генезиса и вербализации «сгустков смысла» с позиций методологии формирования устойчивой сложной системы. Мы же прибегнем к рассмотрению иных подходов, апеллирующих к теоретико-лингвистическим разработкам философии анализа естественного языка.

Главным «персонажем» *генетического* подхода к изучению смысла является парадоксальное для классической эпистемологии понятие «*изначально неартикулированного смысла*» (initially unarticulated meaning)³⁰. Неявной когнитивной презумпцией анализа выращивания языковой плоти смысла является философская констатация «эпистемологического разрыва» (М. Полани) между мыслью и ее интересубъективным выражением в языке. Это означает, что обретение языковой формы смысла проходит длинный и сложный путь в когнитивном пространстве между восприятием, образом и знаком. Процесс становления знаковой формы презентации неартикулированного смысла мы, вслед за названными выше авторами, и будем называть «артикуляцией» (articulation). Артикуляция – это умственное действие, направленное на вербализацию «языка мысли» (Дж. Фодор) и/или «языков мозга» (К. Прибрам), т. е. «ощущаемого», но еще не выраженного («неартикулированного») смысла. Артикуляция, таким образом, представляет собой анализ когнитивных механизмов движения от неартикулированного смысла к обретению интересубъективной словесной формы его выражения в познавательной деятельности человека.

Опыт свидетельствует, что артикуляция всегда сопряжена с когнитивными усилиями, направленными на поиск адекватного выражения «ощущаемого смысла». Говоря о когнитивных усилиях, необходимых для артикуляции, т. е. обретения и наращивания «языковой плоти» неартикулированного смысла, я вовсе не имею в виду, что последнее изначально обладает «языковой стерильностью», и лишь со временем обретает «печать проклятья быть отягощенным материей языка». Более пристальный взгляд на характер их взаимосвязи обнаруживает, что адекватной процессу

²⁹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Изд. 4-е, доп. М., 2011. С. 71.

³⁰ См.: Blachowicz J. Unarticulated Meaning // Erkenntnis. 1994. Vol. 40. No. 1. (Jan.).

артикуляции метафорой является не «вспышка» (Г. Гадамер) и даже не «взрыв» (Ю.М. Лотман), но – «сумеречная зона скользящего перехода»³¹.

Предпосылкой изучения неартикулированного смысла является признание неартикулированных когнитивных состояний полноценными когнитивными состояниями, сложным образом связанными с другими ментальными состояниями и процессами. А потому углубление исследования неартикулированного смысла требует ответа на вопрос о специфике когнитивного статуса таких ментальных состояний путем выявления их связи с другими ментальными процессами, например, внутренней речью. Исследования в области нейрофилософии и когнитивных наук позволяют предположить, что «основная функция скрытой артикуляции в мыслительной деятельности заключается в речедвигательной (проприоцептивной) активации мозга и образования в его речевых отделах речедвигательных доминант. Они интегрируют импульсы других анализаторов мозга в единую функциональную систему, которая может произвольно регулироваться посредством кинестезии внутренней речи – и таким путем осуществлять анализ поступающей информации, ее отбор, фиксирование, обобщение и другие операции мышления»³².

В философско-методологических исследованиях артикуляцию следует отличать от словесной *формулировки*, хотя в обыденной речи эти понятия зачастую используют как синонимы. В более же строгом философском дискурсе русскоязычным «артикуляция» и «формулировка» соответствуют англоязычные словосочетания «language-free thought» (неязыковое мышление) и «linguistic expression» (выражение в языке). Изначальная замкнутость артикуляции на еще не облаченные в языковую форму смыслы приводит к тому, что поиски альтернативной артикуляции сопряжены с огромными усилиями мысли, поскольку различные артикуляции с необходимостью выражают различные изначально неартикулированные смыслы (initially unarticulated meaning). В отличие же от альтернативной артикуляции, альтернативные словесные *формулировки* уже артикулированных значений сравнительно легко достижимы и нередко доступны

³¹ Этот переход этимологически выражает латинский глагол «conspīo» – собирать, имеющий общий корень с «concert» – понятие.

³² См.: URL: http://psychologos.ru/internal_speech (дата обращения: 10.12.2014).

в готовом виде. Поэтому процесс исследования «неартикулированного значения» обычно начинают с попыток артикуляции значения (по типу сократовской дефиниции), с удержанием различия артикуляции от определенной словесной формулировки, которая может меняться и безо всякого изменения смысловой артикуляции.

Чтобы проиллюстрировать различие между артикуляцией и формулировкой, воспользуюсь простым примером. Мне предстоит прочитать учебную лекцию для студентов Государственного академического гуманитарного университета. Я *знаю* материал, который собираюсь донести до студентов, но при этом никогда не руководствуюсь готовым *текстом* лекций. Тот факт, что «я знаю», что собираюсь преподавать, излагая знакомый материал, освобождает меня от привязанности к определенным словесным формулировкам. Мое знание пусть и не заготовлено в заранее подобранных словах, состоит из *уже артикулированных* значений. А они, в свою очередь, допускают альтернативные формулировки. Поэтому в разные годы лекция на одну и ту же тему читается по-разному, облекаясь в различные (сравнительно легко достижимые) словесные *формулировки*. То, какими именно они будут, зависит от множества ситуативно-коммуникативных обстоятельств: степени подготовленности аудитории (заметно варьирующейся от одного учебного года к другому), концентрации внимания (не в последнюю очередь зависящую от времени лекции по расписанию), наконец, от направленности интересов и степени заинтересованности аудитории, не говоря уж о моем собственном физическом и эмоциональном тоне. Поиск нужных, адекватных аудитории и ситуации формулировок, в которых излагаются уже готовые (артикулированные) смыслы, – это «настройка на аудиторию», – процесс творческий, а подчас и мучительный. Тем не менее формулировка – это презентация в словах *уже артикулированного* смысла. В подобных случаях, повторяю, возможны множественные альтернативные формулировки, но смысловой артикуляции, как правило, не возникает³³. Однако возможны и исключения. Неожиданный и непредвиденный вопрос подчас побуждает

³³ Наглядности и простоты ради, я отвлекаюсь от примеров (не столь уж и редких), когда в процессе объяснения чего-либо другим происходит и изменение его понимания в собственном сознании, т. е. смысловая *доартикуляция*. Но эти «гибридные» случаи все же требуют предварительного исследования идеализированных, «чистых» форм.

к интенсивному поиску новой артикуляции того, что пока лишь имплицитно присутствует в моем сознании как «неявное знание» (*tacit knowledge* – М. Полани)³⁴. Поэтому процесс смысловой артикуляции, равно как и процесс формулировки, обладает потенциально открытым когнитивным горизонтом.

Современные исследователи фиксируют и еще одно важное отличие артикуляции от формулировки. «Артикуляция, – убежден Дж. Блэховиц, – является по сути *логическим* процессом, в котором импликации из ранее схваченных смыслов обнаружены и соответствующим образом представлены. Как и объяснение, артикуляция представляет смысл, который она артикулирует, относя его к другим уже артикулированным смыслам (главным образом, объяснение использует контекст основополагающего знания в отчете о новом экспланандуме). Эта интеграция того, что еще только должно быть артикулировано (или объяснено), с тем, что уже артикулировано (или объяснено), требует, помимо других концептуальных инструментов, схем классификации и категоризации»³⁵. Умение же пользоваться этими схемами, т. е. распознавать нечто как единственный экземпляр более общего типа, зависит от способности схватывать наличие и/или отсутствие тех или иных характеристик, типизированных в конструкте. Пока иррелевантная информация не будет «заклучена в скобки» (Э. Гуссерль), никакая информационно-процессуальная система не может распознать различные вещи как существенно сходные. Элиминация иррелевантной информации – необходимая предпосылка способности классифицировать, категоризировать и обобщать, т. е. распознавать нечто как единственный экземпляр более общего типа. Абстракции типов, таким образом, связаны с определенными видами отрицания, или, выражаясь словами Э. Гуссерля, «выведения из игры». Способность абстрагироваться от информации, необходимая для образования первичного понятия или типа, присуща любой репрезентации – способности воспринять объект как нечто уже известное как тип.

Подобным логическим операциям (абстрагирования и идентификации), сопровождающим артикуляцию, присущи видимые отличия от языковых операций подбора адекватной словесной фор-

³⁴ Polany M. *Personal Knowledge. Towards Post-Critical Philosophy*. The Univ. of Chicago Press, 1962.

³⁵ Blachowicz J. *Unarticulated Meaning*. P. 46.

мулировки. В различных языковых формулировках одной и той же артикулированной идеи порядок слов (syntax) может изменяться без изменения логической структуры артикуляции. Эта логическая структура может включать различия между действиями, объектами действий, свойствами действий и объектов и т. п., которые остаются даже в лингвистических трансформациях. Так что на вопрос, поставленный в начале настоящего раздела, является ли артикуляция в основе своей логическим процессом, следует (предварительно) дать утвердительный ответ.

1.3.2. Неартикулированный смысл как нерепрезентативное ментальное состояние: «гнездовая» структура репрезентаций

Дж. Блэховиц характеризует неартикулированный смысл как транзитное ментальное состояние, сходное с тем, что ранее названо мною «сумеречной зоной скользящего перехода»: от неясного «ощущения знания» – к знанию. Он полагает, что *неартикулированный смысл существенно нерепрезентативен по своей природе* (курсив мой. – Н.С.). «Что я предлагаю понимать под “нерепрезентативными” или не подпадающими под правила (rull-free) ментальными состояниями, едва ли является мистическим, – утверждает он. – Они существуют везде, где содержание опыта не может быть полностью объяснено, в загадочных восприятиях, которые не поддаются перцептивному распознаванию, в приводящих в замешательство явлениях, не поддающихся научному объяснению, или в ставящих в тупик абстрактных проблемах, которые сами нуждаются в объяснении более высокого уровня. Нерепрезентативные ментальные состояния придуманы не для того, чтобы создать видимость объяснения того, что мы не можем объяснить, но для того, чтобы описать такие когнитивные состояния, в которых мы обнаруживаем, что у нас нет объяснения чего-либо, т. е. тогда, когда когнитивные правила терпят неудачу – и мы *знаем* об этом»³⁶.

Заметим, что принятие этой идеи не требует не только апелляции к интуиционизму, но и отвержения традиционных теорий репрезентации. Упомянутый выше автор называет нерепрезента-

³⁶ Blachowicz J. Unarticulated Meaning. 50.

тивными такие ментальные состояния, которые оказываются вне рамок ранее установленных когнитивных регулярностей, паттернов или типов, т. е. не подпадают под правила (*rule-free*). Но для репрезентации чего-либо мы должны «встроить» его в систему определенных когнитивных регулярностей (образцов, обобщений, типизаций и т. п.). Репрезентации должны следовать упорядочивающим правилам (*rule-like*) «возведения к типу», подобных тем, что присутствуют в грамматике, – противном случае они представили бы нашему сознанию неуправляемым хаосом индивидуальных случайностей.

Феноменологически *типы* – это устойчивые перцептивные конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе опытов. Не будучи априорными (в кантовском смысле), они предшествуют новому опыту и служат опорными пунктами его интерпретации, т. е. распознавания объектов, их отнесения к привычным классам. Правило упорядочивает и организует многообразие перцептивных данных в типы. Логически *правило* – это такое отношение множества переменных, которое выделяет одну из множества их характеристик, формирующую тип. Правила необходимы для любой мысленной идентификации и/или категоризации, сопутствующей, как показано выше, и процессу смысловой артикуляции.

Смысловая артикуляция может осуществляться на различных уровнях познания. Когнитивный феномен может быть как репрезентативным, так и нерепрезентативным одновременно: то, что является когнитивной регулярностью (правилом) на одном уровне, может быть лишь примером на другом, более высоком уровне. Когнитивные правила, которые служили Кеплеру для идентификации данных наблюдения, например, «орбита Марса», не являются правилами (математическими гипотезами), которые изначально объясняют эти данные.

Помимо различения репрезентативных и нерепрезентативных ментальных состояний, для углубления понятия «неартикулированный смысл» прибегнем к еще одному различению – «уровень репрезентации»³⁷. Базисом когнитивных репрезентаций является возможность «отнесения к типу» на основе характеристик, типич-

³⁷ Его используют в своих трудах такие авторы, как J. Blachovitz, Ph. Johnson-Laird, U. Neiser, E. Rosch, E. Sober и др.

зированных в этом ментальном конструкте. Как репрезентативные, так и нерепрезентативные ментальные состояния могут существовать на различных уровнях познания. Мы, например, можем обрести знание того, что такое «дуб», на основании ознакомления с внешним видом отдельных дубов. М. Полани характеризует этот уровень как знание-знакомство («knowledge about»). Это феноменальный уровень, ориентированный на перцептивные типологические характеристики определенного вида деревьев. Но как мы можем отличить класс дубов от других видов деревьев без предварительной идеи того, что такое дуб, в отличие, например, от сосны («knowledge of»)? Ответ напрашивается сам собой: мы должны «знать» дубы двояким образом, каждый из которых исходит из типизаций различного уровня. Мы знаем их феноменально – как объекты, обладающие определенными внешними признаками (кряжистый ствол, резные листья, желуди и т. п.), т. е. с помощью низшего уровня типизаций, выделяющих их в определенный класс (объектов). Но мы также знаем о них концептуально, полагаясь на концептуальное правило более высокого когнитивного уровня, относящее их к роду деревьев. Вышестоящими уровнями репрезентации будут, очевидно, «лиственные растения», «флора» и, наконец, «живое». Таким образом, одни репрезентации могут «гнездиться» в других репрезентациях. Но, постулируя «гнездовую» структуру репрезентаций, мы должны проявлять когнитивную корректность в понимании взаимоотношения их уровней. Ибо аксиомой эпистемологического реализма (с которым я отождествляю собственную позицию) является утверждение, что репрезентации «представляют» не другие репрезентации – они всегда (и только) представляют *объекты* нашего познания. Но репрезентации одного уровня могут объяснять изменения репрезентаций более низкого уровня познания.

Как введенные выше определения помогают продвинуться далее в понимании когнитивной природы неартикулированного смысла? В чем эпистемологический смысл различия неязыковой репрезентации (и соответствующего ей типа правила), *конституирующей* неартикулированное значение, от собственно языковой, правила которой *формулируют* его? Для ответа на этот вопрос вновь прибегнем к мысленным экспериментам, рассмотрев человеческое познание в более широком контексте. Животное, например кошка, мо-

жет идентифицировать мышь, которую ранее никогда не встречала, благодаря способности схватывать ее характерные общие черты (не только внешний вид, запах, но и относительно сложные паттерны поведения). Способность к улавливанию сходства является спонтанной и не требует специальных когнитивных усилий. Анализируя процессы конституирования смыслов в V «Картезианском размышлении», Э. Гуссерль специально подчеркивает, что способность к спонтанному улавливанию сходства и «образование пар» (Päarung) с последующим переходом ко множественным конфигурациям является изначальной способностью трансцендентального сознания, а вовсе не логической операцией. В то же время типизация требует пренебрегать другими, сугубо индивидуальными чертами, способность «заключать их в скобки», «выводить из игры» (Э. Гуссерль). Именно эта двойственная когнитивная способность необходима для первичных обобщений. Но обладает ли кошка понятием мыши? Эволюционная эпистемология не отрицает наличия у животных первичной способности к обобщению. Но чем эти понятия отличаются от тех, что присущи человеку и составляют основу человеческого языка? Иными словами, если мы не отрицаем их способности к типизации, может ли кошка иметь *понятие* мыши?

Для ответа на этот вопрос прибегнем к использованию принятого в современной эпистемологии различия *специфических, или первичных* (specific) и *родовых* (generic) понятий, соответственно, хотя в рамках этого различия можно провести множество и более мелких подразделений³⁸. Специфические понятия укоренены в первичных феноменальных обобщениях (типизациях). Это дает нам право приписывать специфические (первичные) понятия животным – кошке, способной распознавать мышей, которых она ранее никогда не встречала, как экземпляр типа. Но она не в состоянии рассматривать эту мышь как *знак* типа мыши. Специфические понятия, следовательно, занимает промежуточное положение между восприятием (percept) и родовым понятием. Они позволяют сформировать *образ*, изоморфный представителям класса как целого.

³⁸ Так, отечественный исследователь М.М. Новосёлов прибегает к использованию концепта «наивных» понятий, живущих в нашем сознании в виде несовершенных и туманных образов, которые только со временем – да и то не всегда – могут приобретать логически приемлемую форму (Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М., 2010. С. 43).

В элиминации индивидуальных различий между единичными представителями вида специфическое понятие мыши, конечно же, является (первичным) обобщением, но не в том смысле, в каком последнее присуще родовым понятиям. Родовое понятие объемлет род («грызун»), апелляция к которому отсутствует в специфическом понятии. Человек может иметь «предварительное знакомство» с объектом с помощью специфического понятия, но, в отличие от животного, затем обретет его родовое понятие, т. е. знает объект двояким образом, как в упомянутом выше примере с дубами. Специфическое же понятие привязано к конкретному, визуальному или «иконическому» (iconic) опыту. Если мы выходим на более высокий уровень обобщения, к «грызунам» или «животному», например, это понятие потеряет иконическую, или образную форму.

Эти и другие открытия свидетельствуют, полагает Е. Рош³⁹, что представление, согласно которому в человеческом познании (в отличие от животного) объекты сначала воспринимаются в иконической форме, т. е. со стороны своих феноменально-типичных характеристик, и лишь затем – в абстракции, является упрощенным. В отличие от «братьев наших меньших», развитое человеческое познание сразу схватывает объект двояким образом (как специфически-феноменальное и как родовое понятие). Эта петля обратной связи и генерирует «гнездовую» структуру репрезентаций. Ибо в человеческом познании типизация исключительно по перцептивным признакам в долгосрочной перспективе не адекватна, и даже дети выходят за пределы лишь внешнего вида к более сложным когнитивным структурам, более полно информирующим о природе объекта. Так, о рассматриваемом объекте мы судим не только по его внешнему виду, но и на основе более существенных его характеристик, например, по его внутренней структуре и каузальной истории, которые формируют *идеализированную когнитивную модель объекта*. Иными словами, если специфические понятия остаются привязанными к феноменальному «внешнему виду», то родовые понятия добавляют характеристики, определяющие более существенные структурные и/или каузальные характеристики объ-

³⁹ См.: Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. New-Jersey, 1978.

ектов. Кошка знает мышей феноменально, но она не в состоянии подняться до уровня человеческого ребенка, способного связывать феноменальные характеристики с идеализированной когнитивной моделью петель обратной связи.

1.3.3. Специфические понятия, образы и ментальные модели

Если животные способны формировать лишь специфические, первичные понятия, то человек – как специфические, так и родовые. Но сама способность к формированию родовых понятий трансформирует человеческие специфические понятия, отличая их от тех специфических, «образо-подобных» понятий, которые присущи животным. Образы, как и специфические понятия, часто рассматривают в качестве посредников между перцептом и концептом, как сказал бы Кант. В современной философской литературе представлены различные точки зрения в отношении проблемы соотношения (неартикулированных) смыслов и образов. Г. Фреге полагал, что ментальные образы не могут формировать содержание значения терминов на том основании, что содержание образов (в отличие от значений) сильно варьируются от одного человека к другому. Но Е. Собер⁴⁰ показал, что образы не следует рассматривать как столь уж индивидуально вариативные. Это суждение опирается на точку зрения, согласно которой образы могут быть реконструированы аналоговым образом из не-аналогового описания, и предполагает, что смысл этих не-аналоговых дескрипций может быть представлен совокупностью образов, которые они могут генерировать. Р. Шепард обсуждает ментальные события, соответствующие значениям, с помощью репрезентаций, которые не являются ни образами, ни словами по своей природе⁴¹.

Ф. Джонсон-Лэрд ассоциирует свои *ментальные модели* не с образами Канта, но с кантовским понятием «схемы» (т. е. с правилами конструирования образов). Он полагает, что его ментальные модели могут обеспечивать матрицы для смыслов⁴². В свою

⁴⁰ *Sober E.* Mental Representation // *Syntese*. 1976. No. 33. P. 112.

⁴¹ См.: *Shepard R.N.* Form, Formation and Transformation of Internal Representations // *Information Process and Cognition*. New-Jersey, 1975.

⁴² *Johnson-Laird Ph.* Mental Models. Cambridge (Mass.), 1983.

очередь, Л. Бонжур в анализе несимволических репрезентаций отстаивает положение, что семантическое содержание наших репрезентаций не покрывает содержания образа целиком⁴³. Наиболее серьезное возражение против того, чтобы идентифицировать неартикулированное значение с образами, таким образом, состоит в том, что в то время, как образы и типы анализируемых специфических понятий связаны с чувственно воспринимаемым внешним видом, значения чисто *абстрактных* понятий – нет.

Напомним, что способность к формированию родовых понятий трансформирует человеческие специфические понятия, и это отличает их от специфических понятий, свойственных животным. Когнитивная жизнь человеческого существа отличается от той, что присуща высшим животным, не только способностью к абстрактному мышлению и языку. Эти новые способности воздействуют также и на способности более низкого когнитивного уровня. Так, человеческое познание отличается от «животного» способностью формировать гораздо более широкое многообразие *специфических* (а не только родовых) понятий. Расширение многообразия возникает не только из того факта, что человеческий опыт является куда более изощренным, утонченным и изысканным даже и на перцептивном уровне, но, что еще более важно, из того, что он обогащен нашей способностью к абстрактному мышлению. Поэтому специфическое понятие может быть *необходимым ингредиентом* неартикулированного значения соответствующего ему родового понятия. Когнитивный уровень, на котором существует неартикулированное значение, не может, следовательно, быть независимым от абстрактного понятия – это не может быть, скажем, перцептивный уровень. Смысл может возникать лишь на уровне родовых понятий и абстрактных артикуляций, но может все еще обладать характерными чертами специфических понятий. Именно такое транзитное, «пограничное» положение неартикулированных значений в сумеречной зоне скользящего перехода и делает их столь трудноуловимыми для когнитивного анализа.

⁴³ *Bonjour L.* Is Thought a Symbolic Process? // *Syntese*. 1991. No. 89. P. 334–335. Подобной же точки зрения придерживается и П. Рикер. Подр. см.: *Смирнова Н.М.* Воображение в структуре когнитивных практик // *Проблема воображения в эволюционной эпистемологии* / Отв. ред. Е.Н. Князева. М., 2013. С. 26–29.

Чего недостает специфическому понятию, чтобы мы могли ассоциировать его с неартикулированным смыслом? Предварительный ответ может быть таким: в неартикулированном значении мы имеем предварительное знакомство (*knowledge about*) с *концептуальным содержанием*, но на более низком уровне когнитивной иерархии. Для того чтобы стать осмысленными, специфические понятия должны быть поняты как когнитивные конструкции, объяснимые с помощью правила более высокого уровня репрезентации. Когда специфическое понятие рассматривается как вид пока еще неопределенного рода, или знак еще не определенного типа более высокого уровня репрезентации, оно становится *осмысленным* – даже если *содержание* этого значения обеспечено лишь специфическим понятием как таковым. Так, если далекого от философии человека попросить определить, что такое «понятие», ему, вероятно, будет не так легко это сделать. Но он обладает «предварительным знакомством» с этим «*дефиниендумом*», даже если абстрактная формула артикуляции в этот момент за пределами его понимания. Рассматривать специфические понятия как неартикулированные смыслы означает рассматривать их как значения переменных правила более высокого уровня (даже если это правило еще не открыто). Специфические понятия как неартикулированные смыслы способны к репрезентации более высокого уровня, хотя им пока и недостает этого (более высокого) уровня репрезентации. И в этом смысле и лишь до этих пределов можно солидаризироваться с позицией Дж. Блэховица⁴⁴, что неартикулированные смыслы являются специфическими («образо-подобными») понятиями, способными к более высокому уровню репрезентации.

Однако неартикулированный смысл не является образом, т. к. образ обладает чувственным (сенсорным) контентом, тогда как специфические понятия, формирующие содержание неартикулированных смыслов, не содержат его. Тем не менее неартикулированный смысл может быть в принципе данным в опыте. Но он не может существовать без соответствующего (артикулированного) родового понятия, т. е. вне когнитивного уровня, соответствующего таким универсальным понятиям. И это свойство доязыковых форм мышления быть связанными с когнитивным содержанием

⁴⁴ *Blachowicz J. Unarticulated Meaning. P. 62–63.*

ем более высокого уровня, проливающее свет на этапы генезиса смыслообразующей деятельности, присуще исключительно человеческому познанию.

Список литературы

Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.

Бескова И.А. Интеллект, воображение, творчество: подходы и решения // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / Отв. ред. Е.Н. Князева. М., 2013. С. 72–90.

Васильев В.В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии. М.: Кн. дом «Либроком», 2014. 240 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 494 с.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Яз. славян. культур, 2010. 592 с.

Зотов О.А. Философские трансформации субъекта в европейской философии Нового времени // Интерсубъективность в науке и философии / Отв. ред. Н.М. Смирнова. М., 2014. С. 84–88.

Лекторский В.А. Эпистемология и изучение когнитивных процессов // Человек в мире знания. К 80-летию В.А. Лекторского / Отв. ред. Т.Г. Щедрина. М., 2012. С. 329–348.

Моркина Ю.С. Интерсубъективность как процесс трансляции смыслов // Интерсубъективность в науке и философии / Отв. ред. Н.М. Смирнова. М., 2014. С. 313–323.

Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М.: Идея-Пресс, 2010. С. 36–79.

Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Розин В.М. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ, 2006. 360 с.

Смирнов А.В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Яз. славян. культуры. 2001. 504 с.

Смирнова Н.М. Воображение в структуре когнитивных практик // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / Отв. ред. Е.Н. Князева. М., 2013. С. 9–29.

Стётин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2015. 716 с.

Стёпин В.С. Философская антропология и философия культуры. Избранное. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2015. 542 с.

Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС, 2013. 512 с.

Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках / Пер. с англ. Н.М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 51–68.

Blachowicz J. Unarticulated Meaning // Erkenntnis. 1994. Vol. 40. No. 1. (Jan.). P. 43–70.

Bloomfield L. Meaning. [Electronic resource] URL: <http://www.jstor.org/stable/30169963>

Bonjour L. Is Thought a Symbolic Process? // Syntese. 1991. No. 89. P. 331–352.

Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. L.: Penguin, 1973. 848 p.

Davidson D. Truth and Meaning // Inquires into Truth and Interpretation. Oxford Univ. press, 1984. P. 17–36.

Garfinkel H. Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. L., Penguin, 1986. 330 p.

Johnson-Laird Ph. Mental Models. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1983.

Miller S.G. The Meaning of Meaning // The Massachusetts Review. 2002. Vol. 43. No. 1. P. 135–140.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. New Jersey, 1978.

Shepard R.N. Form, Formation and Transformation of Internal Representations // Information Process and Cognition. New Jersey, 1975.

Talmage C.J.L. Literal Meaning, Conventional Meaning and First Meaning // Erkenntnis. 1975. Vol. 40. No. 2 (Mar. 1994). P. 213–225.

Rozenberg A. Naturalistic Epistemology for Eliminative Materialists // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. Vol. LIX. No. 2. June. P. 335–358.

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Значительная часть продуктов творчества может быть понята как связанная с созиданием новых смыслов. Однако новые смыслы только тогда становятся достоянием сферы сознания, когда получают оформление в языке. Поэтому, задаваясь вопросом об истоках возникновения новых смыслов, о механизмах их видоизменения в ходе подготовки и осуществления творческого акта, полезно проанализировать логику формирования и развития языка как инструмента выражения смыслов, обеспечивающего их оформление, трансформацию и трансляцию в процессе рождения творчески нового.

Если исходить из того, что естественный язык в своих существенных компонентах (имеется в виду прежде всего базисная лексика) не есть результат произвольного навешивания звуковых ярлыков на устойчивые фрагменты человеческой практики, то между именами, зафиксированными в языке, и элементами структуры человеческого опыта должна существовать некая глубинная связь. Вопрос о характере такой связи весьма не простой, и прежде всего потому, что первоначальные содержания-переживания, стоявшие за именами языка на ранних этапах эволюции, ушли в сферу бессознательного. Те содержания, с которыми мы имеем дело сегодня, отражают и выражают собой специфику современного способа мировосприятия и репрезентации воспринятого, где первое и, на мой взгляд, главное отличие от эволюционно ранних структур, – двойственность, дуальность мировидения

и миропонимания. Все это маскирует подлинный характер зависимостей выражаемого содержания и специфики его звукового оформления, потому что речь, безусловно, должна идти о ранних этапах филогенетического развития человека, когда письменного языка не существовало, и передаваемые содержания выражались в звуках, а точнее, в звукокомплексах.

2.1. Истоки формирования выражающих смыслы когнитивных структур

2.1.1. Язык – смысл – звук

Вопрос об истоках формирования языка, его природе, закономерностях эволюции был и остается дискуссионным. В самом общем виде можно сказать, что выделяются два подхода: «по установлению» и «по природе». В соответствии с первым, язык создан неким творцом (Богом или наилучшим из людей) и затем дарован остальным. При таком понимании нет необходимости доказывать наличие связи между смыслами имен и их выражением в языке, поскольку «изобретенный язык» вполне выдерживает методологическую нагрузку произвольности именования. Поэтому можно сказать, что адресацией к первотворцу проблема взаимосвязи смыслов и звукокомплексов фактически снимается.

Второй вариант решения – язык сформировался естественным путем в ходе эволюции человека и в результате его стремления максимально эффективно адаптироваться к среде, давая по возможности быстрые и точные ответы на ее вызовы. Этот вариант понимания мне представляется предпочтительным, однако здесь есть серьезная трудность: необходимо не просто постулировать наличие связи между звукокомплексами и выражаемыми ими содержаниями, но и раскрыть характер такой связи. Иными словами, следует показать, что звукокомплексы, используемые в качестве имен, каким-то образом передают сущность именуемого.

Кроме соображений общеметодологического характера, против гипотезы о произвольном именвании, на мой взгляд, свидетельствуют экспериментальные исследования. И прежде всего, данные о том, что звуковое оформление выражений не безразлич-

но к содержанию, но некоторым не вполне ясным образом соотносится с областью смысловых характеристик⁴⁵. Например, когда испытуемым предлагались два типа наборов: бессмысленных звукокомплексов и абстрактных графических изображений, – определенные звукокомплексы с определенными содержаниями увязывались с вероятностью, существенно превышающей возможность случайных совпадений. При этом были отмечены некоторые субъективные переживания, сопровождавшие установление подобного соотношения: по отзывам, результат как бы вспыхивал, мгновенно появлялся в сознании, как будто само сочетание звуков «навязывало» некое изображение. С другой стороны, и содержание графических изображений влияло на восприятие бессмысленного набора звуков, в результате чего некоторые его компоненты акцентировались, субъективно воспринимались как более значимые, другие же выступали скорее как фон.

Можно также упомянуть классический пример: «Глокая куздра штеко будланула бокра», – несмотря на бессмысленность каждого из компонентов фразы, мы можем извлечь определенное содержание из данного утверждения. По крайней мере, довольно однозначно понимается, что речь в нем идет о некоем агрессивном существе, напавшем на беспомощную, незащищенную жертву. Ясно, что немалая роль в таком понимании принадлежит синтаксическим маркерам (например, окончаниям, суффиксам, глагольным формам), но, как представляется, этим не исчерпываются те «ключи понимания», которые действуют в данном случае. На мой взгляд, они сродни тем неявным зависимостям звукокомплексов и репрезентируемых ими содержаний, которые играют важную роль и в упомянутом выше эксперименте.

Существование подобного рода сложных и неочевидных зависимостей между звуками (звукокомплексами) и выражаемыми ими содержаниями нуждается в объяснении. Чтобы прояснить этот вопрос, надлежит наметить логику формирования языка в филогенезе, поскольку, как я полагаю, именно в ходе подобного исследования станет понятно, опыт какого типа запечатлен в звуках, а также и то, как этот

⁴⁵ Баиндурашвили А.Т. Некоторые характерные особенности речевого знака в аспекте проблемы реальности бессознательного психического // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 703–709.

опыт выражения значимых фрагментов человеческой практики соотносится с сущностными характеристиками тех объектов, которые оказались источником воспринимаемых человеком сигналов. Предстоит выяснить, как эти звукокомплексы трансформировались в процессе эволюции в связи с необходимостью решения задачи адаптации к среде и в рамках возможностей специфически человеческих ресурсов восприятия, переработки и передачи информации.

2.1.2. Аспекты эволюционно раннего отношения звука и содержания

В так называемых «ранних», «архаичных» культурах эта связь мыслилась достаточно непосредственной: имя воспринималось как такой же атрибут предмета, как его цвет, форма, фактура и т. д. Например, североамериканский индеец «...относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-либо телесному органу»⁴⁶. Выражением подобной установки являются магические обряды, направленные как на то, чтобы скрыть подлинное имя, так и на то, чтобы, узнав его, воздействовать на носителя.

И в современной культуре хорошим примером того, как фонологическая составляющая влияет на восприятие сообщения, могут выступать суггестивные тексты. Среди них массовое сознание различает две большие группы: заговоры (лечебные, благотворные заклинания) и наговоры (вредоносные заклятия). Анализ их фонетического значения показал, что доминирующим признаком и тех, и других является характеристика «яркий». Из этого исследователи сделали вывод, что «на уровне общих признаков принципиальных различий между названными группами текстов не существует. Более заметные различия наблюдаются в составе наиболее частотных “звукобукв”. В наговорах и отсушках появляются звукобуквы Ж, Ш, Щ, С, “плохие” по фактору оценки и не превышающие нормальную частотность в других группах заговоров»⁴⁷.

⁴⁶ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1984. С. 235.

⁴⁷ Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. М., 1996. С. 90.

Иными словами, определенные телесные ощущения-переживания вызывают не только, так сказать, «полноценные слова», которые мы и привыкли считать атомарными носителями смыслов⁴⁸, но и звукобуквы. И если это так, то тогда наше представление о том, как формируется смысл сложного высказывания, должно быть скорректировано в направлении учета гораздо более обширного комплекса факторов, влияющих на то, какие смысловые коннотации окажутся актуализированы в связи со смыслом высказывания.

Почему же в обычных условиях нам кажется, что, воспринимая сообщение, ничего кроме смысла сообщаемого мы из него не извлекаем? Как отмечает А.П. Журавлев, «звуки встречаются в обычной речи с определенной частотностью. Носитель языка интуитивно правильно представляет себе эти нормальные частотности звуков и букв»⁴⁹. И если в конкретном сообщении обычные параметры частотности соблюдаются, субъект просто *не замечает* того, что связано с фонологической компонентой информации. На мой взгляд, это подобно тому, как мы не замечаем прикосновения одежды к нашей коже, пока оно чем-нибудь специальным не привлечет к себе внимание. Иначе говоря, мы замечаем *изменение привычного* положения вещей, но не замечаем привычного. Это адаптивно ценный механизм: если бы его не было, наше сознание просто не справилось бы с колоссальным потоком импульсов, ежесекундно поступающих как извне, так и изнутри.

Тем не менее, если создаются специальные условия, в которых на первый план выступает задача отслеживания именно *звуковой* структуры сообщения (например, экспериментальные исследования), испытываемые не только осознают свои переживания, но и оценивают их в соответствии с предлагаемыми шкалами. Так, звуки «И», «Ю» воспринимаются как «высокие», «хорошие». «Ы» – низкий, «плохой». «М» – мягкий, медлительный, нейтральный. «Б» – звонкий, простой, краткий, «хороший». «К» – глухой, дизонный, краткий, «плохой». «Р» – звонкий, простой, длительный, нейтральный. «У» – глухой, краткий, «плохой» и т. п.⁵⁰.

⁴⁸ Мне близка позиция Берты Лука, отмечающей: «Слова заставляют нас переживать телесные ощущения». См.: Luca B. Death and the Evolution of Language // Human Studies. Vol. 33. No. 4. December 2010. P. 425. Однако я бы сказала немного иначе: в первую очередь – звуки, а уж затем, и как следствие этого, – слова.

⁴⁹ Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974. С. 100.

⁵⁰ Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. С. 87.

Итак, мы видим, что человек не просто *способен* переживать звук в сложном комплексе собственных внутрителесных динамик, формируя полимодальный образ воспринятого⁵¹, но и *реально переживает* его, хотя и не всегда осознает это. Актуализация связанных со звуком переживаний, скорее всего, происходит при превышении или понижении частотности появления звука в тексте. И даже если актуализирующиеся ощущения не осознаются субъектом, их комплекс, безусловно, влияет на восприятие сообщения в целом. Причем семантическая компонента сообщения может вступать в конфликт с фонологической. Иначе говоря, содержание текста может идти вразрез с тем, на что указывают звуки слов, выбранных для выражения смысла. Понятно, почему это может происходить: смысловая составляющая языка находится под жестким контролем сознания и может преднамеренно использоваться для передачи заведомо ложной информации. А вот фонологическая редко попадает в сферу осознания. А потому относительно свободна от контроля «эго».

Итак, имеются данные, которые, пусть и косвенно, свидетельствуют не в пользу гипотезы о произвольном именовании, особенно применительно к ранним этапам филогенеза. Но тогда остается вариант «по природе», требующий обоснования неслучайной связи имени и выражаемого им смысла. Для того чтобы подступить к решению этой задачи, попробуем обосновать, что элементарной смысловой единицей естественного языка может выступать не слово, а звук.

2.1.3. Звук как элементарная единица выражения смысла

Эта идея на первый взгляд может показаться несколько экстравагантной, ведь мы привыкли, что мысли, намерения, повеления человек передает словами, а не звуками. Да, существует область эмоционально окрашенных звуковых оформлений («О!», «А!»),

⁵¹ Интересные соображения о природе поли- и кроссмодального восприятия высказываются Фионой Макферсон, предлагающей различать кросс-модальность через восприятие и кросс-модальность внутри восприятия. См.: Macpherson F. Cross-Modal Experiences // Proceedings of the Aristotelian Society. 2011. Vol. 111. P. 429–468.

«Э-э-э» и им подобные). Но для того, чтобы обосновать возможность неслучайного характера взаимосвязи звукокомплексов, лежащих в основе базисной лексики современных естественных языков, и выражаемых ими содержаний, этого совершенно недостаточно. Можно даже сказать, что задача состоит принципиально в ином: не сослаться на наличие связи между эмоциональным состоянием человека и его оформлением в звуке, а обосновать потенциальную возможность некоторой (пока неясной, но, тем не менее, существенной по своей природе) связи между объектами внешнего мира и используемыми для ссылок на них именами.

Разумеется, при решении такой задачи областью рассмотрения выступает гипотетическая сфера, поскольку в любом случае речь пойдет о филогенетически ранних стадиях эволюции человека, когда язык находился в процессе становления, когда не было не только письменных источников, но даже устных преданий, которые, полагаю, появились много позже и предлагали мифологизированную реконструкцию интересующего нас периода. Поэтому, обращаясь к сфере, где отсутствуют прямые исторические свидетельства или эмпирические подтверждения, имеет смысл прибегнуть к логико-методологическому анализу, позволяющему задаваться традиционным для философского исследования вопросом «Как возможно, что...?» В частности, применительно к заявленной в статье теме этот вопрос примет следующую форму: «Как возможно, что в основе естественного языка лежит не произвольное увязывание имен с обозначаемыми ими фрагментами человеческого опыта, а имеющая под собой глубинные основания неслучайная и довольно сложная по своей природе связь?» Кроме того, придется показать, в результате каких трансформаций когнитивных навыков может происходить формирование современных средств осмысления реальности, представленных в форме слов естественного языка. Для этого еще одним вопросом, рассматриваемым в статье, мы сделаем вопрос о характере трансформаций звукокомплексов, которые они претерпевают в когнитивной эволюции по мере распространения коммуникации в сообществе.

Но сначала определим, как в данной статье понимается смысл выражений.

2.2. Логика трансформации звукокомплексов в ходе когнитивной эволюции

2.2.1. Смысл как объемный паттерн организации внутреннего опыта

Полагаю, что проблему языка-смысла-творчества надо рассматривать в контексте коммуникации. Иными словами, на мой взгляд, процессы, имеющие место в ходе порождения новых смыслов, только тогда есть шанс правильно интерпретировать, когда мы осознаем, что они – лишь часть более масштабного феномена – феномена коммуникации⁵². А коммуникация, как хорошо известно, осуществляется не только на вербальном, но и на невербальном уровне, причем *большая* и наиболее правдивая часть – именно на невербальном. Смыслы, выраженные в языке символов, – лишь верхушка, поверхностный пласт действительного объема содержаний, рождающихся в акте созидания подлинно нового. Поэтому считаю принципиально важным подчеркнуть, что человек и думает, и общается, и рождает новые смыслы *всем своим существом*, а не только «головой» (интеллектом, умом, рассудком). Это важно, поскольку именно такое *видение* позволяет понять, *что* стоит за созиданием новых смыслов в актах творчества. И это, на мой взгляд, процессы, протекающие в пространстве всей человеческой экзистенции, – в пространстве, которое по природе своей объемно. Если мы не примем во внимание данный факт, то никогда не поймем, как именно человек обнаруживает адекватное вербально-символьное выражение для рожденных в акте озарения новых паттернов миро- и самопонимания. Ведь если мы будем игнорировать глубинную составляющую процесса, то окажемся перед лицом исключительно поверхностных его проявлений, где перед нашим мысленным взором предстанут первая и последняя стадии сложного, многопланового, многоуровневого процесса. А вся сердцевина, выражающая масштабность и подлинную природу происходящего, останется вне сферы понимания. Поэтому под смыслом я буду иметь в виду объемный паттерн организации вну-

⁵² Различные аспекты, связанные с феноменом коммуникации, продуктивно анализируются в сборнике «Философия науки. Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникаций» (Отв. ред. Г.Д. Левин. М., 2012).

треннего опыта человека, который – наряду с привычными формами *поверхностного* проявления (в виде содержаний, зафиксированных в естественном языке и категориальном аппарате мышления) – включает фундаментальную *глубинную* составляющую, представленную динамиками интегральной телесности как недвойственной целостности <ум – тело> человека.

Если исходить из данного определения, то станет ясно, что когда мы привычно говорим о смысле как о совокупности признаков, указывающих на предмет именования, мы остаемся на уровне верхнего пласта содержания данного понятия. И если не уделить должного внимания глубинной компоненте, многие вопросы останутся не решаемыми. В частности, трудно будет понять, что представляет собой «ощущаемый смысл» (и значит, мы не сможем узнать, ни того, как находится его коррелят в сфере языка; ни того, почему за одним и тем же языковым выражением у разных людей стоят разные интуиции, хотя по договоренности смысл имени может быть четко очерчен; ни того, почему разные люди извлекают из одного и того же исходного набора данных разные ресурсы для созидания подлинно нового; ни множества других интереснейших вещей). Мы не сможем понять, как человек определяет, что нашел верное вербально-символическое оформление для передачи того смысла, который он подразумевает, чувствует, но пока выразить не может, – и значит, акт творческого прозрения навсегда останется иррациональной загадкой. Мы не выясним, почему один и тот же смысл (как совокупность признаков) разными людьми не только понимается, но и ощущается по-разному; и почему вроде бы найденный в стрессовой ситуации (потеря близких, тяжелая болезнь, сложный процесс лечения и т. п.) спасительный смысл, помогающий хоть в какой-то мере облегчить страдание человека за счет принятия происходящего, не только не общезначим, но даже и тому, кем найден, зачастую помогает весьма непродолжительное время. Все эти и многие подобные им вопросы ставятся в современной литературе, посвященной разным аспектам проблемы смысла⁵³.

⁵³ O'Callaghan C. Against hearing meanings // *The Philosophical Quarterly*. 2011. Vol. 61. No. 245. P. 783–807; Delalande F. Sense and Intersensoriality // *Leonardo*. 2003. Vol. 36. No. 4. P. 313–316; Feld St., Brenneis D. Doing Anthropology in Sound // *American Ethnologist*. 2004. Vol. 31. No. 4. P. 461–474; Hollan D. To the Afterworld and Back: Mourning and Dreams of the Dead among the Toraja // *Ethos*. 1995. Vol. 23. No. 4. P. 424–436; Kleinman A. «Everything That Really Matters»:

И еще хотелось бы добавить, что, оставаясь в рамках традиционного подхода к пониманию смысла, ограничивающегося уровнем образно-символических репрезентаций и упускающего из виду глубинную составляющую смысловых коннотаций (в форме динамик интегральной телесности, коррелирующих с образно-символическими средствами выражения смыслов), мы, фактически, пренебрегаем всей полнотой человеческой экзистенции, тем самым недооценивая все то богатое, объемное, неповторимое, индивидуальное, что составляет самую сердцевину личностного в общечеловеческом, спонтанного в планируемом, новаторского в рутинном. А именно это требуется для того, чтобы анализ природы нового, рождающегося в акте озарения, оказался плодотворным.

Итак, полагаю, что смысл по своей природе объемен. И когда в акте инсайтного постижения человек обретает новый смысл, на поверхность сознания прорывается лишь тот пласт этого богатого, сложно организованного, многогранного и многопланового (телесно-эмоцио-ментального⁵⁴) образования, который соответствует поверхностной и плоскостной природе эго-сознания. Вся объемность найденного как бы теряется, скрываясь в сфере неосознаваемого, потому что природа эго-сознания двойственна, тогда как рожденный в акте творчества смысл недуален. Именно в силу плоскостной природы эго-сознания смысл для нас (большую часть времени функционирующих в режиме диссоциированного состояния ума) предстает как совокупность признаков, выражающих содержание именуемого. Почему в контексте анализа феномена смыслообразования в акте творчества возникает вопрос о недуальности?

Social Suffering, Subjectivity, and the Remaking of Human Experience in a Disordering World // *The Harvard Theological Review*. 1997. Vol. 90. No. 3. P. 315–335; *Linge D.T.* What Is It Like to Be Someone Else? // *Ethos*. 2010. Vol. 38. No. 2. P. 205–229; *Wahman J.* Sharing Meanings About Embodied Meaning // *The Journal of Speculative Philosophy. New Series*. Vol. 22. No. 3. Symposium II: Words, Bodies, War (2008). P. 170–182. В отечественной литературе по проблеме смысла опубликовано такое количество исследований, что их просто невозможно перечислить. Сошлюсь на одно из недавно опубликованных, в котором проблематика смысла рассматривается в контексте исследования познания и опыта. См.: Опыт и смысл / Отв. ред. Н.М. Смирнова. М.: ИФРАН, 2014.

⁵⁴ Составляющие упоминаются не по значимости, а по «очередности» появления в эпопее трансформации смысла на пути к всплыванию в сфере сознания.

2.2.2. Двойственность и недualьность: позиция наблюдателя

Ключевую роль в формировании картины мира, в *видении* природы окружающего и самого себя играет *состояние* ума человека, потому что ум – и есть тот инструмент, который обращен к осмыслению реальности. Говоря о состояниях ума, я имею в виду вариации по параметру «двойственность – недualьность». Двойственным я называю ум человека, воспринимающего окружающее и самого себя *с позиции стороннего наблюдателя*. Такая позиция предполагает остановку непрерывного процесса жизненности, неотъемлемой и *невыделенной* составной частью которого выступает человек, полностью погруженный в процесс. Подобная остановка автоматически приводит к его выпадению из мира не прекращающихся ни на мгновение изменений, составляющих саму суть жизненности. Находясь на этой позиции, человек воспринимает себя изолированно, как своеобразный центр мироздания, как точку отсчета, относительно которой оценивается все остальное. При этом он предстает как начало, эксклюзивно наделенное активностью в коммуникативных и познавательных процессах любого рода.

Состояние ума, соотнесенное с позицией наблюдателя, свойственно человеку, пережившему диссоциацию на одном из этапов когнитивной эволюции. Символическим выражением структуры происходящей при этом трансформации я считаю описание сути происшедшего в библейском мотиве грехопадения. Идеей вкушения от древа познания добра и зла, на мой взгляд, выражен эпизод когнитивной эволюции, когда во внутренний мир человека вторгается двойственность, проявляющаяся в переживании того, что мир содержит в себе противоположные начала: хорошо – плохо, правильно – неправильно, доброе – злое и т. п. Именно эта позиция является абсолютно преобладающей для умов представителей современной технократической культуры. Статус ее бесспорности настолько прочен и непоколебим, что само допущение возможности того, что мир не содержит плохого и хорошего, правильного и неправильного, не подпадает под категории «добра и зла», кажется в лучшем случае – бессмысленным теоретическим вывертом, а в худшем – кощунством. Каждый (и я в том числе) легко приведет неограниченное число примеров, которые заставят воскликнуть: «Конечно, это правильно, а это нет, разумеется, это добро, а это зло, и это абсолютно».

Однако люди, в своей эволюции поднявшиеся до ступени целостности, утверждают, что именно двойственность – недуальность ума и есть тот ключевой параметр, который обуславливает результирующую картину мира. Они подчеркивают, что мир открывается человеку таким, каким тот *готов* его видеть. В свою очередь, то, что он *готов* видеть, воспринимать, улавливать в многообразии, сложности и переплетенности наличествующего – всего лишь функция от того, каков данный человек по своей природе: в ответ на обращение к миру заинтересованного внимания, отзовется то, что резонансно параметрам адресации. Тот, кто адресует миру диссонансно звучащий запрос «Каков ты?» (двойственность здесь в самой постановке вопроса, ведь если есть «я» и «ты», то мир человека уже распался надвое), гарантированно получит ответ, подтверждающий его ожидания.

В связи с этим вспоминается замечательная суфийская поучительная история⁵⁵, приводимая Идрисом Шахом. Один ищущий оставил дом, семью и отправился странствовать по свету в поисках Возлюбленного⁵⁶. Много дорог исходил, много событий пережил и вот однажды пришел к заветной двери. Постучав в нее, услышал: «Кто там?». – «Это я», – ответил странник. – «Здесь нет места для двоих», – прозвучало в ответ. Дверь осталась закрытой. Снова ушел человек, и долго странствовал, пока под конец жизни опять не очутился у заветной двери. Постучав, вновь услышал: «Кто там?» – «Это ты», – ответил ищущий. Дверь открылась.

Лучше, мне кажется, не скажешь. Любое «ты» и «я», – какими бы близкими, подобными, слитыми они ни мыслились, – уже вне сферы целостности, потому что в ней нет ни «ты», ни «я», ни тем более «я» и «оно». И вынесение себя за скобки общемирового процесса, связанное с позицией наблюдателя, сразу привносит в мир человека двойственность, разделенность, вместе со всеми их конфликтами, драмами и непониманиями. А на ментальном уровне сопровождается утратой способности воспринимать процессы, происходящие в мире, как «во-мне-самом-совершающиеся», что естественным образом влечет потерю способности эмпатийного вчувствования во внутренний мир другого.

⁵⁵ Поучительная история в суфизме – это жанр духовной литературы.

⁵⁶ Следует помнить, что в этой традиции так называют Создателя.

Таким образом, когда к миру направлены целостные адресации, то и ответ приходит в форме неких синкретичных целостностей. Вот такие целостности, на мой взгляд, и составляли изначальные прото-эмоцио-ментальные конструкты, лежавшие в основе современных форм дуального видения и осмысления мира. Конечно, такая характеристика не только не передает природу именуемого, но самым радикальным образом ее искажает, поскольку недвойственный феномен выражается в двойственных категориях. Однако же искажает в предсказуемом ключе, поскольку мы знаем, каков именно характер привносимого двойственностью искажения, и это делает возможным использование привычного языка для описания не поддающихся такому описанию феноменов.

Итак, смыслы по своей природе, по логике формирования, объемны и целостны. Однако на уровне эго-сознания они предстают уже в форме плоскостных, лишенных исходной многозначности, многоплановости, объемности образований. Почему так происходит?

2.2.3. Когнитивная эволюция как побочный эффект

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять логику трансформаций этого когнитивного конструкта (исходного прото-эмоцио-ментального комплекса впечатлений, рождающегося в ответ на адресацию к миру целостно звучащего запроса). И поскольку я полагаю, что естественный язык, ресурсами которого смыслы выражаются на уровне сознания, складывается и развивается на собственной основе, как составная часть общей динамики развития когнитивных способностей человека, попытаюсь наметить реперные точки формирования некоторых из них. И в частности, меня будут интересовать предпосылки и логика эволюции способности выражать некие значимые для субъекта содержания в совокупности звуков. Для этого использую гипотезу о механизмах передачи культурно значимой экологической информации (cinfo), сформулированную Дэвидом Смайлли⁵⁷.

⁵⁷ *Smillie D. Sociobiology and Human Culture // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P. 75–97.*

Он полагает, что многие важные для понимания истории эволюции формы складываются как своего рода *побочный* продукт решения основной задачи, как следствие *непрямого* использования известных сегодня структур, неожиданно оказавшихся эффективными в новой для них, изначально не свойственной им роли. В качестве примера Смайлли приводит функцию оперения, которая сегодня воспринимается как обуславливающая способность птиц летать (и потому неосознанно расценивается как изначально служившая выполнению этой задачи). На самом же деле оперение изначально решало задачу изоляции теплокровного животного (рептического предка птиц) от холода.

На мой взгляд, это очень плодотворная идея. Она позволяет совершенно по-новому подойти к проблеме реконструкции логики развития когнитивных способностей в филогенезе, поскольку показывает, что наше нынешнее представление о круге задач, решаемых с помощью тех или иных современных средств, может принципиально отличаться от того, как они использовались на эволюционно ранних стадиях. Это методологически сильный ход, поскольку, если мы, делая всевозможные оговорки относительно недопустимости прямой и непосредственной экстраполяции современных данных и представлений на понимание эволюционно ранних этапов, тем не менее, сохраняем самое жесткое ограничение – убежденность в том, что и тогда интересующие нас способности играли ту же роль, что и сегодня, – мы попадаем в методологический капкан: как и почему эти функции вообще трансформировались? Если они изначально были такими же, как сегодня, то почему развивался человек? Если нет, то почему развивались функции?

Напротив, если мы смотрим на эволюцию под другим углом зрения, – как на своего рода побочный продукт решения каких-то иных по отношению к сегодняшнему миропониманию задач, мы получаем мощный инструмент исследования логики эволюции когнитивных способностей в филогенезе. Конечно, сохраняется аспект гипотетичности реконструкции, но, обращаясь к анализу начальных этапов становления и развития интересующих нас способностей, от него мы не уходим в любом случае. Зато оказывается осмысленной сама идея эволюции человека и его способностей: если то, что когда-то играло одну роль (и сформировалось в рамках

попыток решения именно этой задачи), начинает использоваться как неожиданно оказавшееся эффективным средством решения другой задачи, мы начинаем понимать, почему вообще состоялся рывок в развитии человека: новый ресурс (а точнее, старый, но по-новому используемый) открыл новые возможности в репертуаре средств познания и адаптации к миру. Видна при таком подходе и преэмергентность: новая функция возникает не из ниоткуда, из небытия вторгаясь по непонятной причине в спектр человеческих ресурсов, по неизвестно какой логике и с неясной целью (тут-то и корень телеологических затруднений). А при использовании гипотезы Смайлли мы вполне можем представить себе процесс, когда старая функция буднично и эффективно перестраивает паттерн человеческих возможностей вследствие побочно открывшегося способа употребления того, что прежде решало иные задачи.

Итак, можно предположить, что, по крайней мере, некоторые из когнитивных способностей, известных сегодня в каком-то одном своем качестве, изначально использовались для решения других задач, и лишь затем оказались эффективными в новой, побочной по отношению к исходной, роли, которая сегодня в массовом сознании с ними соотнесена. Если посмотреть на способность в осмысленных звукосочетаниях выражать значимое для человека содержание, то, как мне кажется, можно увидеть кое-что интересное.

2.2.4. Внешне-внутреннее и механизм постижения

Сегодня способность слов выражать и передавать смыслы кажется настолько фундаментальной, что без раздумий воспринимается как целевая для когнитивной и культурной эволюции человека. Да и как иначе? Ведь именно формирование языка и использование его как нового ресурса когнитивного освоения реальности для организации максимально эффективного выживания в окружающем, зачастую враждебном, мире, кажется безусловно приоритетным направлением развития человека. А раз так, то именно это предназначение языка заслуживает того, чтобы считаться одной из прямых и непосредственных целей эволюции. Иными словами, очевидная значимость «смысловыражающей функции» языка провоцирует неосознанно исходить из того, что для ее выполнения

язык и предназначался. Такое убеждение подталкивает к тому, чтобы искать объяснение логики формирования языка, а вместе с ним и когнитивных способностей, и структур когнитивного освоения реальности, на пути исследования эволюции именно этой способности – способности выражать и передавать личностно, культурно, коммуникативно значимые содержания.

Однако если посмотреть на ситуацию под углом зрения гипотезы Смайлли, можно нетривиальным образом сместить акценты. Тогда получится, что интересующая нас способность языка могла сформироваться как побочный продукт решения какой-то другой задачи, – не задачи выражения смыслов, передачи информации другим членам сообщества с целью организации эффективного взаимодействия с ними в целях выживания рода и т. п. Но какой же? Какой могла быть та эволюционно ранняя функция, по отношению к которой способность быть языком (т. е. описывать объекты, транслировать знание, вынуждать действовать в собственных интересах и множество других, хорошо известных сегодня функций) оказалась бы побочным продуктом решения какой-то иной, на тот момент, основной задачи? Какой могла быть эта эволюционно ранняя функция, из которой – как побочный продукт ее последующего, более позднего, использования, – проистекли бы современные функции и возможности языка?

Прежде чем предложить вариант ответа на этот вопрос, рассмотрим еще одну интересную идею, которая встречается в исследованиях известного антрополога Георга Кюлевинда.

Видный специалист в области детской антропологии, исследователь и практик, многие годы проработавший с так называемыми «детьми индиго», Георг Кюлевинд показывает, что усвоение поступающей информации осуществляется в ходе ее внутреннего воспроизведения непосредственно в момент восприятия сигнала. Для наглядности, он приводит механизм воспроизведения на слух незнакомой мелодии: «При восприятии на слух слышимое оставляет свой след, отпечатывается на слуховых органах или на голосовых связках, там происходит, как у ребенка, впечатывание в телесность при одном только настрое внимания... Хороший логопед исправляет неправильно звучащий звук не в горле, а в слухе. Если звук будет услышан правильно, он будет правильно воспроизведен»⁵⁸.

⁵⁸ Кюлевинд Г. Звездные дети. М., 2005. С. 30–34.

Соответственно, можно сделать вывод, что для того, чтобы нечто было *адекватно воспринято*, надо, чтобы человек средствами собственной телесности внутри себя *по возможности точно воспроизвел услышанное*. Иными словами, в основе правильного воспроизведения лежит правильное восприятие, а для того, чтобы правильное восприятие состоялось, необходимо, чтобы в момент поступления сигнала имело место его адекватное воспроизведение ресурсами собственной телесности. Таким образом, получается, что процессы, известные современной науке как два различных – восприятие и воспроизведение, – по сути своей представляют единое целое. Они видятся нам как два различных и даже противоположно ориентированных (внутри-вовне) не потому, что таковы они по своей природе, а потому, что таковы параметры ментальности современного человека технократической культуры, реконструирующего данный процесс⁵⁹.

Итак, для того, чтобы воспринимаемое, в частности речь, была понята и распознана, она должна быть воспроизведена внутри себя ресурсами собственного голосового аппарата, пусть и без проговаривания вслух.

Я исхожу из того, что изначально у человека, не пережившего диссоциацию, постижение представляло собой слитно-единый, целостный акт объемного полномасштабного проживания собою и в себе взаимодействия с привлеченным вниманием другим. При этом голосовой аппарат использовался именно как средство, обеспечивающее постижение, а вовсе не как инструмент трансляции смыслов (вспомним: адекватное восприятие требует адекватного внутреннего воспроизведения). Возможно, именно эта эволюционно ранняя форма использования ротовой полости в функции инструмента постижения лежит в основании библейского мотива «вкушения»: человек *вкушает* от древа познания добра и зла, в результате чего *узнает* то, знание чего ему было запрещено. В молитвах также находятся отголоски такого понимания: «Да отверзятся моя уста поучатися словесем Твоим, разумети заповеди Твоя...».

Сходным образом поступают и маленькие дети: *узнают* новое, пробуя его на вкус, тянут в рот, иной раз пытаются проглотить, чем вызывают немалую тревогу родителей и необходимость по-

⁵⁹ Имеется в виду его диссоциированность, выражающаяся в том, что средства восприятия и репрезентации окружающего, разработанные и используемые им, несут на себе отпечаток его собственной двойственности, дуальности.

стоянного контроля. Дети постарше еще довольно долго продолжают открывать рот, когда слушают что-то заинтересовавшее их и новое. Взрослые считают, что это происходит потому, что, в случае сильной заинтересованности, внимание ребенка полностью отвлечено от контроля проявлений собственной телесности, – потому, дескать, рот и открывается. Но на самом деле, открывая рот при восприятии поступающей звуковой информации, требующей привлечения всех ресурсов внимания для своего усвоения, человек *изменяет акустику* ротовой полости, что позволяет точнее запечатлеть на собственных связках, – буквально впечататься в них – тому, что слышат в это мгновение уши.

Вероятно, можно сказать, что эволюционно ранний аналог той способности, которую мы сегодня считаем восприятием, представлял собой слушание-произнесение (сначала, возможно, беззвучное, за счет вибрации связок, резонирующих поступающим звуковым сигналам). Таким образом, человек как бы слышал звуки и снаружи, и изнутри (так сказать, внешним и внутренним слухом): снаружи, – потому что там располагался источник поступающих сигналов, и изнутри, – потому что в момент восприятия непроизвольно и спонтанно воспроизводил слышимое ресурсами собственного голосового аппарата.

В этом процессе взаимопроникновения внешнего и внутреннего у человека возникают ощущения, в том числе и звуковые, имеющие силу и убедительность рожденных в собственном опыте, как квинтэссенция постижения им другого (человека, предмета, ситуации, проблемы). Подобного рода полимодальный образ одной из своих составных будет иметь фонологическую компоненту, а другой – сложный полимодальный комплекс переживаний-ощущений неясной природы, представленных динамиками интегральной телесности: слабо осознаваемыми и трудновыразимыми. Такие нерасчлененные, целостные, синкретичные, полимодальные конструкты, формирующиеся в процессе эмпатийного отождествления с другим (будь то человек, жизненная ситуация или некое явление) в состоянии недואльной целостности, я назову прото-образными репрезентациями.

Таким образом, внутреннее слышание осуществляется всем существом человека, обеспечивается его интегральной телесностью, и потому порождает максимально полные, объемные, недую-

ально целостные репрезентации. Прото-образы и являются такой формой репрезентации, возникающей в результате применения способности «внешне-внутреннего слышания-воспроизведения» воспринимаемого.

Такое внешне-внутреннее воздействие-усвоение предопределяет принципиально иной уровень постижения, по сравнению с тем, который обеспечивается «внешним слышанием». Последнее неразрывно связано с «умственным пониманием», которое отличается от постижения всем своим существом (ресурсами интегральной телесности) так же сильно, как плоскостной рисунок отличается от голографической модели. Сочетанное внешне-внутреннее слышание-воспроизведение делает возможной реализацию особого статуса взаимодействия с источником информации: сигнал воспринимается не как внешний, имеющий исток не в тебе самом (как воспринял бы его человек дискурсивной культуры в сходных обстоятельствах), но и как внутренний, – ведь он синхронно внутренне продуцируется, становясь также и «самим тобою рожденным». Эта спонтанная мгновенная сцепленность, имеющая в своей основе произвольную и естественную сонастройку внешнего и внутреннего – самое полное проявление отсутствия барьера инаковости между человеком и объектом его интереса. Такая сонастройка, реализующаяся в условиях отсутствия барьера, разделяющего субъект и объект, как раз и делает возможным установление общей пульсации жизненности в воспринимаемом и воспринимающем. Люди, достигшие в своем духовном развитии недвойственности, говорят о таком режиме взаимодействия как об условии мгновенного полного постижения другого собою и в себе. В современных условиях именно этот режим взаимодействия делает более вероятным наступление творческого прозрения.

Итак, полагаю, что на ранних стадиях филогенеза ротовая полость, кроме функции начального звена пищеварительной системы, выполняла функцию инструмента постижения. Поскольку человек в это время еще целостен, недуален, акт постижения также недвойствен и не распадается на относительно самостоятельные звенья восприятия информации и передачи смыслов, как это происходит на современном этапе когнитивного развития. Пока что это единое целостное восприятие-воспроизведение, обеспечивающее адекватность и точность формирующегося на основе такого

акта представления за счет спонтанного и непроизвольного внутреннего воспроизведения слышимого. Объемность и точность рождающегося в этом акте образа-репрезентата обеспечивается: а) отсутствием барьера инаковости, разделяющего субъекта и объект (а точнее, отсутствием субъектов и объектов на этой стадии когнитивного развития), б) спонтанной сонастройкой внутреннего и внешнего звучания и в) использованием в качестве инструмента «внутреннего слышания» собственной интегральной телесности (которая, напомним, представляет собой недуальную целостность <ум-тело>). Формой выражения рождающихся в этом акте прото-образов будут выступать *звукосочетания, с максимально возможной для человеческого организма точностью воспроизводящие параметры воздействовавшего сигнала*. Но, кроме того, они достаточно точно транслируют и характеристики системы, продуцировавшей воспринятый сигнал, поскольку то, как «звучит» система для окружающего мира – это просто другая форма выражения ее глубинной природы, а точнее, это она же – ее глубинная природа, – представленная в звуке.

2.3. Трансформация смыслов: путь от прото-образов до символов

2.3.1. Влияние коммуникативного ресурса на трансформацию когнитивной структуры

Таким образом, можно сказать, что прото-образы – это формирующиеся на ранних этапах когнитивной эволюции структуры, ресурсами которых репрезентируются результаты спонтанного, мгновенного эмпатийного постижения реальности, осуществляемого человеком в состоянии недуальной целостности. На стадии недуальной целостности человека нет разделения на внешнее и внутреннее, как нет и барьера инаковости, обуславливающего такое разграничение. Человек предстает как неделимый процесс жизненности, который полностью, без остатка включен в проживание разворачивающегося взаимодействия и не имеет ни понятий внешнего и внутреннего, ни переживаний, им соответствующих.

Прото-образы, одновременно, – и форма восприятия, и форма репрезентации воспринятого, потому что на этой стадии восприятие и выражение – единый целостный процесс, без разделения на составляющие, как это имеет место сегодня. Прото-образ это и целостный полимодальный образ, и выражающий этот образ звукокомплекс, потому что на этой стадии восприятие и репрезентация – одно. Поэтому звукокомплекс информативен в отношении воспринимаемого: можно сказать, он и есть воспринимаемое, представленное ресурсами интегральной телесности в звуках. Поэтому носителем смысла на ранних этапах когнитивной эволюции выступает прото-образ как инструмент и восприятия, и выражения воспринятого в едином акте постижения-воспроизведения.

В каком направлении будут эволюционировать прото-образы, становясь частью коммуникативной системы, и какое влияние эти процессы окажут на эволюцию мыслительной способности человека?

Возможность спонтанного продуцирования членами одного сообщества сходных звукокомплексов в ответ на восприятие близких по значению стимулов, на мой взгляд, лежит в основе формирования и развития специфически человеческих форм коммуникации. В свою очередь, возрастание объема и интенсивности коммуникативных взаимодействий приводит к тому, что исходные прото-образы начинают трансформироваться в определенном направлении: отдельные их компоненты усиливаются, приобретая смысловую нагрузку знака, другие – постепенно нивелируются. Понятно, что закрепляться и усиливаться будут те составляющие звукокомплексов, которые в коммуникативных актах выступают как наиболее репрезентативные в отношении обозначаемой ситуации (спонтанно понятные большинству членов сообщества). И, напротив, все индивидуальное, личностное, отражающее специфику восприятия ситуации именно данным субъектом, но не характерное для сообщества (а потому и недостаточно репрезентативное), будет постепенно сглаживаться и исчезать.

Трансформированный в этом направлении прото-образ функционирует уже как образ-символ, поскольку, во-первых, обеспечивает взаимопонимание в условиях отсутствия непосредственных отсылок к ситуации, и во-вторых, эффективно замещает ту целостную, сложную, многоплановую картину, которая послужит

ла источником формирования исходного прото-образа. В результате становится возможным установление соответствия между отдельным компонентом коммуникативного акта и зафиксированным в нем содержанием все более опосредованно, минуя обращение к первоначальному комплексу непосредственных индивидуальных реакций.

Дальнейшее развитие сферы психических содержаний, закреплённых в образах-символах, приведет к тому, что предметом обсуждения смогут стать не только события или явления, непосредственным участником или наблюдателем которых был сам субъект, но и те, о которых ему сообщено другими членами общества (включая также и знание о наиболее распространенных формах реагирования на них – прообраз оценки), что чрезвычайно расширит сферу коммуницируемых содержаний и, в конечном счете, обусловит расслоение исходной слитой субъект-объектной реальности. Кроме того, существенно изменится характер взаимодействия человека со средой: органичная растворенность в едином информационно-энергетическом универсуме уступит место необходимости адаптации к трем новым реальностям: первой – «реальности жизненных ситуаций» (объективной), второй – реальности собственных репрезентатов событий первой (субъективной) и третьей – символической – где функционирует информация, закреплённая в образах-символах.

Итак, если первоначально сфера личностных смыслов, которыми оперировал индивид, состояла по преимуществу из разнообразных комплексов ощущений, возникавших в связи с восприятием определенных жизненных ситуаций, то позднее она уже включала психические содержания, устойчиво функционировавшие в данном сообществе как обозначения этих ситуаций, а также определенные варианты видоизменений, упорядочений комплексов исходных впечатлений, начинавших восприниматься как возможный самостоятельный объект оперирования. Все это не могло не привести к формированию достаточно развитой сферы смыслов, вообще не имевших непосредственных коррелятов в окружающей действительности, т. е. являвшихся либо плодом фантазии человека, либо результатом его когнитивно преобразующей деятельности.

С развитием и расширением сферы коммуницируемых содержаний субъекту уже нет необходимости оживлять в своем сознании всю целостную, яркую картину, которая послужила первоисточником исходного восприятия ситуации. Минуя ее, образ-символ, тем не менее, оказывается достаточно непосредственно связанным с содержанием, фиксировавшимся в исходном прото-образе.

2.3.2. Воздействие видоизмененной структуры на изначальный опыт

Но здесь вступает в силу принципиально новый фактор, обуславливающий эволюцию человеческого мышления: те компоненты звукокомплексов, которые функционируют в сообществе в качестве образов-символов, косвенно начинают влиять на характер восприятия индивида. И, в частности, совокупности собственных переживаний субъекта, которые первоначально выступали как неделимые целостности, распадаются для него на составные и неравноценные – по их функции в качестве средства наиболее эффективной передачи информации – компоненты: содержание собственных впечатлений, послужившее источником формирования звучаний, зафиксированных в образах-символах, начинает восприниматься как более значимое (и потому, что оно наличествует и в комплексах восприятий других членов сообщества, и потому, что служит основой взаимопонимания в коммуникативных взаимодействиях). И напротив, компоненты восприятия, от которых оказались производны звукосочетания, затрудняющие взаимопонимание, не нашедшие выражения в символах-образах, оказываются для субъекта в некотором смысле менее ценными, менее значимыми. Формирование такой способности, диверсификация прежде целостного, разделение его в зависимости от функциональной значимости различных аспектов, оценка по степени значимости своих впечатлений в зависимости от степени их интерсубъективности, – все это служит источником становления более сложной мыслительной способности – способности выражать некую ситуацию как совокупность наиболее значимых для нее признаков, иначе говоря, операции интенционализации. С чем могло быть соотнесено формирование такой способности?

Компоненты звукокомплексов, в процессе коммуникации закрепившиеся как наиболее репрезентативные (для членов данного сообщества) в отношении некоторой ситуации, выступающей объектом коммуникации, уже не были выражением исходных индивидуальных, спонтанных, целостных ее переживаний. Все личностное, неповторяющееся отсеялось, зафиксировалось то, что наиболее однозначно могло восприниматься членами данного сообщества как указывающее на подразумеваемую ситуацию. Закрепление такого «ярлыка», репрезентата, заменившего исходные неповторимо индивидуальные, нескорректированные формы звукового выражения собственного восприятия-переживания объектной ситуации, – в силу наличия обратной зависимости, – постепенно изменило и характер исходного (собственного) восприятия соответствующих ситуаций. Комплексное, нерасчлененное, целостное, непосредственное впечатление (то, как воздействующий сигнал без какой-либо коррекции впечатывался в органы восприятия человека) постепенно уступало место скорректированному в соответствии с общепринятым стандартом восприятия-понимания исходной ситуации. Это обусловило трансформацию к такому восприятию, где некоторые исходно присутствовавшие оттенки, детали, нюансы оказывались стертыми (из-за их неповторяемости и, как следствие, кажущейся социальной малозначимости), другие же начинали акцентироваться (по противоположной причине).

Но и это не все. Акцентированные параметры уже не были в собственном смысле слова компонентами тех исходных личностных репрезентаций, которые послужили источником формирования прото-образов. После формирования образа-символа, как репрезентата ситуации, и его обратного воздействия на характер исходного впечатления изменились и сами исходные компоненты комплексного восприятия индивидом ситуации. Они были уже не столь непосредственными, как первоначальные. И, прежде всего, в их основе уже лежала более сложная история и логика формирования. В их генезисе уже участвовали образы-символы, закрепившиеся в данном сообществе как наиболее репрезентативные в отношении исходной ситуации.

2.3.3. Появление новых операций преобразования информации

Представляется, что именно этот процесс видоизменения исходного недуального целостного полимодального образа-впечатления на основе обратного влияния эволюционно более поздних структур когнитивного освоения реальности и лежал в основе формирования тех когнитивных конструкторов, которые мы теперь именуем признаками (предметов, объектов, явлений). Так вычленимые признаки были двойственными по своей природе. С одной стороны, они базировались на индивидуальных комплексных спонтанных переживаниях отдельными членами данного сообщества некоторой исходной ситуации (т. е. содержали момент субъективного). С другой, – несли на себе отпечаток зафиксированного в процессе коммуникации и видоизмененного (по отношению к множеству исходных репрезентаций) образа-символа, начавшего выполнять функции обозначающего (и в этом смысле содержали элемент интерсубъективного в восприятии исходной ситуации).

В любом случае, эти видоизмененные комплексы восприятий, которые уже включали знание о репрезентативности соответствующих компонентов собственного опыта, не были теми же самыми, что лежали в основе формирования первоначальных индивидуальных недуально-целостных репрезентаций. В нарастании такого влияния, в росте значимости интерсубъективного по мере расширения сферы коммуницируемых содержаний я вижу основу формирования и эволюции операции интенционализации информации (навыка представлять ситуацию в виде совокупности характеристичных для нее признаков). Последнее послужило основой развития способности сопоставления объектов, выявления на этой основе классов, отнесения объектов к классу и др. Это открывало пути для складывания совершенно новых навыков оперирования информацией.

Неверно думать, что в зачаточной форме эти процедуры не существовали ранее. И сопоставление ситуаций, и их отнесение к некоторому классу событий может осуществляться и в до-символических формах. Однако оно отличается по ряду параметров. Во-первых, осуществляется спонтанно, не является объ-

ектом сознательно направляемых усилий. Во-вторых, ситуации сопоставляются как целостности, причем сравнение в значительной степени базируется на уподоблении собственных впечатлений по поводу переживаемого в связи с ситуациями.

Переход к формированию средств символического оперирования информацией, и в частности складывание способности интенционализации, создал предпосылки для более широкого использования операции соотнесения. И вот почему. Вряд ли имеет смысл отрицать, что жизненные ситуации достаточно разнообразны, и их буквальное и точное во всех нюансах повторение – относительно редкий случай. К тому же внутренний мир человека также подвержен многообразным влияниям и вследствие этого весьма изменчив. Поэтому как комплексы собственных впечатлений по поводу жизненных ситуаций, так и результаты их сопоставления будут различными в различных ситуациях. В этой связи класс прототипов, который может быть сформирован на основе подобного типа восприятия и оценки, будет достаточно ограниченным.

Напротив, в том случае, если уже сложился новый способ оперирования информацией, базирующийся на сопоставлении по отдельным параметрам сравниваемых ситуаций, появляется возможность соотносить достаточно отдаленные фрагменты жизненного опыта, в целом не воспринимающиеся как сходные и не вызывающие близких комплексов ассоциаций. Иначе говоря, складываются предпосылки для того, чтобы сопоставлять ситуации не только в целом, но и по отдельным параметрам, что, безусловно, расширяет как сферу использования этой мыслительной операции, так и класс выделяемых на этой основе прототипов. Одна и та же ситуация может соотноситься с множеством других, достаточно от нее отличных, по самым разным основаниям. При этом изменяется сама основа соотнесения – не синкретичные кластеры собственных впечатлений по поводу целостно воспринимаемых ситуаций, а отдельные свойства самих этих ситуаций. Это делает возможным реализацию тенденции к выявлению регулярностей, которая (в качестве необходимого условия) предполагает навык отвлечения от множества параметров сравниваемых ситуаций, что само по себе является достаточно сложной мыслительной процедурой. Она становится доступной лишь с момента формирования способности

к акцентированию отдельных компонентов восприятия как более репрезентативных по отношению к исходному нерасчлененному комплексу впечатлений.

Итак, вычленение из исходно целостного комплекса личностных впечатлений некоторых составляющих, как более репрезентативных, и далее – через систему обратных связей – влияние подобного шкалирования на характер собственного первоначального восприятия, обусловило динамику когнитивных способностей на ранних этапах эволюции. В этом смысле, действительно, первоосновой всей собственно человеческой культуры стало слово, задав вектор развития как символического, так и образного мышления. Последнее существенно отличается от реликтовых форм прото-образного представления собственного опыта тем, что в генезисе его структур уже воплотилось все то, что было обусловлено привнесением в мир человека двойственности.

2.3.4. Слово и рождение новых типов осмысливаемой реальности

Вследствие совершающихся изменений формируются новые типы осмысливаемой реальности – символическая и, что не менее важно, субъективная. В результате то, что раньше не вычленялось как более или менее самостоятельная, достойная внимания и специального рассмотрения область, выступало лишь как составная часть, продолжение общемировых процессов, с формированием образов-символов начинает постепенно становиться объектом рассмотрения, оценки.

Подобное изменение восприятия значимости мира собственных переживаний формирует предпосылки для целого класса новых отношений. Во-первых, трансформируется понимание человеком своего места в природе: от полной слитости, растворенности в ней начинается постепенный переход к осознанию относительной независимости и самостоятельности своего «я». Это приводит к тому, что человек начинает вычленять себя из окружающего мира. Ему открывается совершенно новый тип реальности – субъективная реальность, которая оказывается столь же безграничной и неисчерпаемой, как и объективная (а может, и более).

Это чрезвычайно важный момент: именно внимание к своему внутреннему миру, к его порождениям и конструктам, к продуктам его активности, на мой взгляд, станет основой формирования воображения, фантазии, интуиции и, в конечном счете, творческой способности человека. Ведь прото-образные репрезентации ранних стадий когнитивной эволюции вообще не выступали для человека как потенциальный объект рассмотрения. Его внутреннее переживания, ощущения, впечатления воспринимались им как продолжение и составная часть непрерывно совершающихся вокруг него изменений, невыделенной составной частью которых был он сам.

Все это становится особенно отчетливо видимым, если принять во внимание необыкновенную остроту, яркость, сверхъестественную (с точки зрения современной культуры) чуткость к восприятию окружающего представителей ранних культур. Так, бушмены способны чувствовать приближение какого-либо человека, животного или наступление некоторого события задолго до того, как это становится доступным представителю «технократической цивилизации». При этом основанием такого узнавания служит эмпатия, удивительное уподобление (и даже слияние, идентификация) с другим – будь то человек или животное. Например, о приближении отца бушмен может узнать, ощутив в своем теле его старую, но все еще причиняющую боль, рану; о возвращении жены, – почувствовав, как в его плечи впиваются ремни, на которых она несет за спиной младенца. О близости антилопы они догадываются, почувствовав на своих ребрах полосы черной шерсти или ощутив в глазах появление черных крапинок и т. д.⁶⁰

Очевидно, такое видение и восприятие окружающего мира и своего места в нем характерно для ранних этапов эволюции человеческой мыслительной способности, когда чувства до предела обострены, разум не отделен от телесности непроходимым барьером инаковости, поэтому в полном объеме располагает той информацией, которая отражена в теле. Внутренние ощущения вмещают не только собственный мир, но как бы и мир других. Человек предстает как открытое, целостное, резонирующее всему окружающему «чув-

⁶⁰ Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 483–488.

ствилище». Переживание полос на шкуре антилопы или шороха ее ног в сухой траве для него такая же реальность, как собственный мир: это на *его* ребрах полосы черной шерсти, это в *его* глазах появляются темные крапинки.

Безусловно, природа такого феномена, предпосылки подобного «вчувствования» в мир другого, требуют изучения. Необходимо ответить на вопрос, как возможно столь полное отождествление себя с другим? Олеся А.И. Куприна, заставлявшая барина спотыкаться и падать на ровном месте, тоже вживалась в его образ и копировала его движения, воображая при этом натянутую на его пути проволоку. Вероятно, она совершала ту же процедуру отождествления себя с другим, но делала это сознательно. У бушмена же, похоже, соответствующие переживания возникают спонтанно.

Разумеется, подобная способность перевоплощения не может быть объяснена простой ссылкой на отождествление себя и другого. Вопрос в том, как и почему возможно столь полное отождествление и за счет чего оно совершается. Однако в данном случае хочу подчеркнуть иное: и в настоящее время сохранились эти «реликтовые» формы восприятия, столь радикально отличающиеся от обычных для современной технократической культуры, что в них и поверить трудно, а объяснить их еще труднее. И, тем не менее, они так же реальны, как и современные нам, привычные для нас формы.

2.3.5. Творческая способность как побочный продукт эволюции

Навык отождествления с другим, переживания другого как составной части собственной внутренней реальности, на мой взгляд, лежит в основе формирования творческой способности. Полагаю, что последняя может рассматриваться как побочный продукт эволюции навыка эмпатийного схватывания. Почему побочный?

В духе гипотезы Д. Смайлли рискну предположить, что способность, которая сегодня известна как творческая, формировалась как призванная решать другую задачу (ключевую на ранних этапах эволюции), – задачу максимально полного и быстрого постижения другого в акте эмпатийного отождествления.

Способность отождествления с другим в акте эмпатийного схватывания и сегодня можно встретить у представителей эволюционно ранних культур и в магических ритуалах. Она была жизненно важна на начальных стадиях развития человека, когда другими механизмами познания он не располагал. Но в ходе эволюции, вследствие привнесения в его мир двойственности, навык спонтанного, в значительной степени произвольного, отождествления с другим, оказался в значительной степени заблокирован. Поэтому особенно остро встал вопрос развития средств познания, основанных на дуальном мировидении. Это был тот путь эволюции когнитивных способностей, который анализировался выше.

Однако же способность мгновенного произвольного схватывания природы другого в акте эмпатийного постижения не была утрачена полностью. Полагаю, что она сохранилась, хотя и была теперь затруднена наличием барьера инаковости, воздвигнутого человеком между собой и миром. Вследствие такого барьера воспринять другого как составную часть собственных внутрителесных динамик стало достаточно непросто, но все-таки возможно. На мой взгляд, именно это обстоятельство затрудненного доступа к такого рода механизму постижения и лежит в основе того факта, что не все люди в равной мере творчески одарены. Полагаю, что тем, у кого барьер инаковости по отношению к окружающему ослаблен, отождествление с заинтересовавшим другим дается проще, чем тем, кто активнее изолирует себя от окружающего. В случае же, когда мы говорим о творческом решении научных проблем, требуется отождествлять себя с проблемной ситуацией, в акте эмпатийного схватывания получая возможность извлекать информацию, недоступную тому, кто смотрит на проблему с позиции наблюдателя.

Итак, представляется, что в основе творческого прозрения лежит именно способность и готовность отождествления с проблемной ситуацией, навык почувствовать себя и решимость позволить себе *стать* проблемной ситуацией. Это, надо сказать, непростой выбор. Дело в том, что составной частью любой проблемной ситуации выступают такие характеристики, как неполнота, противоречивость, неопределенность. Все эти свойства переносятся человеком достаточно тяжело. Так, физик Леонард Млодинов, профессор Калифорнийского технологического института и соавтор Стивена

Хокинга по книге «Краткая история времени» пишет: «В действительности реакция человека на неопределенность настолько сложна, что иногда различные структуры в мозге приходят к различным выводам и, по всей видимости, конфликтуют между собой, оспаривая главенство»⁶¹.

Непросто человек справляется и с противоречиями. В частности, исследования показали⁶², что когда испытуемых вынуждали формулировать суждения на основе совокупности признаков, содержавших взаимоисключающие позиции, их рациональный подход к решению задач начинал буксовать. Как оказалось, предпочитаемая мыслительная стратегия сводилась к элементарному отбрасыванию одного из компонентов противоречивой информации и принятию решения на основании другого. При этом выбор «оставляемого» признака определялся не всегда отчетливо осознаваемыми установками общего характера: собственными предпочтениями, сложившейся системой представлений, когнитивными штампами и пр.

Позволяя себе *стать* проблемной ситуацией, снимая барьер инаковости, отделяющий от требующей решения задачи, исследователь, вместе с возможностью по-иному прочувствовать ее, получить доступ к дополнительному и чрезвычайно мощному ресурсу содержаний, помогающему найти творческое решение, получает и все те содержания, которые до этого вытеснялись из сферы сознания. Чаще всего такое вытеснение связано с травматическим характером соответствующих переживаний. И значит, снимая барьер инаковости, позволяя себе *стать* проблемной ситуацией, человек позволяет этим ранее вытесняемым содержаниям активизироваться в пространстве его экзистенции. Что, без сомнения, весьма травматично и потому требует немалого мужества.

Итак, на стадии *недвойственного постижения* (осуществляемого в рамках *изначальной* целостности <ум-тело>) имеет место растворение человека в объекте, которое может быть представлено в следующей форме: направление заинтересованного внимания на объект приводит к формированию новой, никогда прежде не бывшей целостности <субъект-объект>, специфической особен-

⁶¹ Млодинов Л. (Не)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью. М., 2010. С. 16–17.

⁶² Posner M. Cognition: An Introduction. Glenview, Illinois: Scott Foresman, 1973. P. 80.

ностью которой является то, что в ней нет ни того, что в нашем нынешнем понимании мы называем «субъектом», ни того, что мы называем «объектом». В рамках такой изначальной целостности человек *становится* объектом, на который направлено его внимание: он – не тот, кто наблюдает за внешним по отношению к нему процессом, он *и есть* сам этот процесс.

Данное мироощущение прекрасно выражено в объяснении Д.Т. Судзуки того, как рождается гениальное произведение искусства: «Можно задаться вопросом, как художник углубляется в дух изображаемого?⁶³... Секрет в том, чтобы стать растением. Но как человек может стать растением?... На практике это достигается посредством интроспективного рассмотрения растения. При этом сознание должно быть полностью свободно от субъективных эгоцентрических мотивов. Оно становится созвучным Пустоте, или *таковости*, и тогда человек, созерцающий объект, перестает осознавать себя отличным от него и отождествляется с ним. Это отождествление дает возможность художнику чувствовать пульсацию жизни, которая проявляется одновременно в нем и в объекте. Вот что имеют в виду, когда говорят, что субъект теряет себя в объекте и что не художник, а сам объект рисует картину, овладевая кистью художника, его рукой, его пальцами»⁶⁴.

Иными словами, чтобы создать гениальный продукт, надо позволить себе слиться с ним, *стать* им. А это и есть отказ от позиции наблюдателя по отношению к происходящему, отказ от вынесения себя за скобки процесса жизни. В этом состоянии исчезает граница, барьер, отделяющий человека от мира, человека от объекта его интереса, и они оказываются составляющими новую, прежде не существовавшую данность: <человек во всем богатстве, сложности и специфичности (генетической и культурной) его личности и объект, оказавшийся в центре его внимания>. И в рамках этой новой, никогда прежде не бывшей целостности формируется новое поле отношения с новыми возможностями *в прямом непосредственном усмотрении* **знать** истинное положение вещей, поскольку процессы, происходящие в другом, переживаются как часть собственных внутрителесных динамик.

⁶³ Речь идет об изображении растения (гибискуса), созданном в XIII в. Моккеем (Му-цзи) и считающемся национальным достоянием Японии.

⁶⁴ Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996. С. 43–44.

2.3.6. Языки, используемые на разных стадиях творческого процесса

Полагаю, что ни один из возникших в ходе эволюции инструментов познания не исчезает из арсенала человека, просто некоторые уходят из сферы сознания в бессознательное. Это, в частности, относится к языку прото-образов, потому что параметры эго-сознания полностью не соответствуют параметрам интегрально-телесных репрезентатов, которые, как уже упоминалось, дуальны, целостны и объемны. А эго-сознание по своей природе дуально и оперирует конструктами, характер которых может быть передан как «плоскостные».

Сформировавшиеся языки используются на разных стадиях познавательного процесса, обеспечивая обращение к разным слоям, стратам человеческой экзистенции и давая возможность с разной степенью отстраненности-сопричастности воспринимать и репрезентировать информацию. На определенных этапах решения задач нужна именно отстраненность: она предоставляет наилучшие возможности для того, чтобы убрать все личное, неповторимое, редко встречающееся, случайное, и сконцентрироваться на аспектах необходимого и всеобщего в зафиксированном содержании. Это особенно важно тогда, когда стоит задача абстрактного рассмотрения.

Но когда требуется привлечь интуицию, вытянуть из подсознания или бессознательного дремлющие догадки, идеи, креативные образы, плодотворным окажется увеличение доли телесного, потому что телесность – это тот ресурс, в котором сняты противоречия, их просто нет, т. к. противоречия – это на сто процентов умственный дериват. Поэтому я полагаю, что язык прото-образов – это доминирующее средство репрезентации информации на уровне интегрально-телесного постижения-выражения, и это предпочитаемый язык творческого бессознательного.

Язык образов-символов – это сфера подсознания. На этом уровне содержания еще сохраняют сильную интегрально-телесную привязку, тем не менее, уже содержат в себе знание о степени репрезентативности каждого из аспектов комплекса исходных впечатлений в отношении репрезентируемой ситуации, вводя тем самым элемент интерсубъективности в репрезентацию.

Языки символов-образов и символов – это языки уровня эго-сознания, при этом в первом из них доминирует образная форма представления опыта. В творческом акте они наиболее эффективно функционируют на стадиях сбора и осмысления данных по проблеме, а также проверки гипотез и выведения следствий.

Все языки, которые находятся в распоряжении человека, в процессе решения творческих задач функционируют одновременно и параллельно. Обработка информации, в том числе ее репрезентация внутренними ресурсами, не прекращается практически никогда, – просто принимает разные формы: например, во сне и в бодрствовании, в ходе плановой и спонтанной деятельности и т. п. Но на разных этапах творческого процесса первую скрипку играют разные ресурсы. Такое разделение, конечно, условно, оно относится больше к нашему способу **видения** происходящего в творческом акте, чем к самому творческому акту. Тем не менее, осмысливая эти процессы, мы вынуждены давать им характеристики, признаваемые допустимыми нашим типом мышления – дуальным по своей природе. Так, на этапе сбора и осмысления данных, на мой взгляд, преобладают средства символически-образного и символического языков. На стадии инкубации – языки прото-образного и образно-символического ряда. На стадии озарения – непосредственно в мгновение озарения – языки не функционируют, а вот когда требуется представить рожденный результат в сознании, используются символически-образные и символические средства. На этапе проверки гипотез и выведения следствий – они же.

Что в ходе всех этих трансформаций происходит со смыслом?

Сначала в восприятии-репрезентации смысла первую скрипку играют прото-образы. На этом этапе нет разделения на восприятия и репрезентацию, есть единый процесс постижения, потому что ум человека здесь еще недуален. Такая форма восприятия-репрезентации знания дает возможность мгновенно схватывать объект интереса, воспринимая его вне позиции наблюдателя, без выделения главного и второстепенного, признаваемого и отвергаемого. Здесь человек и процесс, воспринимающий и воспринимаемое – одно. И именно так удастся максимально полно, многопланово, во всем богатстве переплетения связей и отношений охватить воспринимаемое. Инструментом реализации такого целостного акта–процесса–результата выступает интегральная телесность постигающего.

Образы-символы позволяют ввести в познавательный процесс элемент интересубъективного, дают некоторое представление относительно отстраненности информации в соответствии с наиболее распространенными (а значит, социально приемлемыми, признаваемыми) стандартами.

В языке символов-образов элемент интересубъективного усиливается, а доля индивидуального, лично окрашенного уменьшается. За счет этого возникает возможность говорить о всеобщем, репрезентируя свое представление в форме образов.

Язык символов – это наивысшая степень отстраненности от телесного, вещественного начала, имеющего опору в неповторимом и индивидуальном. Это язык абстрактных репрезентаций, функционирующих как ярлыки, актуализирующие стоящие за ними содержания самим актом произнесения.

Заключение

Итак, можно сказать, что исток такого бесценного свойства человеческой речи, как возможность передавать смыслы, коренится в механизме постижения, формировавшемся на ранних стадиях когнитивного развития человека. Это механизм эмпатийного схватывания поступающих импульсаций, осуществлявшегося в режиме недуральной целостности. Он обеспечивал формирование протообразных репрезентаций, которые (вследствие недурального характера процесса) складывались в ходе внешне-внутреннего поглощения поступающей информации и представления ее ресурсами собственной интегральной телесности. Это значит, что в основе формирования языка как уникальной системы выражения и передачи смыслов, обеспечившей совершенно особый путь развития человека, лежит естественный процесс эволюции его когнитивных способностей. И нет нужды прибегать к мистическим аргументам в анализе происхождения языка, можно обойтись без идеи дарованности его богами или добывания наилучшим из людей. Правда, необходимо помнить, что интересующие нас процессы развивались на стадии недуральной целостности человека, поэтому очень серьезно отличались от тех, которые известны нам по сегодняшнему повседневному опыту.

Целостность человека ранних стадий филогенеза обуславливает специфику организации познавательного акта, о которой говорилось выше: то, что сегодня предстает как восприятие, и то, что сегодня предстает как воспроизведение, составляли единый неделимый акт мгновенного эмпатийного постижения, в ходе которого точность восприятия обеспечивалась точностью осуществляемого в то же мгновение внутреннего воспроизведения воспринимаемого. Эта внутренняя спонтанная сонастройка обеспечивалась отсутствием границы, барьера, отделяющего человека от мира. Вследствие так организованного механизма постижения постулирующий сигнал как бы *впечатывался* в голосовые связки, что делало возможным мгновенное, спонтанное, точное внутреннее воспроизведение. В результате получаемая звуковая копия поступившего сигнала с максимально доступной точностью воспроизводила его параметры. А параметры сигнала – это другая форма выражения сути, глубинной природы того образования, которое вступило в коммуникацию с человеком. Так и получилось, что звукосочетания, рожденные человеком в акте целостного недуального постижения природы воздействующего начала, с максимально возможной точностью передавали глубинную природу этого начала.

Форму репрезентации результатов такого взаимодействия я обозначила как прото-*образы*. Учитывая генезис данной когнитивной структуры, можно утверждать, что по *самой* логике своего формирования прото-*образ* не только способен, но *с необходимостью*, точно и настолько полно, насколько это допускается особенностями организации и функционировании телесности человека, репрезентирует природу объекта, оказавшегося в поле внимания человека. Прото-*образ* являет собой объемную недвойственную модель объекта интереса, потому что ресурс репрезентации – интегральная телесность – по определению объемен и недуален.

Это очень важный момент, который позволяет объяснить, почему слова естественного языка (по крайней мере, те из них, которые формировались на стадии недуальной целостности человека) способны достаточно адекватно транслировать смысл именуемого. То, что в языке в настоящий момент имеется значительный процент выражений, введенных по соглашению и не передающих существо именуемого (в том смысле, как это спо-

собны делать выражения базисной лексики), – следствие последующих этапов эволюции, разворачивавшейся на фоне диссоциированности языка и мышления.

И еще один важный момент. Естественный язык потому оказался эффективен в качестве универсального инструмента коммуникации, что в его основе – когнитивные формы освоения реальности, не только *способные* неискаженно передавать содержание того, к чему отсылают, но *с необходимостью* точно передающие соответствующие содержания, – просто по логике своего формирования. Это обусловило появление в жизненном пространстве человека ресурса, которым не располагает никакой другой вид живых существ и который определил направление и мощь влияния культуры на его развитие. И этот ресурс – возможность эволюционировать когнитивно, практически не меняясь биологически и физиологически. Поэтому для того, чтобы совершить гигантский скачок в плане нарастания мощи своего воздействия на окружающий мир, человеку не пришлось стать физически другим существом. Когнитивная эволюция происходит гораздо быстрее, чем биологическая, что и обеспечивает возможность небывало стремительного формирования и развития человеческой культуры, а также степени ее влияния на окружающую реальность и другие виды живых существ (в плане возможностей их контролирования). И в основе всего этого развития и всех этих небывалых возможностей – специфика функционирования органов чувств, нервной системы, голосового аппарата, мозга человека на этапе его недуральной целостности. А базовой составляющей такого ресурса освоения и репрезентации реальности выступают прото-образы, спонтанно рождающиеся при совершении человеком усилия по максимально полному и точному схватыванию природы воздействующего начала, но только в том случае, если это усилие совершается в состоянии недуральной целостности.

Наиболее акцентированная составляющая смысловой нагрузки в форме прото-образов – это интегрально-телесная компонента, где нет разделения на ум и тело, органы чувств и средства репрезентации, где, чтобы быть правильно услышанным, надо быть максимально точно воспроизведенным, а чтобы быть без искажения воспроизведенным, надо быть верно услышанным, где восприятие и воспроизведение – единый целостный акт схватывания-постижения.

Образ-символ – это результат обращения прото-образов в социуме и их трансформации в качестве средства коммуникации. Именно образы-символы становятся первым *специальным* средством репрезентации, тогда как прото-образы ими в полной мере еще не являются (поскольку там нет разделения на восприятие и воспроизведение). Образы-символы содержат уже ту акцентированную часть исходного прото-образа, которая выступает для всех членов сообщества как наиболее репрезентативная, что и позволяет подобной информацией обмениваться, потому что тот, кому адресовано соответствующее послание, имеет внутри себя сходно звучащий отклик на него. Это делает возможной передачу зафиксированного в образе-символе смысла без того, чтобы предварительно состоялся акт обучения языку или установления соглашения относительно того, что как будет называться: просто (в соответствии с вышеописанными механизмами) в получающем информацию самопроизвольно инициируется сходная конфигурация состояний, которая и позволит ему верно воспринимать адресацию.

Символ-образ эволюционирует еще дальше в направлении отрыва от конкретной предметно-процессуальной ситуации, обусловливавшей первоначальный прото-образ. (Кстати говоря, нобелевский лауреат, автор ряда фундаментальных трудов в сфере исследования сознания, Дж. Эдельман выделяет возможность передавать информацию об отсутствующем в настоящий момент предмете как важнейшее свойство высокоуровневого сознания⁶⁵).

И, наконец, символы. Это структура, в которой уже полностью разведены функции восприятия и репрезентации информации. Символы рожают новый тип когнитивной реальности – реальность идеальных конструкторов, которые могут видоизменяться и комбинироваться с высокой степенью произвольности, – только в соответствии с фантазией человека, а не с реально допустимым положением вещей. Именно они составляют главное содержание теоретических построений, обеспечивая условия для развития науки и давая неограниченный простор для реализации творческого потенциала человека.

⁶⁵ *Edelman G. Consciousness: The Remembered Present // Cajal and Consciousness. Scientific Approaches to Consciousness on the Centennial of Ramon y Cajal's *Textura* / Ed. by Pedro C. Marijuan. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 929. N.Y., 2001. P. 60–79.*

В творчестве рождаются новые смыслы. Смысл я понимаю как объемный, содержащий глубинную телесную составляющую⁶⁶, паттерн организации внутреннего опыта, который в процессе эволюции когнитивного потенциала человека способен воплощаться в разные формы. Общепринятое истолкование смысла как совокупности признаков, указывающих на предмет (задающих тот класс объектов, к которому принадлежит заинтересовавший человека предмет), я рассматриваю как соответствующее самому верхнему звену обрисованной выше иерархии уровней, которые проходит изначальный смысл на пути трансформации от языка прото-образов до языка символов. На этом пути целостное, многогранное, многоуровневое образование, которым предстает смысл, выраженный в языке прото-образов, постепенно видоизменяется, утрачивая объемность, неповторимость, индивидуальную специфичность и обретая взамен утраченного все больше черт всеобщего, необходимого и максимально репрезентативного в отношении выражаемого содержания.

Когда я говорю «поверхностный» применительно к характеристике смысла, циркулирующего на уровне языка символов, я не имею в виду, что зафиксированные в определениях общепринятого типа смысловые характеристики не могут передавать суть именуемого. Напротив, по самой логике своего формирования (как образований, в которых максимально силен элемент интерсубъективного, устранено все индивидуально-личностное и малорепрезентативное) они как раз *способны* давать сущностное знание. Но не забудем, это те характеристики, которые *предстают* описывающими существо предметов *с позиции двойственного мышления*. Это то, что видится как наиболее значимое в том случае, если мы смотрим на него с позиции наблюдателя. Тогда как недуральный ум вполне может воспринимать данные характеристики как иллюзорные, потому что для него они – продукт диссоциации, несущий в самой своей основе взаимоисключающие начала, которых – как он *знает в собственном опыте непосредственного прямого усмотрения* – нет в реальности.

Можно ли сравнивать вышеупомянутые языки, доказывая, что один плох, а другой хорош? Безусловно, нет: это средства когнитивного освоения реальности разного уровня, функционирующие

⁶⁶ В форме конфигурации состояний, чувств, переживаний, организменных процессов, телесных динамик и пр.

с преимущественным успехом на разных этапах решения творческой задачи и обеспечивающие достижение творческого результата в совокупности прилагаемых усилий. Что же касается творческого потенциала, я полагаю, что новые смыслы могут быть рождены только новой структурой. Это значит, что в ситуации, остающейся прежней, новое может возникнуть только в том случае, если сам человек станет иным. Подобное преобразование может состояться, если, перейдя в состояние недuality целостности, когда воспринимающий и воспринимаемое – одно, человек полностью сольется с мгновением настоящего, отказавшись от позиции наблюдателя по отношению к процессу, сняв тем самым барьер инаковости, отделяющий его от мира и делающий невозможным осуществление эмпатийного постижения. Когда такая новая конфигурация <человек – творческая проблема> (где составляющая «человек» целостна и недuality, а значит недuality и вторая компонента взаимодействия, и сам процесс постижения) будет установлена, в этот момент окажется возможным рождение нового, как никогда прежде не бывшего целого.

Список литературы

Баиндурашвили А.Т. Некоторые характерные особенности речевого знака в аспекте проблемы реальности бессознательного психического // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 703–709.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.

Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. М.: Альян, 2001. 452 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс – Кучково поле, 1998. 496 с.

Беркен Т. Экстремальная духовность. Потрясающее путешествие за внутренние границы. Киев: София; М.: ИД «София», 2004. 224 с.

Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? М.: ИФ РАН, 1993. 195 с.

Бескова И.А. Логика возникновения языка в филогенезе // Психология и психотехника. 2009. № 9. С. 30–39.

Бескова И.А. Природа сновидений: эпистемологический анализ. М.: ИФРАН, 2005. 239 с.

- Бескова И.А.* Эволюция и сознание: новый взгляд. М.: Индрик, 2002. 256 с.
- Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 367 с.
- Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А.* Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.* Левши. М.: Книга Лтд, 1994. 230 с.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
- Гратцер У.* Эврики и эйфории. Об ученых и их открытиях. М.: Ко-Либри; Азбука-Аттикус, 2011. 656 с.
- Домазио А.* Возвращаясь в прошлое // В мире науки. 2003. № 1. С. 43–48.
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
- Иорис Шах* Караван сновидений. М.: Гранд ФАИР-пресс, 1999. 462 с.
- Канетти Э.* Превращение // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 483–488.
- Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Интуиция как самодоохранение // Вопр. философии. 1994. № 2. С. 110–122.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. Изд. 4, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 232 с.
- Кришнамурти Д.* Вне насилия. М.: София, 2004. 272 с.
- Куриц Р.* Телесно-ориентированная психотерапия. Метод Хакоми. М.: Независ. фирма «Класс», 2004. 304 с.
- Кюлевинд Г.* Звездные дети. М.: Evidentis, 2005. 176 с.
- Майданов А.С.* Восприятие красоты незрячими. М.: Канон, 2010. 616 с.
- Меркулов И.П.* Когнитивная эволюция. М.: РОССПЭН, 1999. 310 с.
- Минделл А.* Сновидение в бодрствовании. М.: АСТ, 2004. 288 с.
- Млодинов Л.* (Не)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью. М.: Livebook / Гаятри, 2010. 352 с.
- Опыт и смысл / Отв. ред. Н.М. Смирнова.* М.: ИФ РАН, 2014. 207 с.
- Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина».* Объяснение праджня-парамиты / Предисл., пер. с тибет. и коммент. А.М. До-нец. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 184 с.
- Смирнова Н.М.* Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+, 2009. 400 с.
- Судзуки Д.Т.* Мистицизм: христианский и буддистский. Киев: София, 1996. 288 с.
- Толле Э.* Практика «Power of now». М.: София, 2008. 160 с.

Философия науки. Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникаций / Отв. ред.: Г.Д. Левин. М.: ИФ РАН, 2012. 269 с.

Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1984. 704 с.

Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательно-го. М.: «КСП+», 1996. 416 с.

Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: ИФ РАН, 2004. 173 с.

Creativity. A discussion at the Nobel Conference. Amsterdam: North-Holland, 1970. 432 p.

Delalande F. Sense and Intersensoriality // Leonardo. 2003. Vol. 36. No. 4. P. 313–316.

Edelman G. Consciousness: The Remembered Present // Cajal and Consciousness. Scientific Approaches to Consciousness on the Centennial of Ramon y Cajal's *Textura* / Ed. by P.C. Marijuan. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 929. N.Y., 2001. P. 60–79.

Feld St., Brenneis D. Doing Anthropology in Sound // American Ethnologist. 2004. Vol. 31. No. 4. P. 461–474.

Hollan D. To the Afterworld and Back: Mourning and Dreams of the Dead among the Toraja // Ethos. 1995. Vol. 23. No. 4. P. 424–436.

Kihlstrom J.F. The psychological unconscious: Found, lost and regained // American Psychologist. 1992. 47. No. 6. P. 786–789.

Kleinman A. «Everything That Really Matters»: Social Suffering, Subjectivity, and the Remaking of Human Experience in a Disordering World // The Harvard Theological Review. 1997. Vol. 90. No. 3. P. 315–335.

Legrand D. The Bodily Self: The Sensory-motor Roots of the Pre-reflective Self-consciousness // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2006. Vol. 5. P. 89–118.

Linger D.T. What Is It Like to Be Someone Else? // Ethos. 2010. Vol. 38. No. 2. P. 205–229.

Luca B. Death and the Evolution of Language // Human Studies. 2010. Vol. 33. No. 4. P. 425.

Lumsden Ch.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Synthese library. Dordrecht, 1985. Vol. 80. P. 3–31.

Macpherson F. Cross-Modal Experiences // Proceedings of the Aristotelian Society. 2011. Vol. 111. P. 429–468.

Neisser U. The Roots of Self-Knowledge: Perceiving Self, It, and Thou // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 19–33.

O'Callaghan C. Against hearing meanings // The Philosophical Quarterly. 2011. Vol. 61. No. 245. P. 783–807.

Posner M. Cognition: An Introduction. Glenview (Illinois): **Scott Fores-**
man, 1973. 472 p.

Smillie D. Sociobiology and Human Culture // Sociobiology and Episte-
mology. Dordrecht, 1985. P. 75–97.

Wahman J. Sharing Meanings About Embodied Meaning // The Journal
of Speculative Philosophy. New Series. Vol. 22. No. 3. Symposium II: Words,
Bodies, War (2008). P. 170–182.

Westcott M.R. Towards a contemporary psychology of intuition. N.Y.:
Holt, Rinehart, 1968. 130 p.

Wilson E.O. How to Unify Knowledge // Unity of Knowledge: the Con-
vergence of Natural and Human Sciences / Ed. by *A.R. Damasio* et al. N.Y.,
2001. P. 13–14.

ГЛАВА 3. МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

3.1. Сущность метафоры и ее структура

3.1.1. Метафора как «скрещение смыслов»

Можно сказать, что каждый образованный человек имеет представление о том, что такое метафора и даже может определить ее, например, так, как это делает «Словарь» Н. Уэбстера: «Метафора – это фигура речи, в которой слово или фраза применяются к тому, к чему они буквально не применимы, для того, чтобы показать их сходство»⁶⁷. При употреблении метафор человек говорит одно, а имеет в виду другое, использует не прямое, а переносное значение слов. Из-за операции перенесения, которая осуществляется в данном обороте речи, древние греки, и прежде всего Аристотель, использовали для обозначения этого оборота слово «*metaphero*» – «переносу». В академической форме американский лингвист П. Хенле так выразил эту черту метафоры: «Знак является метафорическим, если он употреблен с референцией к объекту, который он не обозначает при буквальном употреблении, но который обладает некоторыми признаками, присущими объекту, который должен был бы быть буквальным денотатом этого знака»⁶⁸.

Это определение метафоры кажется вполне ясным. И, тем не менее, многие лингвисты, литературоведы и философы занимались этим феноменом, усмотрев множество проблем в метафоре, касающихся способов ее формирования, структуры, взаимоотношений ее частей, своеобразия смысла. Эти проблемы представля-

⁶⁷ New Webster's dictionary of the English language. Delhi, 1989. P. 940.

⁶⁸ Henle P. Metaphor // Language, Thought and Culture / Ed. by P. Henle. Univ. of Michigan Press. 1958. Ch. VII.

ют метафору сложным и загадочным явлением, как правило, всегда несущим в себе некоторую тайну. И, наверное, поэтому англо-американский аналитический философ М. Блэк в своей знаменитой статье «Метафора» (1962) поставил перед собой задачу постичь сокровенную природу этого явления: «Я хочу снять покров тайны с метафоры, которую философы, несмотря на их интерес к языку, до сих пор обходили»⁶⁹. Подобную работу проводил целый ряд выдающихся исследователей, прояснивших многое в причудливой природе этого явления.

Одним из основных результатов этих исследований является определение фактора, представляющего собой основание процесса формирования метафоры. Этот фактор является фундаментальным признаком метафоры. Это – отношение сходства, аналогии между метафорическим выражением и его денотатом. На этот признак обратил внимание еще Аристотель. «Переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии»⁷⁰, – писал он. Позднее это соображение разделяли и другие исследователи. Так, английский филолог Х. Блэр (1718–1800) утверждал, что «метафора – это фигура, всецело основывающаяся на сходстве одного объекта с другим, поэтому она во многом родственна сходству и сравнению и, конечно же, есть не что иное, как сравнение, выраженное в сокращенной форме»⁷¹. Эта точка зрения стала традиционной. Э. Кассирер так раскрывал ее суть: метафора – это «сознательная замена обозначения содержания представлений посредством наименования другого содержания, какой-либо чертой сходного с первым или позволяющего провести “аналогию” с ним. В этом случае в метафоре идет речь о подлинном “перенесении”»: оба содержания, между которыми она движется, твердо установлены как определенные и самостоятельные значения...»⁷².

Конструирование пары «метафорическое выражение – его денотат» – операция, требующая от ее исполнителя владения целым рядом специфических интеллектуальных качеств: широты

⁶⁹ Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М., 1990. С. 153.

⁷⁰ Аристотель. Поэтика. 1457b // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 669.

⁷¹ Цит. по: Теория метафоры. С. 285.

⁷² Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С. 376.

кругозора, что позволяет выбирать необычные и оригинальные метафоры, умения увидеть и выделить во множестве свойств, обычно разнородных, сходные с определенными свойствами других, связываемых метафорами предметов, способности смотреть на объекты под разным углом зрения, и тем самым выявлять их сходство при кажущемся различии, умения привлекать и соотносить понятия и представления из разных областей знания, способности находить аналогию между элементами, относящимися к разным аспектам объектов, например, между биологическими и психологическими характеристиками живых существ, их внешними и внутренними свойствами.

Крайне важной и весьма продуктивной является способность креативной личности находить сходство между отдаленными объектами и явлениями, принадлежащими, к примеру, к классам различной природы. Так, в великой индийской книге Ригведа (далее – РВ) астрономические объекты Солнце и Луна в гимне I. 72, в стихе 10 представлены как биологический объект (глаз) и называются двумя глазами неба:

Бессмертные наделили его (Агни. – *А.М.*) чудесной красотой,
Когда создавали два глаза неба.

В другом гимне (I. 24. 7) Солнце представлено образом дерева с основанием вверху, с ветвями, направленными вниз. Здесь основанием является само Солнце, а ветви – его лучи, идущие от него с неба вниз, к земле. В стихе 8 этого гимна лучи солнца отображаются как ноги, которые приставил ему бог Варуна, чтобы оно могло двигаться по небу:

В бездонном пространстве царь Варуна с чистой силой действия
Держит прямо вершину дерева.
Ветви направлены вниз. Их основание – наверху.
Да укоренятся в нас лучи!
Ведь широкий сделал царь Варуна
Путь для солнца, чтобы следовать ему.
Безногому он сделал ноги, чтобы приставить...

Сближаются между собой в РВ и такие разные явления, как ночь и день, с одной стороны, и их метафорический образ – коровы, с другой:

Две коровы разного вида бродят с прекрасной целью:
Одна за другой они кормят теленка (огонь жертвенного костра. – *А.М.*).
У одной он бывает золотистым, следуя своему обычаю,
У другой он кажется ясным, с прекрасным блеском (I. 95. 1).

В последних строках говорится о различии в цвете огня, зажженного днем или в сумерках.

Метафора позволяет авторам РВ соотнести и сопоставить такие весьма разные явления, как поэтическое творчество, ритуальное действие и земледельческие операции:

Сделайте все приносящим радость, натяните поэтические мысли,
Создайте ладью, перевозящую на веслах,
Приведите в порядок оружие, держите его наготове,
Ведите жертву вперед, о друзья!
Запрягайте плуги с сеялками, надевайте хомуты!
Бросайте здесь семя в приготовленное лоно!
Когда же услышание придет в равновесие с вашей хвалебной песней,
Спелый плод еще ближе подойдет к серпам.
Поэты запрягают плуги с сеялками,
По отдельности надевают хомуты
Эти мудрые ради благожелательности среди богов.
Я привлекаю вашу силу видения, связанную с жертвой, для помощи,
О боги, божественную, достойную жертв, связанную с жертвой, – сюда!
Пусть она доится для нас, словно великая корова
Тысячеструйная своим молоком, когда она отправилась на пастбище
(X. 101. 2-4, 9)!

Использованное соотнесение разных видов деятельности позволяет увидеть важное и глубокое сходство между ними – они являются продуктивными созидательными процессами. В то же время этим сопоставлением удастся подчеркнуть большую значимость литературной и религиозной деятельности.

3.1.2. Структура метафоры

Исследователей метафор занимают вопросы о том, как происходит формулирование и понимание этих феноменов. Существуют ли такие характеристики метафор, знание которых помогает осуществлять эти процедуры? Американский философ Дж. Сёрль так

выразил эти вопросы: «Для сообщения говорящим чего-либо при помощи метафорических высказываний, ...необходимы некие принципы, в соответствии с которыми он может иметь в виду нечто большее или отличное от того, что говорит; эти принципы должны быть известны слушающему, который за счет этого знания понимает, что же говорящий имеет в виду... Наша задача при создании теории метафоры – попытаться сформулировать те принципы, которые соотносят буквальное значение предложения с метафорическим значением высказывания... Наш исходный вопрос – как функционируют метафоры – может быть переформулирован так: каковы те принципы, которые позволяют говорящим производить, а слушающим понимать метафорические высказывания?»⁷³.

Я хочу конкретизировать задачу, поставленную Сёрлем, а именно, обратить внимание на то, что мало знать одни принципы. Важно иметь в виду и ряд других характеристик метафоры. Среди них такие, как ее структура, наиболее существенные элементы, взаимоотношения последних, методы и приемы создания метафор, способы их интерпретации. Важно также выявить особенности порождения и функционирования метафор в различных видах словесного творчества. В данном исследовании в качестве такого вида избрана мифология.

Начнем анализ метафоры с ее структуры. В литературе сложилось представление о метафоре как о двучленной структуре. Членами, или компонентами метафоры являются два разных значения метафорического выражения – прямое и переносное, или косвенное, подразумеваемое. Для называния этих значений предлагаются разные термины. Так, англо-американский филолог А.А. Ричардс предложил называть прямое значение носителем, средством передачи, а подразумеваемое – содержанием⁷⁴. М. Блэк характеризовал подразумеваемое значение как фокус метафоры, вставленный в рамку (фрейм) прямого значения⁷⁵. Другие исследователи подчеркивают, что метафора относится к двум объектам (М. Бирдсли), задает вместо одной идеи сразу две (М. Джонсон). Это свойство метафоры Дж. Сёрль считает основным ее принципом: «Основной принцип функционирования всех метафор заключается в их способности, пользуясь своими специфическими средствами, вызывать в сознании – при произнесении выражения

⁷³ Сёрль Дж.Р. Метафора // Теория метафоры. С. 308–309.

⁷⁴ Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. С. 48.

⁷⁵ Блэк М. Метафора. С. 159.

с буквальным значением и соответствующими условиями истинности – другое значение с соответствующим набором условий истинности»⁷⁶.

Метафора характеризуется двойной референцией, или денотацией. Во-первых, она репрезентирует денотат, отображенный в прямом значении метафорического слова, а во-вторых – денотат косвенного значения. Поэтому в метафоре следует различать репрезентирующий компонент, которым является прямое значение, и репрезентируемое содержание, в качестве которого выступает косвенное значение. Особенностью репрезентации посредством метафор является то, что содержание прямого значения и содержание косвенного значения лишь в некоторой степени соответствуют друг другу. Большие же части каждого из этих значений не находятся друг к другу в таком отношении. Следовательно, в целом прямое значение лишь отчасти репрезентирует косвенное, а поэтому первое значение можно называть условным знаком, символом второго. Своей неадекватной частью прямое значение уводит воспринимающего метафору субъекта в сторону от подлинного денотата косвенного значения, вследствие чего возникает абберрация денотации, смещение ее в ложном направлении, что и затрудняет толкование метафоры.

Своеобразие отношения между прямым и косвенным значениями метафоры подсказывает необходимость уточнения характера сходства, лежащего в основе метафорических конструкций. Это сходство, аналогия всегда частичны, часто минимальны, нередко выступают лишь как намек на основной денотат. Эту особенность метафорической аналогии всегда нужно иметь в виду при характеристике данного тропа. Благодаря имеющемуся сходству некоторых элементов прямого и косвенного значения между последними существует отношение симметрии. Но поскольку между большинством других элементов аналогии нет, то между названными значениями имеет место отношение асимметрии. Таким образом, метафора в данном случае оказывается противоречивой структурой, парадоксальным гибридом. Именно поэтому о ней можно говорить как о содержательно-условном репрезентанте. Он содержателен, поскольку сходные элементы

⁷⁶ Сёрль Дж. Указ. соч. С. 314.

дают некоторую информацию об основном денотате, но и условен, т. к. другие элементы не сообщают никакой информации об этом денотате.

Не будем упускать из виду, что в структуре метафоры есть еще один компонент. Это знак, символ прямого значения – непосредственный представитель этого содержательного элемента. Данный знак может быть акустическим, как в устной речи, или графическим, как на письме. Такие знаки и их мысленные значения образуют слова как комплексные репрезентанты косвенного значения. Поэтому структура метафоры оказывается трехчленным образованием.

Феномен метафоры возникает в результате взаимодействия ее компонентов, элементов этой структуры. Взаимодействие оказывается трехступенчатым. Первичный компонент данной структуры (акустический или графический знак), будучи условным, конвенциональным, репрезентирует соотнесенную с ним мысль, образ, понятие, которые непосредственно связаны с этим знаком и выступают в качестве прямого значения метафоры. Это значение отчасти информативно, отчасти условно соотносится с другой мыслью, образом, понятием – косвенным значением метафоры, демонстрируя резкий переход к качественно иному классу мыслей, понятий, образов. Происходит семантический сдвиг – смещение мышления из одного концептуального круга в другой. Логическая связь между этими кругами отчасти сохраняется благодаря отношению аналогии, а отчасти прерывается, и языковая конструкция говорит нам о некотором другом объекте – об ином, чем у прямого значения, денотате. Денотаты прямого и косвенного значения оказываются разными – отношение денотации, идущее от прямого значения, и отношение денотации от косвенного значения расходятся. Вследствие этого существенно нарушается отношение содержательного сходства между денотатами одного и другого значения. Прямое значение дает нам во многом иную информацию о денотате косвенного значения. Этот денотат уходит за пределы его информационного охвата. Так возникает иносказательная сущность метафоры, иносказательная репрезентация исходным прямым значением слова основного денотата метафорического выражения. Такая репрезентация обычно осуществляется через инопарадигмальные (т. е. относящиеся к ино-

му классу) понятия или образы. Отношение аналогий преобразуется в отношение различия. Прямое и косвенное значения лишь в незначительной степени информативно покрывают друг друга. В большей же степени они информативно расходятся. Смысл метафоры оказывается, во-первых, синтетическим, поскольку соединяет в себе элементы прямого и косвенного значений, а во-вторых – синкретическим, поскольку в этом смысле происходит скрещение разнородных содержательных единиц. «Попросту говоря, – писал А.А. Ричардс, – когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия... В основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей и смена контекста»⁷⁷. Процесс метафоризации поэтому представляет собой частичное перекраивание исходной семантической единицы, переображение ее денотата, а также и основного денотата, преломление его образа через образ исходного значения.

Такие процедуры и происходящие при их применении трансформации семантических элементов придают специфический облик когнитивным процессам, в рамках которых они осуществляются, а также существенным образом влияют на характер ментальных конструкторов, порождаемых подобными мыслительными операциями. Эти особенности данных операций, естественно, должны учитываться при построении когнитивной теории метафоры. Американские исследователи метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон в общих чертах так определили характер этой теории: «Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности, в виде онтологических метафор»⁷⁸.

⁷⁷ Ричардс А.А. Указ. соч. С. 46–47.

⁷⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004. С. 9.

3.1.3. Внешний и глубинный планы метафоры и мифа

Прямое значение метафоры доступно непосредственному восприятию и пониманию. Оно будто бы лежит на ее поверхности, и тем самым образует ее внешний смысловой план. Намного сложнее обстоит дело с косвенным значением. Это значение скрыто от непосредственного восприятия, требует специальных умственных усилий для его выявления и понимания. Его местопребывание – внутренний, подспудный уровень семантики метафоры. Оно образует глубинный смысловой план этой конструкции. Поскольку произведения словесного творчества, в том числе и мифы, во многом состоят из метафор, то названные смысловые планы проходят через все их содержание. Благодаря этому, перед читающим или слушающим эти произведения встают две тесно соотнесенные друг с другом содержательные картины, каждая из которых воздействует на разные области его психики. Миф оказывается двойственным образованием по своей структуре. Между смысловыми планами устанавливаются частично симметричные, и в то же время частично асимметричные отношения. Структура сочинения усложняется тем, что внешний план, в свою очередь, оказывается двойственным. Он включает в себя два уровня – уровень условных знаков и уровень содержательных значений этих знаков, т. е. представляет собой знаково-семантический дуплет.

Внешний план является вспомогательным по отношению к основному, глубинному плану. Он используется для кодирования данного плана, для репрезентации его адресатам мифологического творчества. Этот план полностью содержательный, в нем нет условных репрезентантов, как во внешнем плане, и он соотносится с первичной содержательной структурой (с семантическим уровнем внешнего плана) и репрезентируется им. Отношения между этими планами отличаются от отношений знакового и семантического уровня внешнего плана. Эти отношения непостоянны, неконвенциональны, как в случае уровней внешнего плана. Они, как правило, необычны, неожиданны, *ad hoc*, индивидуализированы, не фиксируются на долгое время. Благодаря этому, в сфере языка формируется новое семантическое пространство – динамичное, текучее, непрерывно обновляющееся, в отличие от

более или менее стабильной семантики, лексики того или иного языка. Это является следствием, в том числе, и смысловой двойственности мифов.

3.2. Процесс порождения метафор

3.2.1. Этап конструирования метафор и мифов

Дж. Лакофф и М. Джонсон проделали огромную работу по выявлению особенностей генезиса семантики языка. Они получили важный результат, обнаружив, что «большая часть понятийной структуры естественного языка по своей сути метафорична»⁷⁹. Как же осуществляется процесс метафоризации, каким образом благодаря этому процессу происходит обогащение семантики, возникновение новых лексем? Многие еще остаются не проясненным. Английский лингвист Д. Бикертон горестно воскликнул: «...Ни одно определение, ни одна теория, предложенные к настоящему времени, не задают даже адекватной таксономии, не говоря уже о “объяснении процесса” создания метафоры»⁸⁰.

Сложность проблемы объясняется необычайной многогранностью, разнообразием, нелинейностью этого процесса, участием в нем большого числа субъектов, чрезвычайно пестрым переплетением элементов и цепочек семантической системы и множеством других факторов. В такой ситуации процесс языкотворчества превращается в подлинное искусство, требующее от его актеров высочайшего языкового чутья и мастерства, о чем говорил еще Аристотель: «...важнее всего – быть искусным в метафорах», «только этого нельзя перенять от другого, это – признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство»⁸¹.

Метафоризация решает задачу: как сказать о чем-то больше или сказать иначе, сказать иное, чем говорит его собственное имя. Данная задача решается путем творческого синтеза исходного материала, имеющегося у мыслителя или поэта. Такова цель этапа

⁷⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. С. 219.

⁸⁰ Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры. С. 284.

⁸¹ Аристотель. Поэтика. 1457a.

конструирования метафор и мифов. Следующий этап характеризуется противоположным мыслительным процессом – творческим анализом, т. е. интерпретацией, пониманием смысла метафор и мифов, их дешифровкой. Каждому из этих этапов присущ свой арсенал мыслительных средств.

3.2.2. Методы и приемы метафоризации

Для адекватного описания метафорического процесса нужно ввести два новых термина, которых пока нет в теории метафоры. Это, прежде всего, такой термин, как «объект метафоризации». Им можно обозначать тот феномен, по отношению к которому создается метафора. Другой термин – «средство метафоризации». Это то слово, понятие или образ, которые используются в качестве метафоры. Объектами метафоризации могут быть реальные предметы и явления, а также вымышленные мифические персонажи и феномены. В качестве средств метафоризации в мифологии привлекаются ментальные единицы, имеющие конкретное, наглядное содержание. Причиной этого отбора является то, что именно такое содержание оказывается более доступным для адресатов мифов, и именно оно своей конкретностью и непосредственностью наиболее эффективно воздействует на сознание этих адресатов.

В мифах, как уже отмечалось, объектами метафоризации являются вымышленные персонажи. Это, прежде всего, боги и демоны. Но процесс создания метафор для них является фактически вторичной метафоризацией. Первичной метафоризацией в данном случае является создание образов самих этих персонажей. Эти же образы сами по себе также суть метафоры – метафоры тех явлений и характеристик действительности, которые эти образы олицетворяют. Как правило, объектами таких первичных метафор становятся различные феномены действительности. Например, это образ грома и молнии – Индра, образ свойств огня – бог Агни и т. п. По отношению к своим объектам эти образы действительно являются метафорами, поскольку, как и всякая метафора, они в большой степени условны. Лишь отчасти в этих образах отображаются реальные свойства символизируемых этими богами феноменов. Но такое метафорическое понимание образов богов – это взгляд со-

временного просвещенного человека, понимающего действительную природу мифических персонажей. С точки же зрения архаического человека эти образы имеют вполне реальные, адекватные содержанию данных образов денотаты. Поэтому применение к ним метафор является не вторичной, а первичной метафоризацией, осуществляемой мифотворцами с помощью хорошо разработанных методов.

3.2.3. Использование антропосоциоморфных образов в качестве метафор

При создании метафор их творцы выбирают наиболее подходящий для их сочинительских целей класс явлений или свойств, из которого они будут отбирать материал для формирования метафор. В мифологии самым пригодным для этого оказался класс явлений и свойств, связанный с человеком, его жизнью и деятельностью. Эти явления и свойства соотносятся в качестве метафор с самыми различными объектами окружающей действительности, в том числе с космическими объектами, с явлениями природы, с созданными людьми предметами. Вот примеры, относящиеся к первой из этих групп:

Оставив прежние тела, они создали свои теперешние,
Бодрствуя так: один друг бодрствует, когда другой друг закрыл глаза
(I. 72. 5).

В этом стихе под друзьями подразумеваются Солнце и Луна. С наступлением зари они оставили свои тела, т. е. изменились. Действительно, Луна перестала быть видимой, тогда как Солнце, напротив, открыло себя. Они, подобно человеку, бодрствуют – каждый светит для своего времени суток.

Посредством метафор наделяется признаками человека и заря, олицетворяемая богиней Ушас. (Антропоморфные признаки в приводимом ниже стихе выделены курсивом):

Вот в соответствии с божественным порядком *зажглась* Ушас, *рожденная* на небе.

Она *пришла*, являя свое величие.

Она *раскрыла* злых духов и безрадостный мрак.

Лучшая из Ангирасов (древние риши. – *А.М.*), она *пробудила* пути.
Пусть она проломит твердыни (мрак. – *А.М.*) и *подарит* коров (свои
лучи. – *А.М.*)!

Мычат коровы навстречу Ушас (VII. 75. 1, 7).

Возникло и знамя Ушас на востоке.

Она *вышла нам навстречу* из своего прочного укрытия (из ночного
мрака. – *А.М.*) (VII. 76. 2).

Заря в этих стихах с помощью метафор наделяется способностью выполнять различные действия, которые свойственны человеку, и тем самым предстает как весьма активный и целесообразно действующий актер.

Таким же образом ведийские поэты наделяют антропоморфными признаками и Солнце.

Вот он *восходит, несущий счастье, все озирающий*
Сурья (бог солнца. – *А.М.*), общая *опора людей*,
Глаз Митры и Варуны, бог,
Который *свернул* мрак, словно шкуру (VII. 76. 1).

Наделяются способностью выполнять свойственные человеку действия и чисто физические предметы:

...тетивы из коровьих ремней *торопят* полет *кидающейся вперед*
стрелы... (VI. 67. 11)

Приписываемые посредством метафор с антропоморфным содержанием признаки в той или иной мере очеловечивают природные и сотворенные людьми предметы, наделяя их способностью действовать сознательно и целенаправленно.

Широко используются в качестве метафор женские образы. С их помощью подчеркиваются психологически и эстетически воздействующие на людей признаки объектов и явлений. Это позволяет мифотворцам одушевлять эти феномены, сближать их с природой человека, эстетизировать. В качестве метафор многократно употребляются такие слова, как «юная женщина», «юница», «красавица», «жена», «сестра», «дочь» и др. Именно сквозь эти, своей красотой чарующие образы, арии смотрели на природные объекты:

Издревле вокруг неба и земли движутся две несхожие
Юницы, возвращаясь снова и снова по своей привычке:
Ночь с черными очертаниями, утренняя заря – со светлыми.

Они движутся, приближаясь: то одна, то другая (I. 62. 8).
 Вот показалась перед нами приближающаяся
 Сверкающая дочь неба (утренняя заря. – *А.М.*).
 Она снимает покров с великого мрака, чтоб было видно.
 Красавица создает свет (VII. 81. 1).
 Много тысяч сестер (молитв. – *А.М.*), словно замужние женщины,
 Задаривают неробкого мужчину (Индру. – *А.М.*).
 Издревле жаждущие, стремящиеся к добру молитвы
 С поклонением и снова с песнями устремились к тебе, о удивительный.
 Словно страстные жены – страстного мужа,
 Ласкают тебя молитвы, о ты, полный мощи (I. 62. 10, 11).
 Вот этого (сому. – *А.М.*) мощно начищают
 Десять деятельных золотистых женщин (десять пальцев. – *А.М.*),
 Которыми он украшается для опьянения.
 Вот этот (Индра. – *А.М.*) усаживается среди людских
 Племен, словно сокол в гнезде,
 Как любовник, идущий к юной жене (IX. 38. 3, 4).
 Десять пальцев породили этого отпрыска (Агни. – *А.М.*) Тваштара
 (одного из богов. – *А.М.*),
 Неутомимые юные жены – того, кого надо носить с места на место.
 Остроликого, обладающего собственным блеском среди людей...
 (I. 95. 2).
 Агни, к которому приближается юная жена (ложка с жертвенным
 маслом. – *А.М.*), к нему, прекрасно действующему,
 Она, несущая жертву вечером и на рассвете, полная жира... (VII. 1. 6).

В этих стихах метафорически представлены некоторые элементы арийского ритуала жертвоприношения, который проводится с принесением богам жертвенных животных. Но в одном из гимнов РВ этот ритуал сам используется в качестве метафоры. С помощью его элементов, взятых в качестве метафор, описывается знаменитое в истории ариев сражение в Пенджабе с племенами аборигенов. Приведенные в стихах имена – это имена враждебных ариям племен.

Самым началом жертвоприношения (сражения. – *А.М.*) были турваша и якшу.

Матсья, жадные до богатства, как рыбы в воде до наживки,
 Бхригу и друхью охотно последовали за ними.
 Друг спас того, кто был ему другом, из двух враждующих сторон.
 Жертвенным животным лежал мнивший себя мудрым.

Двадцать одного человека из обоих вайкарна
Царь (арийского племени. – *А.М.*) поверг ниц из желания славы.
Он их бросает, как удивительный жрец – солому на сиденье жертвы
(VII. 18. 6, 8, 11).

Для описания процедуры зажигания жертвенного костра использовался образ такого рукотворного объекта, как загон для коров. В чем ведийские жрецы увидели сходство этих двух совершенно разных феноменов? Наблюдая за горящим костром, они заметили, как из кучи дров вырываются языки пламени и улетают в пространство. Для жрецов это походило на стадо коров, которые по утрам выходят из загона и оправляются на пастбище. Такое сопоставление позволило построить впечатляюще живую картину пылающего костра. В их представлении языки пламени, как коровы, укрывались в загоне – в куче дров, затем по мере разгорания костра, с радостью удалялись от него.

Прекрасно действующие, прекрасно сверкающие, преданные богам,
Раздувая его, как плавят железо, как боги поколения людей сплавляли,
Зажигающие огонь, укрепляющие Индру,
Окружающие загон с коровами, пришли они (исполнители гимнов. –
А.М.) (IV. 2. 17).

Процедура зажигания костра довольно трудоемкая, требует большого умения, а поэтому авторы гимнов сравнивают костер со скалой:

Пусть станем мы сыновьями неба Ангирасами (легендарными певцами. – *А.М.*),
Пусть расколем мы, пылающие, скалу, полную сокровищ (IV. 2. 15)!

Образы загона коров и скалы настолько увлекли поэтов, что они увидели денотаты этих образов и в процессе появления утренней зари и Солнца:

Я (жрец. – *А.М.*) должен найти скалу неба, разверзая ее своими гимнами!
Пришли воспеватели приближающейся Ушас.
Она открыла находящихся в загоне коров. Взошло солнце (V. 45. 1).

В этом стихе под «скалой неба» понимается ночной мрак, а под «загоном с коровами» – прячущиеся там до рассвета зори. Постепенно мифотворцы расширяют экстенционал символа «скала».

Он обозначает все, что укрывает или скрывает что-либо: ночная тьма является укрытием зорь и Солнца, куча дров – укрытием огня, туча – укрытием дождя и т. д. Вследствие этого данный символ становится полисемичным.

3.2.4. Использование зооморфных образов в качестве метафор

Использование различных классов животных широко и активно применяется мифотворцами. Это и дикие, и домашние животные, птицы, насекомые и др. Объектами метафоризации выступает также широкий круг феноменов, как реальных, так и вымышленных – от богов до явлений природы.

Метафора «бык». Это животное настолько впечатляюще, что оно, конечно, не могло не быть использовано в качестве метафоры определенного рода объектов и явлений, которые, в свою очередь, производят на человека сильное впечатление. Онтологически бык олицетворяет собой мощь, мужество, оплодотворяющие силы природы, изобилие. В то же время, он часто выступает как выразительный символ главного ведийского божества Индры, подчеркивая энергию, напор, решительность, несокрушимость его.

О бык, тот котелок с едой (символ изобилия. – *А.М.*),
О ты, дающий сполна, раскрой для нас,
Ты, не встречающий сопротивления!
Словно могучий бык – стада,
С силой гонит он народы,
Властный, не встречающий сопротивления (I. 7. 6, 8).
Бык, о Индра, эта твоя колесница,
А также быки – пара твоих буланных коней,
Бык ты сам, о стоумный, бык – призыв самого себя (VIII. 13. 31).

В качестве метафоры этот образ применяется и к другому весьма значимому для ариев богу – к Агни, олицетворяющему огонь. У них был тщательно разработан культ этого могущественного и красивого явления природы. Оно сопровождало ариев на всех этапах их жизни. Бога огня арии чтили и как источник силы, и как помощника в разных делах, и как защитника от всевозможных бед, и как союзника в борьбе с врагами. Особенно восторгались им во время церемонии жертвенного костра, когда столб огня поднимался до неба и нес жертву богам.

Ведь с сиденья закона (с алтаря. – *А.М.*) сверкнуло озарение (зажженный огонь. – *А.М.*).

Сын молодой коровы (дощечки для зажигания огня. – *А.М.*) – бык, соединился с коровами (дровами костра. – *А.М.*).

Он поднялся с мощным ревом,

Он охватил даже огромные пространства (X. 111. 2).

Сперва возникла под ликование толпа (языки пламени костра. – *А.М.*)

В лоне закона (на алтаре. – *А.М.*), в гнезде быка (в месте пребывания Агни – в костре. – *А.М.*),

Желанная, юная, прекрасная, сверкающая.

Семеро любимых (языков пламени. – *А.М.*) родились для быка (IV. 1. 12).

Слово «бык» в представлении ведийских поэтов выражает все, что обладает большой силой, большим влиянием на другие объекты. Поэтому «бык» в качестве метафоры применяется и к камню, который используется для выжимания сока Сомы, и к самому этому соку, и к опьянению, вызываемому Сомой, и к жертве приносимой богам (РВ. VIII. 13. 32).

Метафора «конь». Это животное воспринималось ариями как символ силы, быстроты, стремительности, неукротимости, безудержного полета. Поэтому, используя это слово в качестве метафоры, поэты тем самым переносили на объекты метафоризации эти свойства. Объекты же были самые разные, начиная от Солнца и заканчивая соком Сомы.

К тебе (к Агни. – *А.М.*) несется конь (Солнце. – *А.М.*), завоевывающий награды, надежный,

Пересекающий пространство, принадлежащий всем народам (VI. 2. 2).

Пусть скачут твои кони (языки пламени. – *А.М.*), возницы жертвы, семьязыкие (III. 6. 2)!

Жирноспинные (т. е. политые жертвенным маслом языки пламени. – *А.М.*), запрягаемые мыслью

Кони, что возят тебя,

Пусть привезут богов для питья сомы (I. 14. 6)!

Сверкая мыслью в направлении богов, я (жрец. – *А.М.*) запрягаю давящий камень,

Я тружусь (III. 1. 1).

Мочась благодаря своей природе скакового коня,

Они (боги грозových туч. – *А.М.*) приобрели очень блестящий, очень нарядный цвет (II. 34. 13).

Метафора «корова». Этот образ относился к числу самых любимых и чаще других используемых метафор. Это животное пробуждало в людях наиболее добрые и теплые чувства, восхищало их своей сдержанностью и щедростью, настраивало на мирный и спокойный лад. Оно символизировало собой плодovitость и изобилие, с ним приходили в дом достаток и чувства благодарности к природе. Данная метафора использовалась для репрезентации очень важных в жизни людей явлений: утренней зари и ее лучей, Солнца, Земли, дня и ночи и т. д. На эти явления мифотворцы переносили признаки реальных коров. Священная речь, которая воплощалась поэтами в гимнах, также сопровождалась этой метафорой. Так соединялось в удвоенном образе одно из наиболее значимых для людей духовное явление – священная речь – и одна из наиболее ценных материальных вещей – корова. Эта метафора распространялась и на место жертвоприношения (алтарь), которое называлось «следом коровы» (РВ. III. 55. 1). Именно на этом месте, как считали арии, древние риши когда-то нашли священную речь. Поэтическое вдохновение также соотносилось с коровой, при том с дойной.

На границах неба утренние зори окрашивают ночи.
Они выстраиваются, как племена, вооруженные для битвы.
Твои (Ушас. – *А.М.*) коровы (лучи. – *А.М.*) свертывают темноту.
Они высоко держат свет, как Савитар (Солнце. – *А.М.*) – руки
(VII. 79. 2).
Какое яркое богатство и стадо (лучи. – *А.М.*) ты, сведущий (Индра. –
А.М.), пригоняешь к нам,
Широкошагающее, мычащее, с тем, чтобы оно увеличилось (X. 99. 1)?
Ведь сейчас, о Ушас, пребывающая на вершине горы,
Ангирасы (певцы. – *А.М.*) воспевают твои стада коров (лучи. – *А.М.*)
(VI. 65. 5).
Ведь мычащие дойные коровы (дождевые тучи. – *А.М.*) космическо-
го закона,
С полным выменем набухают молоком, подаренные небом... (I. 73. 6).
Я (жрец. – *А.М.*) прошу об установленном по закону законном моло-
ке (дожде. – *А.М.*) от коровы (дождевой тучи. – *А.М.*),
Вместе связаны сырая корова (туча. – *А.М.*) и сладкое вареное моло-
ко (дождь. – *А.М.*) о Агни (IV. 3. 9).
Двигаясь вместе к общему теленку (восходящему солнцу. – *А.М.*)
Две дойные коровы (ночь и день. – *А.М.*)... (I. 146. 3).

3.2.5. Взаимоотношения компонентов метафоры

Итак, очевидно, что метафора – это особый способ употребления слов, – не по отношению к их закрепленным языковой практикой референтам, а по отношению к иным объектам, не являющимся референтами этих слов. Мы имеем дело со смещенным употреблением слов, со словесной аберрацией, с переориентацией отношения именованного. Вследствие этого происходит переименование смысла слов, привязывание к ним нового содержания – образов новых объектов именованного. Метафора отождествляет некоторый новый для нее референт со своим традиционным референтом. Но это отождествление не полное, а лишь части признаков того и другого референта, т. е. их частичного сходства как основания метафоризации.

Вследствие такого фрагментарного синтеза исходного значения метафорического выражения и соединенного с образом нового референта между названным значением и этим образом возникает асимметричное отношение. Сходные признаки этих единиц симметричны друг к другу, находятся в изоморфном отношении, тогда как несходные признаки делают отношение между этими единицами асимметричным, гетероморфным, разводят референты по разным классам объектов. Сходные признаки можно назвать симметричным компонентом метафоры, а несходные – асимметричным. Вследствие такого разнородного состава метафора оказывается парадоксальным языковым феноменом, двойственным образованием, отчасти истинным, отчасти ложным. Истинным является асимметричный компонент метафоры, т. е. тот образ нового референта, который представляет собой ее косвенное значение и который воспринимаящему метафору субъекту нужно воссоздать, реконструировать. Ложным оказывается симметричный компонент, который в соответствии с природой метафоры является условным образом нового референта.

Проиллюстрируем данное теоретическое построение метафорой «дита дощечек», примененную к огню, представляемому богом Агни (РВ. X. 115). Древние люди получали огонь, в частности, путем трения одной дощечки о другую, поэтому считалось, что дощечки являются матерями огня. Между метафорой

«матери» и дощечками имеется сходство – они обладают свойством «порождать нечто». Это свойство и позволяет связать эти объекты в метафорическую конструкцию. Но у каждого объекта имеются и отличительные признаки. У матерей есть, говоря языком мифа, вымя, тогда как дощечки лишены его. Это различие намечает первую линию восхождения метафоры «матери» и нового для данного слова денотата (дощечки). Другое расхождение порождается толкованием огня как дитяти дощечки-матери. Основанием для синтеза дитяти и огня является их признак «быть порожденными кем-то, чем-то». Но вместе с тем эти явления отличаются друг от друга, что проявляется, прежде всего, в их поведении. Дитя-огонь, в отличие от человеческого ребенка, не подходит к своим матерям, чтобы «пососать» их и более того, «стоило только лишенной вымени (матери-дощечке. – *А.М.*) породить его, как он сразу же вырос, отправляясь (к богам. – *А.М.*) с великой службой вестника».

При таком сочетании разнородных признаков метафора превращается в парадокс. Этот парадокс усиливается тем, что собственный денотат метафорического слова («дитя») должен поступать определенным образом, согласно своей природе («сосать молоко, расти, но не чересчур быстро и т. д.»). Новый денотат (огонь) ведет себя совершенно иначе. Этот разнотипный происходит вследствие соединения в метафорической конструкции двух явлений совершенно разной природы. Такая комбинация вызывает неожиданный и психологически сильный эффект, поражая и удивляя восприимчивого мифа. Так, благодаря соотношению асимметричных компонентов метафоры, возникает между ними внутренний контраст такой эмоциональной силы, что при восприятии подобных метафор не следует забывать все элементы и оттенки исходной семантики метафорического слова.

Прочтем под этим углом зрения еще один стих из этого гимна, и мы почувствуем огромную силу воздействия на нашу психику употребленных в нем метафор, примененных к Агни.

Под именем Агни он был устроен в доме как самый деятельный,
– Тот, кто пожирает деревья перемалывающим клыком,
Всеуничтожающим языком, этот исполняющий прекрасный обряд,
Пыхтящий, как мощный бык на пастбище (X. 15. 2).

На взаимодействие элементов метафоры как на основной механизм ее функционирования обратили внимание сторонники так называемой интеракционистской теории метафоры. А.А. Ричардс, например, так описывает этот механизм: «...Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия»⁸². М. Блэк, развивая эту идею, пишет: «...наши мысли ...“взаимодействуют” и “проникают друг в друга”, чтобы в результате породить новый смысл... Это означает, что в контексте фокусное слово приобретает новое значение, о котором нельзя сказать, ни что оно полностью совпадает со своим буквальным значением, ни что оно равно буквальному значению любого другого слова, допустимого контекстом»⁸³.

Прямое и косвенное значения метафоры, а также их симметричные и асимметричные компоненты могут находиться друг с другом в различных отношениях. Это отношения сходства и различия, противопоставления и взаимоисключения, но также и отношения взаимодополнения, согласованности, гармонии. Благодаря такому взаимодействию компонентов метафоры языковые выражения приобретают новые краски, обогащаются, расцветаются, наполняются внутренней динамикой, обеспечивая многомерное и многоцветное видение мира. В мифах формируется огромное множество разнообразных образов, персонажей и картин, истинно и ложно, загадочно и ясно отображающих реальную действительность, различные ракурсы ее восприятия.

С помощью метафор удается построить такие образы и картины действительности, которые по-иному представляют эту действительность, но при этом воспроизводят такое содержание, в котором отражаются особенности восприятия тем или иным человеком предметов, в том числе его отношение к ним, степень глубины их понимания. Тем самым в образах и картинах мифов отображается сам человек, в них реальное соединяется с субъективным, личностным. В этом заключается одна из черт метафорического видения мира – его субъективированность. Картины мира, созда-

⁸² Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1999. С. 46.

⁸³ Блэк М. Метафора. С. 163.

ваемые разными людьми, оказываются совокупной картиной этого мира, складывающейся в коллективном сознании. Через метафоры в эту картину вовлекается специфическое содержание сферы индивидуального бытия отдельных людей. Метафоры учат их смотреть на явления с иных точек зрения и тем самым открывать в них нечто новое, ранее незамечаемое. Иными словами, они помогают совершать открытия.

В результате проделанного анализа мы приходим к такому определению метафоры: это слово или выражение, относящееся к реальному или вымышленному объекту какого-либо класса, но использованное для обозначения объекта другого класса. Или иначе: это слово или выражение из какой-либо одной парадигмы, примененное к объекту иной парадигмы. Процесс формирования метафоры идет от выбранного на эту роль денотата к другому, инородному для него денотату, вызывающему удивление или изумление у воспринимающего метафору. Некий южноамериканский индеец-мифотворец был однажды очарован увиденными на ночном небе ярко светящимися звездами. В их ясности, открытости и чистоте он усмотрел глаза детей, некогда живших на земле, а после смерти поднявшихся на небо.

3.3. Постижение смысла метафор и мифов

3.3.1. Истолкование метафор и мифов

Работа с метафорами представляет собой сочетание двух противоположно направленных процессов. Первичный процесс нацелен на формирование содержания, смыслов метафор, мифов. Он сопровождается кодированием этих смыслов иносказательными языковыми средствами. Эту деятельность можно считать этапом созидания, сакрализации и эстетизации социально и духовно значимых выражений и текстов. За этим процессом следует вторичный процесс, включающий в себя дешифровку, декодирование воспринятых выражений, постижение их внешнего и глубинного смысла, поиск их возможных денотатов. В ходе этой мыслительной деятельности мы понимаем, что метафора – это, как правило, загадочный, нарядный, но не очень прозрачный покров содержа-

ния, превращающий смысл в тайну. Метафоры требуют от воспринимающего их субъекта активной, сосредоточенной, творческой работы мысли, и не только на стадии созидания этих творений мышления, но и на стадии понимания.

Ранее было показано, что при формировании метафор используются определенные приемы и методы, выявление которых позволяет понять ее рационально. А есть ли такие же средства, которые можно использовать при дешифровке метафор? Исследователи мифологии с давних пор ведут поиск этих средств. Вспомним, например, евгемеризм.

Эта теория была создана древнегреческим философом Евгемером (340–260 гг. до н. э.) и изложена им в социально-утопическом сочинении «Священные записи». Будучи атеистом, он решительно выступил против буквального понимания мифов, т. е. против принятия богов и демонов за реальные существа. В богах он видел обожествленных царей далекого прошлого. Воображение их почитателей преобразило аллегории и метафоры в реальных прототипов богов и представило их в сверхъестественном виде. Поэтому нужно видеть подлинный смысл мифов, находить их более глубокий смысл. Уже во времена Евгемера стоики начали усматривать за образами богов либо реальные человеческие свойства, либо те или иные этические начала, либо различные природные силы и стихии. Таким образом, в исследованиях древних философов зародился все более утверждавшийся позднее и развившийся в XX столетии когнитивно-информационный подход к мифам, к трактовке важнейшего средства мифологического творчества – метафоре⁸⁴.

Поскольку содержание мифов часто представлено и закодировано посредством метафор, то процесс постижения этого содержания предстает как процедура раскрытия их смысла, т. е. как

⁸⁴ Подробнее об евгемеризме и о практике применения когнитивного подхода к мифам см.: *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980; *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М., СПб., 2001; *Малиновский Б.* Магия. Наука. Религия. М., 1998; *Шнет Г. Г.* Герменевтика и её проблемы // Контекст. 1989. С. 231–267; *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. С. 147–157; *Леви-Строс К.* Мифологии. Т. 1–4. М., 2006; *Хэнкок Г.* Следы богов: в поисках истоков древних цивилизаций. М., 1998; *Найдыш В. М.* Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М., 2004; *Зубко Г. В.* Миф: взгляд на мирозданье. М., 2008; *Шахнович М. М.* Евгемер // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 6.

деметафоризация. Одновременно с этим осуществляется операция расщепления смысла метафор и, соответственно, мифов на внешний и глубинный планы. Процесс дешифровки этих текстов представляет собой во многих случаях процедуру, включающую в себя методы и приемы, противоположные таковым на стадии конструирования данных текстов. Иными словами, имея в виду логику данной процедуры, можно сказать, что мы совершаем движение, направленное от конечных результатов мифотворческого процесса к его истокам. Методологически эти стадии противостоят друг другу, с одной стороны, как синтетическая деятельность, а с другой – как аналитическая.

При дешифровке метафор и мифов я ставлю задачу разработать и сформулировать новые принципы и методы истолкования мифов и метафор с целью определить, если это возможно, их денотаты и извлечь из названных структур когнитивную информацию.

В качестве первого шага аналитической работы важно определить, какие слова, выражения, образы и целые сюжеты выступают в роли метафор. Второй шаг состоит в расчленении метафоры на прямое и косвенное значения. Следующий шаг – поиск референтов (реальных или воображаемых) как первого, так и второго значения. На сложность этой работы обратил внимание еще А.А. Ричардс. Он отмечал, что мы вынуждены соглашаться с условным решением задачи, относящейся ко второму шагу. Вот его мнение по этому вопросу: «...совсем не легко определить, используется ли слово в прямом или метафорическом значении. Мы можем условно решить эту проблему, анализируя в каждом отдельном случае, передает ли слово одну или две идеи; или же ...объединяет ли слово “содержание” и “оболочку” (слово в прямом значении. – А.М.), которые взаимодействуют в общем значении. Если мы не можем разграничить “содержание” и “оболочку”, мы будем условно считать, что слово употребляется в буквальном значении; если же возможно различить хотя бы два взаимодействующих друг с другом употребления, мы имеем дело с метафорой»⁸⁵.

В качестве одного из способов идентификации того или иного слова как метафоры можно рассматривать, например, такой прием: если какое-то слово или выражение в их прямом значении выбива-

⁸⁵ Ричардс А.А. Философия риторики. С. 60.

ется из общего контекста, не согласуется с ним, то на него можно смотреть как на возможную метафору и присоединить к нему другой предположительный смысл. Если в результате такой операции дисгармония между прямым значением и контекстом исчезнет, то вполне вероятно, что это и есть основное значение слова. Применим этот прием к следующему стиху из Ригведы.

Достигнув двух высоких миров,
Рудры, достойные жертв, понеслись вперед.
Смертный, разбирающийся в меняющемся положении, нашел
Агни, находящегося в высшем месте (РВ. I. 72. 4).

В этом стихе в противоречие с общим контекстом вступает слово «Рудры». Обычно в ведах под Рудрой понимается бог грозы. При таком значении этого слова неясно, почему он стремится к высоким мирам, т. е. к воздушному пространству и к небу. Почему он представлен во множественном числе? И почему он достоин жертв в таком большом количестве? Эти вопросы порождаются определенными признаками, которые выявляются у стоящих за именем «Рудры» денотатов. Данные денотаты устремляются ввысь, в воздушное пространство, в небо. Их множество. Поэтому речь идет о множестве жертв. Все эти признаки присутствуют у жертвенного костра, точнее – у языков его пламени. После зажигания костра эти языки рвутся ввысь, к находящимся на небе богам. Языков много. И именно в них жрецы бросают жертвы (например, ячменные лепешки, топленое масло), которые огненные языки несут вверх к богам. Бог Рудра, хотя и во множественном числе, выбран потому, что он, как и эти языки, был рыжим. Это еще один признак, подсказывающий нам денотаты косвенного значения слова. В целом полученный образ, искомый вторичный смысл употребленного слова вполне гармонично вписывается в контекст, в реальную ситуацию арийской церемонии жертвоприношения.

Даже анализ всего лишь одной метафоры позволяет выявить ряд приемов, которые помогают дешифровать ее и определить смысл. Эти приемы и связанные с ними требования к такой деятельности таковы.

1. Идентификация метафоры. Просмотр текста мифа выявляет в нем слова и выражения, которые будут восприниматься как недостаточно родственные по характеру содержания другим словам и

выражениям этого текста. Данные слова и выражения принимаются за метафору, и по отношению к ним выполняются указанные ниже действия.

2. *Метод распознавания.* Опираясь на основное свойство метафоры «иметь в какой-то степени сходство с косвенным значением» следует внимательно просмотреть и проанализировать все элементы содержания метафоры с целью обнаружить такие признаки, которые могут оказаться аналогами признаков косвенного значения.

3. *Реконструкция.* Выявляются признаки косвенного значения и затем объединяются в согласованную комбинацию для того, чтобы получить целостную смысловую структуру.

4. *Денотация смысла.* Сформированный смысл следует сопровождать поиском его референта (денотата), который соответствовал бы признакам, включенным в смысл.

5. *Проверка смысла на адекватность.* В случае соответствия смысла референту его следует проверить на соответствие контексту всего мифа и соотнесенной с ним реальной ситуации. При обнаружении несоответствия между проверяемыми компонентами следует повторить весь этот комплекс операций. Часто приходится так поступать несколько раз, т. е. использовать метод проб и ошибок.

Для обеспечения успеха этой поисковой работы важно соблюдать следующие условия: досконально знать всю соответствующую концептуальную систему, к которой относятся конкретные метафоры, представления, образы и сюжеты. В нашем случае – это древнеиндийская мифология.

Рассмотренный выше пример метафоры – довольно простой ее вариант. Но в Ведах встречается значительное количество более сложных и развернутых метафор. Они порой составляют содержание целых мифов. Их интерпретация – настолько трудная задача, что ряд подобных мифов до сих пор не получил полного и бесспорного истолкования. Многие исследователи называют их темными, мистическими, иррациональными. Раскрытие же смысла этих мифов может помочь получению важной и ценной когнитивной информации, касающейся разных сторон социальной жизни и духовного мира древних людей, их представлений о внешнем мире и об их отношении к нему. Поэтому крайне важно проделать эту непростую интерпретационную работу.

3.3.2. Реалистическое содержание как решающий фактор истолкования мифов

В практике дешифровки мифов и составляющих их метафор используется немало разнообразных методов и приемов. Но в любом случае определяющую роль играет заключенное в них реалистическое содержание. От него исследователи отталкиваются, отыскивая смысл, на него опираются при построении явно не данных элементов содержания, им пользуются как регулятивом, устанавливая направления и цели поиска. Именно это содержание позволяет расколоть скорлупу, прячущую истину, и понять миф. То, как возможен такой результат и как осуществляется этот процесс, можно показать на примере анализа мифа о конфликте между сторонниками и противниками культа бога Агни. Данный миф изложен в гимне V. 2 РВ. Среди ведологов он считается одним из самых темных. Многие его детали неясны, а его трактовки противоречивы и туманны⁸⁶.

Прочтем этот гимн с целью проникнуть в его смысл.

V. 2. К Агни

1. Юная мать тайно уносит
Укутанного мальчика и не дает отцу.
Лица его измененного люди перед собой
Не видят – он сокрыт в солнечном диске.
2. Что это за мальчика ты несешь, молодка,
Как злоумышленица? Это главная жена его родила,
Ведь много осеней возрастал зародыш.
Я видел новорожденного, когда мать произвела его на свет.
3. Я видел златозубого, обладающего чистым цветом,
Далеко от своего поля примеряющего оружие,
Когда я давал ему освобождающую амриту.
Что сделают мне люди, не знающие Индры, не знающие гимнов?
4. Я видел, как он уходит прочь со своего поля,
А само стадо не очень-то пылает без него.
Они не удержали его: вот он и родился.
Юные жены от этого становятся совсем седыми.

⁸⁶ См., например, трактовки некоторых индологов: *Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII. С. 527–528.

5. Кто те, что разъединили моего мужичка с коровами,
У которых не было пастуха, даже чужого?
Да отпустят его те, что захватили его!
Он пригонит к нам скот, зная в этом толк.
6. Царя жилищ, жильё людей
Враждебные силы спрятали среди смертных.
Молитвы Атри да освободят его!
Да встретят хулу хулители!
7. Даже связанного Шунахшепу ты освободил
От тысячи жертвенных столбов: ведь он потрудился на жертвоприношении.
Также и нас, о Агни, освободи от петель,
Усевшись здесь, о знающий хотар!
8. Ведь ты ушел от меня, сердясь –
Это сказал мне хранитель закона богов.
Ведь это Индра-знаток тебя обнаружил.
Наученный им, о Агни, я пришел.
9. Агни ярко сверкает высоким светом.
Своим величием он делает видными все предметы.
Он осиливает безбожные колдовские чары, действующие во зло.
Он оттачивает рога, чтобы пронзить ракшаса.
10. Пусть дойдет до неба треск Агни,
Вызванный его острым оружием, чтобы он убил ракшаса!
Его вспышки ярости разбивают все, словно в опьянении.
Не удерживают его безбожные препятствия.
11. Эту хвалу тебе, о рожденный могучим, я, вдохновенный,
Сложил, как искусный мастер – колесницу.
Если ты, о бог Агни, примешь ее благосклонно,
Пусть завоюем мы благодаря этому воды, вместе с небом!
12. Бык с мощным затылком, набравшись силы,
Беспрепятственно пусть отнимет имущество у врага! –
Так сказали этому Агни бессмертные боги.
Пусть окажет он защиту человеку, расстелившему солому!
Пусть окажет он защиту человеку, возлившему жертву!

Будем исходить из того, что в тексте данного, как и всякого другого мифа, можно различить три вида содержания – реалистическое, вымышленное и содержание метафор. Выберем сначала из гимна выражения, которые можно рассматривать как содержащие реалистическую информацию. У нас пока нет критериев, позволяющих считать ее достоверной. На этой стадии ана-

лиза мы можем оценивать ее как правдоподобную. Из гимна мы знаем, что люди, не знающие Индры, не знающие гимнов, прославляющих его, захватили Агни. Иными словами, представители какого-то другого племени, не исповедующие культ огня и не поклоняющиеся богу Индре, отвергли это вероисповедание. Они, будучи враждебной силой, спрятали царя жилищ, т. е. перестали поклоняться Агни как домашнему богу очага. Они заменили пламя костра как символ Агни на диск Солнца. В этой перемене просматривается рождение нового культа – культа бога Солнца, т. е. Митры. Немецкий индолог Пауль Тиме, например, не обратил достаточного внимания на значимость такой замены, истолковав новый символ как венец из лучей (*strahlenkranz*)⁸⁷, и не сделал вывода о причине этого новшества.

Легендарный автор данного гимна риши Васушрута из семьи Атри был сильно огорчен устранением Агни из духовной жизни его единомышленников. Он чтит Агни, угощал его божественным напитком амритой. Мы видим, что в среде арийских племен возник конфликт между адептами культа огня и его противниками. Представители каждого из этих течений старались защищать свои позиции. Васушрута сочинил хвалебный гимн Агни, в котором сурово осудил хулителей этого бога. При зажигании жертвенного костра для Агни снова стелили солому, возливали в огонь жертву. Огнепоклонники снова стали просить Агни о вполне реальных поступках – отнять имущество у врага, помочь в завоевании вод и Неба, т. е. счастливой жизни и т. д.

Описанная ситуация во взаимоотношениях разных арийских племен, о которой мы узнаем из ряда ведийских текстов и других источников, из сочинений иранских ариев, а также из исследований археологов, лингвистов и этнографов, подтверждает подобное развитие событий в истории арийского народа. Поэтому данную картину можно с большой долей вероятности считать смысловым ядром, с которым можно соотносить и сопоставлять в целях исследования другие искомые смысловые единицы. Так, содержащийся в этом ядре набор представлений и понятий позволяет определить тот класс или область действительности, в

⁸⁷ *Thieme P. Untersuchungen zur wortkunde und auslegung des rigveda. Halle, 1948. S. 29.*

которых можно отыскивать необходимые для интерпретации метафор денотаты. В данном случае мы имеем дело с классом представлений и понятий, относящихся к феномену «церемония жертвоприношения», а также к классу понятий, связанных явлением «религиозный конфликт».

Перейдем к истолкованию первой группы метафор. В нее включим такие метафоры, денотатами которых будут реальные объекты и явления. Их реалистичность определяется отнесенностью к денотации, направленной на саму действительность. Так, метафора «отец» в ситуации жертвенной церемонии может быть соотнесена с именем субъекта, играющего важную роль в данной церемонии. Таким именем в определенном нами классе субъектов будет, скорее всего, слово «жрец». Для слова «златозубый» в этом классе подходящим является выражение «с языками пламени» (имеется в виду, конечно, Агни).

Каков смысл фразы «они (т. е. стадо чего-то) не удержали его, вот он и родился»? Если он, т. е. Агни, ушел оттуда, где он обычно находится во время церемонии, т. е. из костра, то этим стадом, определенным множеством чего-то, может быть куча поленьев. Этого бога называют «далеко от своего поля примеряющим оружие». Естественно, на роль имени денотата данной метафоры в нашем классе слов вполне подходит имя «огонь». Таким же способом, а именно, перебором возможных денотатов в определенном нами классе и отбором подходящего по принципу частичного сходства, можно отыскать необходимые денотаты для следующих выражений: для метафоры «юные жены становятся совсем седыми» денотативным выражением будет фраза «языки пламени утратили свой яркий алый цвет». Далее в таком же смысле следуют такие пары метафорических выражений и их денотатов:

«кто те, что разъединили моего мужичка с коровами» → «кто те, что разъединили моего бога Агни с утренними зорями»;

«он пригонит к нам скот» → «Агни вызовет утренние зори»;

«он оттачивает рога, чтобы пронзить ракшаса» → «Агни усиливает языки пламени, чтобы убить злых духов»;

«пусть дойдет до неба треск Агни, вызванный его острым оружием» → «пусть дойдет до неба треск, вызванный его огнем»;

«его вспышки ярости разбивают все» → «вспышки его огня уничтожают все».

Из приведенных конструкций видно, что прямые значения метафор имеют своими денотатами явления из одного класса, а не прямые, т. е. основные, – совсем из другого класса. Но, тем не менее, мифотворцы умели находить между ними элементы сходства, и благодаря этому соединять их в гибридные образования. Правильность истолкования метафор и состоит в нахождении для первого элемента из каждой подобной пары его во многом несходного коррелята из другого класса или области явлений. Критерием правильности решения этой задачи является наличие согласованности, когерентности выявленного денотата с реалистическим содержанием смысловой матрицы, мифа в целом. Такой итог интерпретации позволяет говорить о переходе данного процесса от правдоподобия его результатов к их достоверности.

Диссонанс в этот процесс вносит вымышленное содержание мифа. Его элементы хотя и соотносятся с теми или иными реалиями, но перенасыщены фантастическим контентом. Элементы этого контента лишь в незначительной части можно считать образами действительности, в основном же их содержание представляет собой бесплотные ореолы над этими образами, включающими воображаемые признаки, восторги, надежды, желания, верования архаичных людей. К примеру, в данном мифе такими мысленными конструктами являются бессмертные боги. Среди них – прежде всего Индра, Агни, богиня Ушас, мать-богиня, произведшая на свет Агни – Мать-Земля, главная жена – также Земля (супруга Неба), царь жилищ (Агни). При употреблении частичных образов возникает диссонанс от соединения элементов с реалистическим содержанием с элементами, в которых преобладает фиктивное содержание. Это условие возникновения различных точек зрения на богов: одни поэты принимают существующие ореолы образов богов, другие отвергают их, заменяют новыми. Вследствие этого рождается конфликт между приверженцами разных точек зрения на ореольную часть мифических образов. Именно такой конфликт и как раз по этой причине возник между арийскими племенами, о которых с горечью повествует Васушрута Атри. Поэтому трактовка мифов должна учитывать и эту сторону генезиса и функционирования мифов и быть согласованной с нашими общими представлениями о соответствующем социуме и его бытии в конкретное время.

Проведенное исследование технологии конструирования метафор и мифов, как кажется, позволяет в итоге воспроизвести в более или менее эксплицитном и непротиворечивом виде содержание мифа об Агни, т. е. предложить его дешифрованный смысловой перевод.

Миф о конфликте между сторонниками и противниками культа Агни

1. Юная мать, Ушас, тайно уносит
Укутанного мальчика-Агни и не отдает жрецу.
Люди не видят прежнего его облика,
Который заменен на солнечный диск.
2. Что это за мальчика ты несешь, молодка,
Как злоумышленница? Его родила главная жена – Земля.
Ведь много лет он рос зародышем.
Я видел его новорожденным, когда мать произвела его на свет.
3. Я видел Агни с золотыми языками пламени, с чистым цветом,
Далеко от места жертвоприношения светящего своим огнем,
Когда я возливал в костер освобождающий напиток амриту.
Что сделают мне люди, не знающие Индру, не знающие гимнов нашим богам?
4. Я видел, как он уходит прочь с места жертвоприношения,
А костер не очень-то пылает без него.
Жрецы не удержали его: вот он и ушел.
Языки пламени от этого становятся совсем бледными.
5. Кто те люди, которые развели моего Агни с утренними зорями,
У которых не было духовного вожака даже чужого?
Да отпустят его те, что захватили его!
Он призовет для нас утренние зори, знающий в этом толк.
6. Агни, домашнего бога,
Враждебные силы укрыли среди людей.
Молитвы риши Атри да освободят его!
Да встретят хулу хулители!
7. Даже связанного грешника Шунахшепу ты освободил, Агни
Привязанного к тысячи жертвенных столбов, ведь он потрудился на жертвоприношении.
Также и нас, о Агни, освободи от наказаний,
Усевшись здесь – у жертвенного костра, о знающий ритуал главного жреца.

8. Ведь ты, Агни, ушел от меня, сердясь, –
Это сказал мне хранитель закона богов Варуна.
Ведь это Индра-знаток тебя обнаружил.
Наученный им, о Агни, я пришел к тебе.
9. Агни ярко сверкает высоким светом.
Своим сиянием он делает видными все предметы.
Он осиливает безбожные колдовские чары, действующие во зло.
Он усиливает пламя, чтобы поразить злого духа ракшаса.
10. Пусть дойдет до неба треск жертвенного костра Агни,
Вызванный сильным пламенем, чтобы он убил ракшаса!
Вспышки его огня разбивают все, словно в опьянении.
Не удерживают его безбожные препятствия.
11. Эту хвалу тебе, о рожденный могучим, я, вдохновенный,
Сложил, как искусный мастер – колесницу.
Если ты, о бог Агни, примешь ее благосклонно,
Пусть завоюем мы благодаря этому счастливую жизнь!
12. «Бык с мощным затылком, набравшись силы,
Беспрепятственно пусть отнимет имущество у врага!» –
Так сказали этому Агни бессмертные боги.
Пусть окажет он защиту человеку, расстелившему для него солому
у жертвенного костра!
Пусть окажет он защиту человеку, возлившему в огонь жертву!

3.3.3. Миф как полисмысловой текст и методы его дешифровки

Сопоставление двух вариантов мифа об Агни – оригинального и дешифрованного – сразу обнаруживает одну из особенностей мифических текстов. Они содержат разные типы смыслов. Если в дешифрованном варианте мы видим при первом взгляде явный, вполне определенно данный смысл, то в оригинальном варианте перед нами предстают при таком же взгляде два типа смыслов – явный и скрытый, эзотерический. Но при более внимательном всматривании в содержание мифа мы находим в нем и другие разновидности смысла. Это смысл отдельных слов, семантических блоков, структур и планов, из которых состоит все смысловое тело мифа. К таким компонентам и относятся интегральные характеристики мифа – его тема, предметная ситуация, блок элементов реалистического содержания, сюжет и др. Миф представляет со-

бой смысловой комплекс, объединяющий эти компоненты. Между разновидностями смыслов и внутри них устанавливаются определенные связи и отношения, благодаря которым формируется цельное полисмысловое образование. Процесс толкования мифов – это процесс анализа текста с целью выявления его компонентов, определения их смыслов и последующего синтеза этих смыслов в единую, общую смысловую конструкцию. Такой процесс является решением проблем, касающихся вида и характера компонентов мифа, их смысла и способа их соединения в смысловое целое. Такой анализ естественным образом выстраивается в последовательность или в комбинацию параллельно движущихся последовательностей компонентов, смыслы которых взаимодействуют в этом процессе. Тем самым компоненты мифа выполняют определенные методологические и логические функции, выступая в качестве регулятивов этого процесса, его эвристических факторов. Далее излагается выработанная мною одна из возможных моделей этого процесса. Ее стадии и процедуры таковы.

– **Тема Мифа.** Она определяет предмет обсуждения в мифе и тем самым очерчивает круг объектов, явлений и событий, которые будут отображены в содержании мифа. Так, темой мифа о Вене является ритуал жертвоприношения этому богу, включающий в себя исполнение в честь него хвалебных песнопений, а также изложение основных идей нового вероучения. Крайне важно определить тему мифа как можно более точно, поскольку от этого зависит удовлетворительное выполнение следующей процедуры.

– **Определение предметной ситуации мифа.** Тема подсказывает, какие объекты, явления, условия внешней среды, а также персонажи следует включить в число элементов, из которых будет строиться содержание мифа. В случае мифа о Вене тема акцентирует феномены, удаленные от земного, житейского мира и нацеливает автора на явления небесного, космического мира, на духовное. Поэтому в поле зрения поэта попадают объекты и события, связанные с впечатляющим природным явлением – радугой. Это такие феномены, как Солнце, тучи, гром, небо, свет, а также ряд сакральных явлений – огонь, сок Сомы и др. Весь набор таких элементов образует подготовительное смысловое поле, из которого автор мифа и его последующие интерпретаторы черпают вдохновение для своего творчества.

– **Реалистическое содержание мифа.** Это особенно значимое семантическое поле, поскольку оно дает наиболее надежный материал для решения интерпретационных задач. Прежде всего, в нем удастся отыскать те реальные феномены, с использованием которых интерпретаторы начинают строить смысловую ткань мифа.

– **Зацепки в содержании мифа.** В начале анализа мифа чаще всего не удается сразу обнаружить главные его элементы. Исследователь поэтому ищет какие-нибудь несущественные признаки – зацепки, ухватившись за которые, как за кончики нитей в запутанном клубке, можно постепенно размотать его весь, т. е. в нашем случае перейти к более значимым и существенным характеристикам. В мифе о Вене это такие признаки: пестрый (говорящий об объекте разных цветов), «меряющий пространство» (т. е. соединяющий собой большие расстояния), рожденный в облаках, «в поднебесье... златокрылый вестник Варуны» (т. е. явление, находящееся в небе, имеющее яркий, золотой цвет, связанное с богом небесных рек). Такие признаки наводят на мысль о радуге.

– **Ключевые слова мифа.** Это слова о таких признаках и образах, которые с большой определенностью отсылают к искомому объекту. Однако не всегда удается сразу найти подобный центральный образ. Поэтому в процессе поиска приходится использовать метод пробных гипотез – формировать несколько вариантов искомого результата, проверять их на достоверность. Удовлетворительным может быть такой гипотетический образ, с помощью которого удастся расшифровать и другие загадочные конструкторы.

– **Деметафоризация мифа.** Мифы, как правило, в большой степени являются эзотерическими текстами. Таковыми их делают, главным образом, метафоры. Средством экспликации эзотерического смысла может быть, в первую очередь, разгаданный центральный, ключевой образ мифа. После его определения удастся более или менее легко интерпретировать целый ряд метафор в этом тексте.

– **Различение основных смысловых блоков.** Перевод мифа на деметафоризованный язык позволяет ясно увидеть два основных блока смысла мифа. Во-первых, это смысл реалистических элементов его содержания, а во-вторых, смысл вымышленных элементов. Установление типа каждого из элементов позволяет более адекватно определить смысловое содержание элемен-

та. Тип выступает как регулятив характера этого содержания. Предпринятое различие помогает нам увидеть способ, каким строится содержание мифа. Это синтез двух типов содержания. Автор мифа формирует образ какого-нибудь особенного реального объекта или явления, затем дополняет его вымышленным содержанием сверхъестественного характера, т. е. деифицирует реалистический образ, ставший прототипом мифического образа. Знание такой двойственной природы содержания мифа также помогает более адекватно определить смысл его элементов и мифа в целом.

– **Контекст.** Этот феномен является одним из наиболее продуктивных и эвристичных средств истолкования мифов. Он касается смысловых связей и отношений внутри отдельных фраз, предложений, внутри всего текста. Они проявляются в связности, согласованности, когерентности элементов этих структур. Данные характеристики выступают в качестве критериев информативного и логического качества результатов интерпретационной деятельности. Подобранные истолковывающие образы или понятия могут считаться удовлетворительными, если они содержательно и логически хорошо согласуются с другими элементами соответствующей структуры, если смысл этой структуры оказывается непротиворечивым, ясным, образует вместе с другими элементами цельный смысловой контекст. Таким образом, смысловой синтаксис мифологического контекста, т. е. связи и отношения смыслов, тип последних, с одной стороны, подсказывает, какого рода недостающую смысловую единицу нужно подобрать, а с другой – предоставляет право найденной единице на ее вхождение в реконструируемый текст, т. е. оказывается двойственным регулятивом интерпретационного процесса. Этот мощный функциональный потенциал контекста позволяет, в частности, преодолевать трудности, порождаемые таким свойством метафор, как их смысловая поливалентность. Она заключается в том, что к каждой метафоре, если ее брать изолированно от предложения или от всего текста, можно подобрать несколько интерпретирующих ее смыслов или денотатов. Но в каждом отдельном тексте релевантным оказывается лишь какой-либо один из смыслов или денотатов. Так решается вопрос о выборе нужного интерпретанта с помощью контекстного смысла. Он определяет конкретный выбор того смысла,

который требуется в данной ситуации. Следовательно, контекст является детерминантом смыслов отдельных элементов соответствующего текста.

– **Метод герменевтического круга.** Этот метод основывается на смысловой связи и взаимообусловленности целого и его частей, например, мифа и его отдельных элементов, в том числе метафор. Такое взаимоотношение позволяет достигать понимания одного (скажем, частей) на основе понимания другого (целого). Процесс перехода от одного из этих факторов к другому осуществляется в форме поступательно-возвратного движения: поняв одно (допустим, части целого) мы с опорой на него можем сконструировать другое (целое), а затем от другого возвратиться к первому (к другим частям целого). В результате такого движения процесс истолкования приобретает циклический характер и постепенно продвигается вперед к полному истолкованию всего текста и всех его частей. Возможность такого взаимообусловленного и прогрессивно развивающегося процесса обеспечивается тем, что каждый фактор (с одной стороны, отдельной части, а с другой – целое) во всяком цикле этого процесса приобретает долю новой информации, с помощью которой удастся сформировать новую долю информации о другом факторе. Затем эта процедура реализуется в обратном направлении, и мы получаем новую информацию о первом факторе. После неоднократного повторения этих циклов, постепенно подтягивая друг друга вперед, мы можем получить конечный искомый результат: смысл всего целого и отдельных частей. На начальных и последующих стадиях этого процесса каждый фактор не обладает таким количеством информации, чтобы на ее основе можно было сформировать полное представление о другом факторе. Но ее достаточно для того, чтобы получить новую порцию искомой информации о другом факторе. Эта порция также недостаточна для получения полного представления о предыдущем факторе, но она достаточно для формирования новой порции информации о нем. Так шаг за шагом происходит пополнение всего объема искомой информации. Недостаточная информация об одном из факторов, постепенно пополняясь, создает предпосылки для увеличения информации о другом факторе. Информационно обогащаясь, факторы по очереди усиливают друг друга, таким «порциальным» способом преодолевая отсутствие полной информации.

3.3.4. Истолкование мифа как его демонтаж

В заключение представлю макросхему бытия мифа. Это бытие представляет собой комбинацию двух противоположных, зеркально симметричных процессов – конструирования и демонтажа.

Этап конструирования мифов проходит через такие операции:

1. Выбор реального, исключительного по своим признакам объекта или явления, например, радуги в случае мифа о Вене.

2. Наделение этого объекта или явления свойствами сверх-субъекта, т. е. божества, иначе говоря, обожествление, деификация их. Чаще всего это делается путем антропоморфизации выбранных феноменов, дополненной идеализацией, гиперболизацией и другими методами. В результате этого природный объект становится способным в воображении адептов действовать сознательно, намеренно, проявлять чувства и волю.

3. Представление первоначального объекта через иные образы, переименование его. Это осуществляется посредством метафоризации. Метафоры становятся символами, с помощью которых теперь репрезентируется этот объект. Так, явление «радуга» получило имя «Вена» и репрезентировалось через такие метафорические образы, как «орел», «златокрылый», «птица», «Гандхарва» («царь»), «знарок бессмертия». Продуктом синтеза двух разнородных феноменов (реалистического и вымышленного) является гибридный образ в виде божества, в котором природное и вымышленное, переплетаясь, модифицируют друг друга, становясь трудно разделимыми. Так, Вена представляет собою гибрид, в котором синтезированы признаки радуги и человека, а Агни – соединение огня и человека и т. п. В гибридных образах разные смыслы вступают в отношении дополнения друг к другу. Благодаря метафорам, первоначальному объекту приписываются признаки других объектов, вследствие чего его образ обогащается, обновляется, усиливается значение одних свойств и низводится значение других, что изменяет облик исходного объекта. Благодаря метафорам, боги выглядят более впечатляющими, загадочными, таинственными, сакральными. Вследствие переименования объектов (перевербализации), переконструирования образов исходных объектов, представления их через иные образы (метафоризация, осуществляющая перерепрезентацию объектов) мы получаем образы и картины

реальных ситуаций сильно видоизмененными, синкретичными, что и затрудняет их дешифровку, объяснение их генезиса, строения и состава.

Истолкование мифа исторически выступает в двух видах. Генетически первый вид – это теологическое, культовое истолкование их. Оно соответствует восприятию содержания мифа. Оно не идет в его глубину, в процесс его создания, развития и функционирования. Этот аспект изучения мифов является объектом рационального, научного истолкования. Его цель – постижение природы всех смыслов мифа. С этой точкой зрения в истолковании также связаны три этапа.

1. Поиск реального прототипа божества, т. е. того первоначального объекта, который стал основой мифологического образа. В случае Вены таким прототипом оказалась радуга.

2. Вычленение из этого образа вымышленных, сакральных признаков божества, т. е. деидеификация мифического образа. В случае Вены ими явился комплекс сакрализованных антропоморфных признаков, благодаря которым Вена был превращен в активного сверхъестественного субъекта.

3. Деметафоризация мифа, возвращение мифологизированным объектам и явлениям их первоначального образа и первичных имен.

Всматриваясь в суть этих операций, мы видим, что с их помощью осуществляется рекурсивный процесс, т. е. процесс поэтапного возвращения мышления к предшествующим феноменам и состояниям объектов. Иными словами, происходит процесс демонстрация мифа, благодаря которому формируется понимание одного из важнейших механизмов мифологического творчества.

Список литературы

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 645–680.

Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М., 1999. С. 284–306.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М., 1990. С. 153–172.

- Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 526–731.
- Зубко Г.В.* Миф: взгляд на мирозданье. М.: Университет. кн., 2008. 360 с.
- Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университет. кн., 2000. 654 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университет. кн., 2001. 280 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Леви-Строс К.* Мифологии: Человек голый. М.: ИД Флюид, 2007. 784 с.
- Малиновский Б.* Магия. Наука. Религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
- Найдыш В.М.* Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
- Ричардс А.А.* Философия риторики // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М., 1999. С. 44–67.
- Серль Дж.Р.* Метафора // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М., 1999. С. 307–342.
- Смирнова Н.М.* Интерактивная природа смысла: эпистемология метафоры // Опыт и смысл. М., 2014. С. 15–38.
- Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Хэнкок Г.* Следы богов: в поисках истоков древних цивилизаций. М.: Вече, 1998. 496 с.
- Шахнович М.М.* Евгемер // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 6.
- Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст. М., 1989. С. 231–267.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М: Акад. проект, 2000. 222 с.
- Henle P.* Metaphor // Language, Thought and Culture / Ed. by P. Henle. Univ. of Michigan Press. 1958. Ch. VII.
- New Webster's dictionary of the English language. Delhi, 1989.
- Thieme P.* Untersuchungen zur wortkunde und auslegung des rigveda. Halle, 1948.

Заключение

Книга закончена. Ее авторы, сотрудники вновь образованного сектора философских проблем творчества, сформулировали собственные подходы, которыми они руководствовались, в исследовании различных аспектов смысла и творчества. Н.М. Смирнова рассматривает творчество как процесс созидания культурных смыслов в единстве двух взаимодополнительных аспектов: лингво-коммуникативного и генетического, по-разному выраженных в социальной феноменологии и аналитической философии. И.А. Бескова прибегает к использованию телесно-ориентированного подхода, с позиций которого смысл порождается не разумом единым, но недualьной целостностью «ум-тело», а творчество предстает одним из побочных продуктов эволюции. Наконец, А.С. Майданов применяет результаты собственных исследований в области эпистемологии метафоры к изучению важнейшего фрагмента культурного наследия человечества – индийской мифологии. И если, дорогой читатель, Вы все еще держите эту книгу в руках, наши усилия не были напрасны.

Ключевые слова: язык, смысл, творчество, интенциональность, «расщепление смысла», неартикулированный смысл, эмерджентные коннотации, схема выражения, звукокомплексы, звукобуквы, ум-тело, прото-образы, метафора, интерпретация, миф

Именной указатель

- Аристотель 96–97, 105, 134
Баиндурашвили А.Т. 54, 92
Бескова И.А. 9–12, 46, 90, 136
Бикертон Д. 105, 134
Бирдсли М. 100
Блумфилд Л. 15–16, 18–21, 31
Блэк М. 97, 100, 116, 134
Блэр Х. 97
Блэховиц Дж. 37, 42–44, 50
Бонжур Л. 49
Бреннес Д. 61
Булгаков М.А. 26

Вахман Дж. 95
Витгенштейн Л. 24
Выготский Л.С. 29, 31

Гадамер Г. 40
Гарфинкель Г. 32
Гуссерль Э. 30, 42, 46

Деделенд Ф. 61
Джонсон М. 100, 103, 105, 135
Джонсон-Лэрд Ф. 37, 44, 48
Диоген Синопский 24–25
Дэвидсон Д. 21–26, 28–29, 31

Елизаренкова Т.Я. 122, 135

Журавлев А.П. 57

Зубко Г.В. 135

Идрис Шах 64, 93

Каллаган О.С. 61
Канетти Э. 80
Кант И. 48
Кассирер Э. 97, 118, 135
Клейман А. 61
Князева Е.Н. 14, 38–39, 93

Куайн У. 15
Курдюмов С.П. 38–39, 93
Кюлевинд Г. 68

Лакофф Дж. 103, 105, 135
Леви-Стросс К. 118, 135
Лекторский В.А. 15
Лингер Д. 58, 92
Лотман Ю.М. 40
Лука Б. 53, 57
Лурия А.Р. 31–32

Майданов А.С. 9, 11–12, 93, 136
Макферсон Ф. 58
Малиновский Б. 118, 135
Млодинов Л. 83, 93
Моркина Ю.С. 51

Найдыш В.М. 118, 135
Новосёлов М.М. 46

Полани М. 36, 39, 42, 45
Поснер М. 83
Прибрам К. 39

Рамон С. 90
Рассел Б. 13
Ричардс А. 100, 103, 116, 119, 135
Розенберг А. 14
Рош Е. 37, 44, 47

Сёрль Дж. 100, 135
Сикурел А. 33–36
Смайли Д. 65
Смирнов А.В. 16–17, 38
Смирнова Н.М. 9–10, 12, 14, 62, 93, 135–136
Собер Е. 44, 48
Стёпин В.С. 9, 51–52
Судзуки Д.Т. 84, 93

Тиме П. 124, 135
Тэлмедж С.Дж. 21, 25–26, 28–29

Уэбстер Н. 96

Филд Ст. 61
Фодор Дж. 39
Фреге Г. 13, 48
Фрезер Дж.Дж. 56, 118, 135
Хенле П. 96
Холлан Д. 61
Хэнкок Г. 118, 135
Черепанова И.Ю. 56–57
Шахнович М.М. 118, 135
Шепард Р. 48
Шпет Г.Г. 17, 118, 135
Шульман М.М. 38
Шюц А. 16, 32–33, 35, 38
Эдельман Дж. 90
Элиаде М. 118, 135

Summary

Three persons: Natalia Smirnova, Irina Beskova and Anatoly Maidanov contributed to the content of this book, which resumes the authors' reflections upon the nature of the most mysterious phenomenon of the human reason – meaning. Being interpreted as an attribute of human thought, activity and social organization, it mysteriously escapes from the rigorous philosophical analysis due to the fact, that it underlines all cultural phenomena. That is to say, to study it we need to transcend the frameworks of our culture and to rise to the “disinterested observer” position. It seems obviously impossible, so as philosophical reflections upon culture are indispensably laden by its tacit cognitive assumptions.

The authors try to introduce the context of contemporary discussions about the nature and cognitive functions of meaning. Methodologically it is incorrect to value them as more or less adequate to the ideals and norms of contemporary philosophical cognition. Rather, they seem to be complementary to each other, and the use of each of them should be the question of cognitive reasonability, rather than truth. Based upon different cognitive assumptions, these approaches contribute to develop the most significant philosophical concept – the meaning of human being and cognition.

In the framework of (post)non-classical rationality it is clear, that our knowledge of both natural and cultural reality has been mediated by symbolic means of language and culture. For this reason in the first and the second sections of the first chapter some concepts of analytical philosophy, concerning the problems of linguistic expression of meaning are viewed. It is shown, that the development of this approach to the nature of meaning implements by “the split of meaning” into first meaning, direct meaning and conventional meaning.

Due attention has been paid to the problem of the so-called “initially unarticulated meaning” genesis. To investigate this subject matter in the third section of the first chapter and in the whole second chapter we shifted the focus of our analysis from the problems of language expression of meaning to the problems of meaning's creation process. This new focus highlights not the “split-sense” problems, but rather cognitive procedures of meaning constitutive problems, the rise of their intersubjective forms. For the meaning constitution process does not present itself on the surface level of the human mind's activity. So, special efforts are needed to discover some basic constitutive operations of human reason.

The authors pay due attention to contemporary discussions about the essence and functions of initially unarticulated meaning from its source in non-symbolic mental representation to its linguistic expression. It requires to study

the links between non-linguistic representations, quasi-images, symbolic images and so on. This study paves the way to the most significant but hidden processes of human reason.

The last, third chapter of the book has been devoted to the study of the epistemology of the metaphor – one of the most significant means of human reason's creative activity. The author focused his attention on the special character of metaphor as a means of human reality's representation, especially on its epistemological, psychological and aesthetics aspects. The structure of the metaphor has also been analyzed, as well as contradictory character of its semantic elements with respect to its references. Special attention is paid to metaphorical character of mythological images and plots. Special methods and techniques of these mental structures' formation are studied as well as their interpretation ways and meanings' definitions. By means of the newly developed techniques of mythological thought some new kinds of Indian mythology interpretation have been suggested. Inverse character of myth's interpretation towards to myths' construction processes has been established.

The book is not aimed at exhaustive description of all cognitive aspects of meaning. The authors focused themselves on the most disputable aspects of the origin and function of meaning in human reason and culture. This is for the specialists and the students of philosophy.

Keywords: language, meaning, creativity, intentionality, “split-sense”, unarticulated meaning, emergent connotations, scheme of expression, sound-complexes, sound-letters, mind-body problem, proto-images, metaphor, interpretation, myth

Научное издание

**Смирнова Наталия Михайловна
Бескова Ирина Александровна
Майданов Анатолий Степанович**

Язык, смысл, творчество

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

*Художник Н.Е. Кожина
Технический редактор Ю.А. Аношина
Корректор А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.05.15.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 9,00. Уч.-изд. л. 6,96. Тираж 500 экз. Заказ № 14.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
<http://iph.ras.ru/archive.htm>

Издания, готовящиеся к печати

1. **Веряскина, В.П.** Трансформация человека в обществе модерна [Текст] / В.П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0287-4.

В монографии рассматривается проблема трансформации человека в контексте современности и обосновывается необходимость персональной модернизации. Автор показывает связь современности с персональностью человека, выделяет исторические истоки персональной модернизации, ее этапы, связанные с появлением в посттрадиционном обществе свободного, автономного индивида. Последующая трансформация человека в обществе модерна соотносится с появлением типов модульного, экономического и массового индивидов. В работе раскрывается связь рефлексивности современности с персональной модернизацией, выделяются долгосрочные тренды возможного развития человека.

2. **Горохов, В.Г.** Эволюция инженерии: от простоты к сложности [Текст] / В.Г. Горохов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 199 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 189–197. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0288-1.

Инженерная деятельность занимает одно из ведущих мест в современной культуре. Часто инженера определяют как специалиста с высшим техническим образованием. Но инженер должен уметь нечто такое, что невозможно охарактеризовать словом «знает». Он должен обладать еще и особым типом мышления, отличающимся как от обыденного, так и от научного. Именно поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое инженерная деятельность необходимо обратиться к ее истории. Важно отличать, с одной стороны, техника от ремесленника, а с другой – от инженера. Инженер, как и ученый-естествоиспытатель, имеет дело с идеализированными объектами и схемами, которые менялись в ходе эволюции инженерии от простого к сложному. Именно эволюции этих идеализированных представлений инженера в отличие от научных и посвящена данная книга.

3. **История философии. Том 20** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Гл. ред. *И.И. Блауберг*. – М. : ИФ РАН, 2015. – 303 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.

«Герои» данного выпуска журнала, посвященного истории западноевропейской философии, – Джон Локк и Никола Кондорсе, Поль Жане и Джузеппе Мадзини, Эдмунд Гуссерль и Эмилио Бетти. Читатель сможет также познакомиться с позицией представителей прагматизма по вопросу о войне, с новыми подходами в психоанализе, с современными тенденциями в феноменологии. В номере помещены материалы Круглого стола «Современное значение идей Александра Койре», приуроченного к 50-летию со дня смерти французского мыслителя, историка философии, религии и науки.

4. **Михайлов, И.Ф.** Человек, сознание, сети [Текст] / И.Ф. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 196 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–195. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0283-6.

В книге рассматриваются вопросы философского понимания человека как существа мыслящего и свободно поступающего, проблемы искусственного интеллекта, коммуникации и социальных сетей. Автор также уделяет внимание философии сознания и теории сетевого общества. Книга содержит интересный фактический материал, в том числе из истории и теории сетевых сообществ. Все эти сюжеты выстраиваются в целостную картину на основе оригинальной авторской концепции, имеющей ярко выраженный дискуссионный характер.

Книга будет интересна специалистам по философской антропологии, философии сознания, искусственному интеллекту и когнитивной социологии, а также студентам и аспирантам философских и социологических факультетов.

5. **Философия науки.** – Т. 20 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Гл. ред. *В.А. Лекторский*. – М. : ИФ РАН, 2015. – 260 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISSN 2225-9783.

Данный номер «Философии науки» является переходным номером к журналу нового формата, который со следующего выпуска будет носить название «Философия науки и техники». Здесь представлены статьи, посвященные вопросам исторической эпистемологии, методологии и теории науки и техники, наукам о человеке, когнитивным наукам, социальным и этическим аспектам научно-технического развития. Также представлены размышления над новыми и классическими философскими работами и обзор международной научной конференции по истории науки.

6. **Шевченко, В.Н.** Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; *В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров*; Отв. ред.: *В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова*. – М. : ИФ РАН, 2015. – 121 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0285-0.

В центре внимания авторов монографии находится сложность и неоднозначность воздействия внешней социальной среды, в первую очередь новейших процессов глобализации, на целостность российского государства. Особый интерес представляют материалы, раскрывающие цели и задачи информационных и интернет-войн, ведущихся сегодня против России. Обсуждаются вопросы методологического характера в отношении мер, направленных на сохранение целостности государства. На основе изучения современного китайского опыта делаются выводы, которые могут оказаться полезными при решении актуальных проблем, стоящих сегодня перед Россией.